

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде 18 (29) мая 1787 г., а раннее детство провел в вотчине отца Данилов-ской (около г. Бежецка). Отец его принадлежал к старинному дворянству. В 1770 г. в возрасте 15 лет он удален был из Измайловского полка в связи с ссылкой его дяди, обвиненного в заговоре против Екатерины II в пользу сына ее Павла. Николай Львович прожил опальным дворянином в своем поместье. Мать Константина Николаевича вскоре после его рождения сошла с ума. Она умерла в 1795 г.

В десятилетнем возрасте Константин Николаевич был отдан в петербургский частный пансион француза Жакино. В 1801 г. он перешел в пансион итальянца Триполи. Шестнадцать лет, в 1803 г.. Батюшков оставил пансион, и на этом закончилось его образование. Своим учителям Батюшков обязан был знанием языков. Французским языком он владел в совершенстве. Слабее знал итальянский язык, не говорил на нем (практически он изучил его позднее, в Италии), но свободно читал итальянских поэтов (правда, в его ранних переводах заметно недостаточное знание итальянского языка). Кроме того, он изучал немецкий и латинский языки.

Уже в пансионе Батюшков начал писать стихи. Увлечение литературой поощрял его дядя, поэт Михаил Никитич Муравьев (1757 – 1807), руководивший занятиями Батюшкова.

Окончив пансион в 1803 г., Батюшков поступил на службу делопроизводителем в министерство народного просвещения. Служба тяготила Батюшкова. Он никогда не мог примириться с канцелярской работой, с бюрократическим духом, хотя обстоятельства постоянно принуждали его служить. В 1811 году 27 ноября он писал Гнедичу.

"Служить из тысячи рублей жалованья титулярным советником, служить и готовиться к экзамену подобно Митрофану... служить писцом, скрибом... Нет, нет, это все выше меня". Батюшков нашел среди своих сослуживцев много молодых писателей, с которыми он подружился. Особенно стал ему близок Н. Гнедич. На много лет с этого времени Гнедича связывала с Батюшковым теснейшая дружба; Батюшков внимательно прислушивался к литературным советам и критике Гнедича. Среди других сослуживцев Батюшкова была группа участников литературного объединения "Вольного общества любителей словесности, наук и художеств". Это были И. П. Пнин, Н. А. Радищев (сын), И. М. Борн и др. Естественно, что Батюшков связался с этим обществом. После первого выступления на страницах московского журнала "Новости русской литературы" в январе 1805 года он начал сотрудничать в журналах, где печатались произведения членов "Вольного общества" ("Северный вестник", "Журнал российской словесности"), а вскоре, 22 апреля, уже был избран в действительные члены общества.

Впрочем, писал Батюшков немного и, например, в 1806 г. он напечатал только одно стихотворение. В следующем, 1807 г. он по собственному желанию оставил гражданскую службу и записался в ополчение. Его часть была отправлена на места военных действий против Наполеона в Пруссию. Через два дня по прибытии в часть Батюшков был ранен в сражении под Гейльсбергом 10 июня 1807 г. и эвакуирован в Ригу, где и находился два месяца на излечении. Отсюда он отправился в деревню отца, в Даниловское. Здесь его ожидали семейные неприятности. Отец его женился вторично, и это послужило причиной раскола в семье. Дети от первого брака, Константин Батюшков и две его сестры, переселились из имения отца в деревню их покойной матери, в Хантоново (Череповецкого уезда). А здесь еще он получил тяжелое для него известие о смерти своего дяди Муравьева, самого близкого своего родственника; в его доме он жил до отъезда на войну. Батюшков перебрался в Петербург; здесь перенес тяжелую болезнь и по выздоровлении вернулся в полк.

Жизнь в Петербурге в 1807 г. сблизила Батюшкова с семьей Д. Н. Оленина, близкого друга покойного Муравьева. Оленин был покровителем и любителем искусства и литературы. Собиравшееся у него общество, где видное место занимал Н. И. Гнедич, соответствовало литературным наклонностям Батюшкова. Здесь господствовало преклонение перед образцами античной древности, но не такое, как у французских классиков и их подражателей. Друзья Оленина считали идеалом прекрасного подлинную античность как в литературе, так и в изобразительном искусстве. Взгляды оленинского круга на искусство отразились в позднее написанной Батюшковым статье "Прогулка в Академию художеств". Литературные связи и симпатии Батюшкова в этом кругу расширились. Оленин и его круг были поклонниками драматической деятельности Озерова (вообще театральные интересы занимали много места в кружке); здесь Батюшков сблизился с Крыловым (что отразилось на

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru заключительной части "Видения на берегах Леты"), а также с драматургом А. А. Шаховским, который предпринял издание "Драматического вестника"; Батюшков стал деятельным сотрудником этого журнала.

Весной 1808 г. Батюшков, по выздоровлении, отправился в войска, действовавшие в Финляндии. Ему не пришлось принять участие в военных действиях, но он целый год провел в походах. Впечатления от северной природы отразились в его очерке "Из писем русского офицера о Финляндии".

Летом 1809 г. Батюшков вернулся из армии в Петербург, а оттуда переехал в Хантоново. Здесь он проводил время в литературной работе. Именно к этому пребыванию в деревне относится его боевая сатира "Видение на берегах Леты", определившая его отношение к литературной борьбе тех лет. Сатира быстро получила широкое распространение и вызвала неудовольствие в среде осмеянных в ней сторонников А. Шишкова. Все сгруппировавшиеся вокруг Шишкова литераторы, соединявшие идеи политической реакции с идеями возврата к формам языка и литературы прошлого, вплоть до неумеренного употребления вымерших церковнославянских оборотов в литературном языке, – все они отнеслись к сатире как к серьезному нападению врага. Об этом Батюшков узнал уже позднее в Москве, куда он переехал из деревни в самом конце 1809 г.

В Москве Батюшкова ожидали новые знакомства и новые литературные связи, которые много определили в его дальнейшей жизни и литературной деятельности. Он сдружился здесь с группой молодых последователей и почитателей Карамзина, впоследствии вошедших в литературное объединение "Арзамас". Среди новых друзей Батюшкова были: Василий Львович Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский. До сих пор его литературным собеседником (в постоянной переписке и в личном общении) был Н. Гнедич: начиная со времени пребывания Батюшкова в Москве влияние карамзинистов начинает преобладать над влиянием Гнедича. Он остается в приятельских с ним отношениях, но явно склоняется к единомыслию с П. А. Вяземским. Здесь же, в Москве, Батюшков познакомился и с Н. М. Карамзиным, и это окончательно поставило его в ряды карамзинистов, борьба которых против осмеянных уже Батюшковым шишковистов в эти годы особенно разгоралась.

Между тем Батюшков, считая себя обойденным по службе, вышел в отставку и жил в качестве помещика на доходы с имения, проводя время то в Москве, то в Хантонове. Поместье его, хотя и запущенное, давало доход для неприхотливой жизни; впрочем, оброка недоставало для дорогой столичной жизни или для поевдок, а о путешествии за границу на собственные средства Батюшков не мог и думать. Все это заставляло Батюшкова искать службы как для дополнительных доходов, так и для "положения" в обществе. Мысль о необходимости служебной карьеры его не покидала. Он мечтал не о канцелярской, а о дипломатической деятельности, которая дала бы ему возможность посетить Европу. В начале 1812 г. он приехал в Петербург. А. Н. Оленин устроил его в Публичной библиотеке. Здесь его сослуживцами, кроме его друга Гнедича, были многие члены кружка Оленина, в том числе И. А. Крылов. С другой стороны, Батюшков познакомился с петербургскими друзьями и почитателями Карамзина: А. И. Тургеневым, Д. В. Дашковым и Д. Н. Блудовым. С новыми друзьями Батюшков в "Обществе любителей словесности, наук и художеств" образовал особую группу. Общество, когда-то передовое, в это время приходило в совершенный упадок. Вся группа, в которую входил Батюшков, покинула общество после исключения из него Дашкова (в связи с инцидентом при выборах в почетные члены графа Хвостова, которого Дашков высмеял в приветственной речи).

Между тем началась война 1812 г. Болезнь помешала Батюшкову принять в ней участие в самом начале. Кроме того, бедственное положение его тетки Муравьевой в Москве заставило его выехать к ней на помощь. Он прибыл в Москву накануне Бородинского сражения. Вместе с Муравьевой и ее семейством он отправился в Нижний Новгород, куда направлялось большинство беглецов из Москвы, оставленной русскими войсками. Из Нижнего Батюшков выехал в Москву после ухода французов. События 1812 г. подействовали на настроения Батюшкова и заставили его пересмотреть свои прежние взгляды и отказаться от прежних симпатий. Из Москвы он писал Гнедичу: "Ужасные поступки вандалов, или французов, в Москве и в ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством". Впечатления от посещения Москвы отразились в его стихотворениях, адресованном Дашкову: "Мой друг, я видел море зла..."

Вернувшись в Нижний, Батюшков встретил здесь приехавшего на лечение генерала

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

А. Н. Бахметева, раненного под Бородином. Батюшков, решивший снова служить в армии, поступил к нему в адъютанты. Отъезд в армию задержался, так как выяснилось, что по состоянию здоровья Бахметев в армию вернуться не может. Батюшков поехал один и был направлен адъютантом к генералу Н. Н. Раевскому. Русскую армию он застал в Дрездене. С первых же дней по прибытии ему пришлось участвовать в сражениях; ранение Раевского в битве под Лейпцигом (4 октября) на два месяца удалило Батюшкова от военных действий: он последовал за Раевским в Веймар, где и оставался до его выздоровления. Вернулись они в армию уже к концу кампании. Батюшков присутствовал при капитуляции Парижа. Здесь Батюшков прожил два месяца. Парижские театры, музеи произвели на Батюшкова сильное впечатление. Он спешил ознакомиться с жизнью города, бродил по его улицам и бульварам, и письма его полны впечатлений от пестрой, красочной жизни Парижа.

Из Парижа через Лондон, затем Швецию и Финляндию Батюшков вернулся в Петербург. Здесь он остановился в дружеской семье Олениных. В этой семье росла и воспитывалась молодая девушка Анна Федоровна Фурман. Батюшков знал ее с детства. Теперь, когда она была уже взрослой девушкой, Батюшков решил жениться на ней. Дело было уже почти улажено, и Оленины сочувствовали браку, но Батюшков убедился, что невеста дала согласие против своего желания. Он отказался от брака и уехал из Петербурга.

Между тем в Хантонове дела приходили в расстройство. Пришлось заняться хозяйством и для этого ехать в деревню. Пробыв здесь некоторое время, Батюшков направился по месту службы, в часть, где находился его начальник Бахметев, в Каменец-Подольск. Он надеялся недолго оставаться в этом городе, рассчитывая на перевод в гвардию. Однако перевод не последовал. Служебные неудачи, вынужденное пребывание в мелком провинциальном городе обострили тяжелое настроение, вызванное расстройством его плана женитьбы. В конце 1815 г. он подал в отставку и выехал из Каменец-Подольска в Москву, где и стал ожидать ответа на свое прошение об отставке.

Здесь Батюшков занялся подготовкой к печати своих произведений, издание которых поручил Н. Гнедичу. Много внимания было уделено прозе, которая составила первый том "Опытов"; стихи вошли во второй том.

1816 – 1817 гг. – время наибольшей литературной известности Батюшкова. В частности, это выразилось в избрании Батюшкова в члены "Московского общества любителей русской словесности" в июле 1816 г. При вступлении на заседании общества была прочитана его речь "О влиянии легкой поэзии на язык". Вскоре затем он был избран в члены "Казанского общества любителей словесности", а после выхода в свет "Опытов" – почетным членом "Вольного общества любителей словесности" (в Петербурге). Но наиболее близким Батюшкову объединением был "Арзамас". В этом обществе объединились все его друзья-карамзинисты. Общество организовалось в порядке дружеских собраний частного характера 14 октября 1815 г., и в число его членов заочно включен был и Батюшков, который при этом получил арзамасскую кличку "Ахилл", вероятно, за свои боевые сатиры против Шишкова и шишковцев: "Видение на берегах Леты" и особенно "Певец в Беседе русского слова" (постоянные болезни Батюшкова дали основание к арзамасскому каламбуру: "Ахилл, ах, хил"). "Арзамас", который ставил себе целью борьбу с "беседистами", конечно, должен был считать Батюшкова и в числе своих главных членов. Однако Батюшков не скоро принял участие в заседаниях "Арзамаса"; лишь 27 августа 1817 г., вскоре после его приезда в Петербург, состоялся официальный его прием с соответствующими юмористическими обрядами...

В ноябре 1817 г. умер отец Батюшкова. Пришлось отправиться в деревню, чтобы спасти имение от окончательного разорения. В эти же годы изменилась и внешняя судьба Батюшкова. Оставив военную службу, он еще в августе 1817 г. опять устроился в Публичной библиотеке, не переставая ходатайствовать о службе в дипломатическом ведомстве; он надеялся таким образом осуществить поездку в Италию. Между тем в мае 1818 г. по болезни ему пришлось уехать в Одессу. Ожидаемого выздоровления Батюшков не нашел и уже собирался поехать в Крым, как пришло известие о назначении его в русскую миссию в Неаполь. Назначение это состоялось благодаря хлопотам А. И. Тургенева, который и поспешил известить Батюшкова об успехе своего ходатайства.

Отказавшись от поездки в Крым, Батюшков немедленно выехал в Москву; оттуда он ненадолго поехал в деревню и затем вернулся в Петербург. Здесь он провел все время в приготовлениях к отъезду и наконец 19 ноября 1818 г., после прощания с

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
друзьями-арзамасца-ми, выехал в Неаполь через Варшаву, Вену, Венецию и Рим.

Путешествие продолжалось долго. Лишь в январе Батюшков прибыл в Рим, где и остановился на некоторое время (отчасти по болезни). Письма его из Италии свидетельствуют об огромном впечатлении, какое на него произвело первое знакомство с итальянскими городами и итальянской природой.

Здоровье Батюшкова все ухудшалось. Вскоре Батюшков из Неаполя выехал в окрестности, на Искию, – остров, где находятся источники горячей соленой воды. Но и эти ванны не помогли ему. Болезнь Батюшкова осложнялась его подавленным настроением: в Неаполе он чувствовал себя одиноким, итальянское общество его не удовлетворяло, с русскими друзьями переписка не налаживалась. Первое время по поручению А. Оленина он сблизился с русскими художниками, жившими в Риме. Один из них, Щедрин, даже некоторое время жил с Батюшковым на одной квартире в Неаполе. Чувство тоски не покидало Батюшкова. Служебные неприятности, нелады с послом, графом Штакельбергом, осложнение положения русского посольства в условиях революционного движения в Неаполе с начала июля 1820 г. – все это заставляло Батюшкова стремиться покинуть Неаполь. Наконец в декабре 1820 г. он получил разрешение Шта-кельберга переехать в Рим, и ему удалось устроиться здесь в русской миссии. Но в Риме его здоровье еще ухудшилось. Постоянные невралгические боли, которыми он страдал с юных лет и от которых стал систематически лечиться еще с 1817 г., настолько усилились, что посол в Риме А. Я. Итальянский исходатайствовал для него отпуск для лечения, и Батюшков направился в Чехию, на Теплицкие минеральные воды, которые славились как лучшее средство против ревматизма и невралгии.

В Теплице, куда он приехал летом 1821 г., силы сперва как будто к нему вернулись. Он снова начал писать стихи, в то время как в Италии он, по собственному его признанию, вовсе не мог заниматься поэзией. Именно в Теплице Батюшков начал подготовку второго издания своих произведений и создал несколько стихотворений, едва ли не лучших из всего написанного им. Но это были последние его стихи. Несмотря на то что он начал лечиться с необыкновенным упорством, вскоре появились симптомы, по которым можно было угадывать развивающуюся душевную болезнь. В частности, друзей поэта поразило, с какой странной раздражительностью он отнесся к двум, по существу мелким, фактам: в "Сыне отечества" были напечатаны Воейковым сообщенные Блудовым новые стихи Батюшкова. Воейков искал текст стихов; Блудов печатно указал на искажения. Воейков в свою очередь вступил в полемику с Блудовым, который, приехав в Теплиц, рассказал Батюшкову о происшедшем. Около того же времени Плетнев напечатал в том же "Сыне отечества" стихи без подписи под заглавием: "Б.....в из Рима", где с самыми добрыми намерениями от имени Батюшкова сообщал, как он скучает в Италии и стремится на родину. На оба эти факта Батюшков взглянул с чрезвычайным раздражением, усмотрев в том желание оскорбить его. Он написал Гнедичу два письма, приложив к ним обращение к "издателям "Сына отечества" и других журналов", в котором, протестуя против стихов Плетнева и своевольного напечатания "Эпиграфии", заявлял: "Дабы впредь избежать и тени подозрения, объявляю, что я в бытность мою в чужих краях ничего не писал и ничего не буду печатать с моим именем". Гнедичу он писал: "Нет, не нахожу выражений для моего негодования: оно умрет в моем сердце, когда я умру. Но удар нанесен. Вот следствие: я отныне писать ничего не буду и сдержу слово". Друзья поэта были в недоумении. Однако болезнь еще не приняла явных форм.

Так как болезненные симптомы не уменьшались, Батюшков направился в Дрезден, намереваясь оттуда ехать во Францию. Из Дрездена он подал прошение об отставке. Здесь с ним виделся Жуковский. Он записал в своем дневнике, что Батюшков рвал ранее написанное и говорил: "Надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось".

В Дрездене Батюшков остался до весны 1822 г. Получив от министра иностранных дел Нессельроде отпуск вместо отставки, Батюшков направился в Петербург, а оттуда на Кавказские минеральные воды. Здесь сумасшествие его определилось окончательно. В августе он поехал в Крым, в Симферополь. Болезнь его приняла тяжелую форму; Батюшков несколько раз покушался на самоубийство. Он поступил под непосредственное наблюдение врачей, и с той поры начинается его длительное существование в качестве душевнобольного. Сперва делали попытки его лечить и для этого поместили в больницу для душевнобольных в Зонненштейне (на Эльбе, в Саксонии), где он пробыл четыре года без всякого изменения в состоянии здоровья. После этого его перевезли в Москву, где он провел три года, а затем в Вологду. Здесь он прожил более двадцати лет и умер 7 (19) июля 1855 г. от тифа.

Первые шаги Батюшкова на поприще поэзии относятся ко времени пребывания его в доме М. Н. Муравьева. "Всем известно, что я многим обязан покойному автору, – писал он о Муравьеве, – его память будет мне драгоценна до поздних дней жизни и украсит их горестным и вместе сладким воспоминанием протекшего!"

М. Н. Муравьев был главным образом прозаик; проза его – это проза моралиста, и морализм является характерным признаком его произведений. В главнейших его "Опытах" ("Обитатель предместья" и "Эмилиевы письма") впечатления и "чувствования" автора составляют главный предмет писаний. И эта морализующая сторона деятельности Муравьева произвела наибольшее впечатление на Батюшкова. Он сочувственно цитирует его сентенции.

Но мораль Муравьева, когда он говорит о "симпатии прекрасных душ", о добродетели, о добром сердце и чистой совести, отличается сентиментальным вседозвольством и пассивностью. В поэзии Муравьева сквозь обветшалую форму, сквозь реакционные настроения благодушного помещика пробивались и ростки нового, еще робкие. Это были проблески русского сентиментализма, пассивные, лишенные гражданского содержания, но уже преодолевавшие риторические формы классической поэзии, обращавшиеся к тем "чувствованиям" человеческой души, которые были предпосылками идей гуманизма, еще не осознанных автором.

Батюшков воспринял у него, конечно, не элементы традиции, а прогрессивные тенденции, те меланхолические размышления и описания, которые предопределили или предупредили расцвет элегической поэзии.

Смысл и направленность литературной деятельности Муравьева раскрылись перед Батюшковым в годы его близости с кружком А. Н. Оленина, связанного с Муравьевым литературной и личной дружбой.

Оленин и его кружок и были пропагандистами русского ампира, характерного для первой четверти XIX в.

Чувствительность была определяющим признаком нового стиля. От древности брались наиболее чувствительные произведения; в лирике переводились и служили предметом подражания элегии Ти-булла, Катулла, Проперций.

Батюшков прошел сквозь эти влияния и увлечения. Воспитанный на французской литературе, он сквозь французские формы воспринял новые стремления. Элегическому направлению он учился у французского поэта Парни. В речи, читанной при вступлении в "Московское общество любителей русской словесности" (при университете), он во враждебно настроенной аудитории подчеркнул свою приверженность "эротической" поэзии, заимствуя этот термин из названия сборника влегий Парни: "Эротические стихи". В той же речи он формулировал идеал легкой поэзии, основанной на новом направлении в искусстве: простоте, ясности, гармоничности: "В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слого, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях".

Не менее увлекался Батюшков итальянской поэзией. Белинский писал: "Отечество Петрарки и Тасса было отечеством музыки русского поэта. Петрарка, Ариост и Тассо, особливо последний, были любимейшими поэтами Батюшкова". Сочинения по истории итальянской литературы были его настольными книгами. "Чем более вникаю в итальянскую словесность, тем более открываю сокровищ истинно классических, испытанных веками", – писал он Вяземскому в 1817 г. И в том же письме он так отозвался о немецкой поэзии и о переводах Жуковского: "К чему переводы немецкие? Добро – философов. Но их – то у насчитать и не будут. Что касается до литературы их, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. У них все каряченье и судороги. Право, хорошего немного" (Батюшков делал исключение лишь для Шиллера, из которого и сам переводил).

И наконец, к поэзии античной древности Батюшков испытывал любовь на протяжении всей своей поэтической жизни. Белинский писал: "Светлый и определенный мир изящной, эстетической древности – вот что было призванием Батюшкова. В нем первом из русских поэтов художественный элемент явился преобладающим элементом. В стихах его много пластики, много скульптурности".

Стремления, окрепшие в оленинском кружке, особенно в противопоставлении Шишкову и шишковствующим, подготовили в Батюшкове союзника арзамасцев. По отношению к Шишкову, который признавал только допетровскую Россию, позиция Батюшкова была более непримиримой, чем позиция других членов оленинского кружка. Это он доказал сатирическим "Видением" и позднейшей пародией "Певец в Беседе".

Естественно, что прежде всего Батюшков отозвался на модные тогда и ожесточенные споры о языке. Это были споры о старом и новом. Шишков и его единомышленники, не принимая ничего нового, стремились вернуться к обветшалым формам мертвого книжного языка, чуть ли не к языку книжников допетровского времени, то есть к церковнославянскому. Наоборот, карамзинисты, не чуждавшиеся умеренно либеральных идей, боролись за русский язык, освобожденный от книжных пережитков старого. Борьбой русского с церковнославянским и характеризуется спор о языке того времени. Однако необходимо оговориться, что карамзинисты, защищавшие живые формы русского языка, еще весьма ограниченно понимали истинные пути его развития. Только с приходом Пушкина в литературу открывается настоящая широкая и свободная дорога для развития русского литературного языка. С арзамасцами Батюшков вступил в тесное общение до основания "Арзамаса". Приехав в Москву, он подружился с Вя-аемским, который приветствовал его боевое "Видение", и с Жуковским. Позднее в Петербурге он познакомился с Дашковым, Блудовым, Уваровым. С последним его связывали интересы к древности. Единственное "арзамасское" произведение Батюшкова, написанное совместно с С. С. Уваровым и изданное отдельной брошюрой, это брошюра "О греческой антологии", предполагавшаяся для арзамасского журнала. Батюшков не участвовал в "Арзамасе" в боевой период его деятельности. Когда он прибыл в Петербург, "Арзамас" уже клонился к упадку. Пародические церемонии с традиционным гусем к заключительному ужину уже теряли свой боевой смысл, так как враждебная "Беседа" уже прекратила свое существование. Забавляясь на подобных собраниях, Батюшков не разделял восторга арзамасцев перед того рода деятельностью. "Каждого арзамасца порознь люблю, но все они вкупе, как и все общества, бредят, карячатся и вредят", – писал он Гнедичу в феврале 1817 г.

3

Батюшков в своем творчестве примкнул к тому направлению в лирике, которое характеризуется стремлением к выражению субъек- тивных чувствований. Это направление утверждалось в литературе ; с 70-х гг. XVIII в.

Появляя личного чувства являлась основной линией его лирики, но содержание ее менялось. Первые стихи Батюшкова, если не считать ряда дидактических сатир, воспевают наслаждение жизнью. С первых шагов поэтической деятельности Батюшков решительно отказывается от высокой традиции оды XVIII в.; он не хочет

...громку лиру ввяв, пойти вослед Алкею,
Надувшись пузырем, родить один лишь дым...

Вместо громких од он пишет тихие элегии:

Что в громких песнях мне?

Доволен я мечтами,

В покойном уюлке тихонько притаясь...

("Послание к Н. И. Гнедичу", 1805 г.)

Уединение, дружба, любовь, мирные радости жизни, поэтическая мечта, преклонение "чувствованиям" и "сердцу", отрицание "холодного рассудка" вот темы, определившиеся в ранних элегических стихах Батюшкова. Одновременно выступает тема природы, одушевленной, как бы участвующей в радостях поэта:

Луга веселые велены,

Ручьи прозрачны, милый сад,

Ветвисты ивы, дубы, клены,

Под тенью вашу – прохлад

Ужель вкушать не буду боле?

("Совет друзьям", 1805 г.)

С 1809 г. появляются произведения, доставившие Батюшкову известность: это – пародическое "Видение на берегах Леты", распространившееся в списках, элегические "Воспоминания 1807 года", лучшие переводы из Парни, из Тибулла; к 1811 г. относится большое "Дружеское послание" к Жуковскому и Вяземскому "Мои пенаты".

1812 г. вызвал у Батюшкова военные темы. Отсюда появляется его тяготение к оде. Одическая форма применена им в Стихотворении "Переход через Рейн", но ода уже не возрождена в ее витийствен-но-торжественной форме; эти стихи переходят в элегические размышления, в которых от оды осталась широта темы (исторический пробег и картины прошлого вначале) и обязательный финал. Но общий тон уже диктуется в лучшем случае мотивами героики и мечтательности в духе модной тогда "северной" лирики, с обязательным упоминанием "туманных облаков", "нагорных водопадов" и именованием поэтов "бардами". Более близким настроению поэзии Батюшкова является следующее стихотворение той же строфической формы: "На развалинах замка в Швеции". Одическая природа элегии явствует из сличения ее с аналогичным стихотворением Пушкина "Воспоминания о Царском Селе", написанным подобной же строфой (слегка измененной) [Сходство строк не случайно, как яд случайны словесные совпадения вроде следующих – у Батюшкова: "...скальд гремел я арфе золотой"; у Пушкина "О скальд Россия вдохновенный... взгреми на арфе золотой!"]. В этой "монументальной" элегии душевные излияния поэта облачаются в формы исторических воспоминаний и размышлений о минувшем.

К этому же времени относится послание Дашкову, рисующее впечатление от разоренной Москвы, а также военные романсы Батюшкова, в числе их знаменитый "Гусар".

Написав несколько больших элегий, Батюшков мечтает о поэме, ищет для нее сюжета и проповедует отказ от мелкой впикурейской лирики. Но ничего в этом роде им не завершено. Единственная повествовательная вещь – мало характерная для него аллегорическая сказочка "Странствователь и домосед". Подобных сказок Батюшков больше уже не писал, но элегий не оставлял. К 1816 г. относятся два главных произведения его в этом жанре: перевод из Мильвуа "Гециод и Омир, соперники" и оригинальное – "Умиравший Тасс". Батюшков в этих элегиях достиг своего расцвета. Любопытно, что именно в это время он переделывает свою раннюю элегию "Мечта".

В эти годы особенно сильно в поэзии Батюшкова звучат мотивы уныния. В частности, тема несчастного поэта особенно его занимает. Ей посвящена и элегия "Умиравший Тасс". Вместо того чтобы воспевать тихие наслаждения жизнью, как в ранних стихах, Батюшков явно поддается чувству неудовлетворенности. Тоска по родной стране явилась темой ряда стихотворений ("Гусар", "Пленный", "Тень друга", "Воспоминания"). Унылые темы разлуки, смерти овладевают поэтом:

Нет, нет, себя не узнаю

Под новым бременем печали!

"Нет, нет, мне бремя жизнь", – восклицает он. Поэта мучают сомнения, на которые рассудок не дает ответа; этого ответа он ждет от "сердца", но и в нем господствует уныние. Однако во всех его стихотворениях присутствует неутолимое желание найти выход и твердая надежда на то, что этот выход будет найден. Стихи приобретают философский характер, язык поэта достиг большой точности и выразительности.

Этими свойствами в высшей степени обладают СТИХИ последнего периода. Они отличаются от предшествующих тем, что Батюшков уж не пишет "монументальных" элегий, предпочитая сжатую форму коротких лирических размышлений и изречений, облеченных в поэтические образы. Такова серия стихотворений из греческой антологии, переведенных для брошюры С. С. Уварова еще до отъезда в Италию, а затем ряд элегических отрывков ("Подражания древним"), написанных в Шафгаузене в июне 1821 г. Это последнее произведение поэта. "Изречение Мельхиседека", замыкающее его творчество, относится к тому же роду. Лирические мысли,

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
изложенные на протяжении шести-восьми строк, – таковы последние стихи Батюшкова. Характерно, что не он один писал подобные вещи. В эти годы многие увлеклись подобного рода короткими лирическими картинками, в которых соединялась античная строгость и пластика с выражением чувств, характерных для человека нового времени. Сюда относятся и южные "подражания древним" А. Пушкина, писанные им или в Крыму, или в результате крымских впечатлений в 1820 и 1821 гг.

Батюшков был последний русский поэт, творчество которого четко распределяется по лирическим жанрам. Но уже и его лирика перерастает жесткие рамки классических жанров. По-видимому, вместе с Гнедичем им создана схема "Опытов", поделенных на три части: элегии, послания, смесь. Последняя часть для Батюшкова действительно была только "смесью": здесь соединены случайные произведения самого различного характера, иногда не типичные для его творчества басни, фрагменты переводных поэм, романсы, сказки, эпиграммы, Существенными являются два первых отдела. Что касается "посланий", то у Батюшкова они почти все написаны в том же роде, что и его "Пенаты": это дружеские послания шуточного характера. Подобные послания хотя и вызвали подражания, но дальнейшего развития не получили; послания поэтов, писавших после Батюшкова, принадлежат по большей части к иным разновидностям посланий и довольно скоро вообще отмирают в поэзии. Более жизнеспособным жанром была элегия. Если внимательно просмотреть состав отдела элегий в "Опытах" Батюшкова, то сразу явствует разнообразие входящих в него произведений. Это не элегии Парни и его подражателей, где первая элегия открывает цепь подобных ей и как бы составляющих с ней одно целое. Здесь каждая новая элегия в каком-то отношении отличается от предыдущей. Ясно, что стихотворения, вошедшие в отдел элегий, уже перерастают рамки твердого жанра.

По схеме "Опытов" Батюшкова построены были первые сборники стихотворений Пушкина (1826) и Баратынского (1827). Но это были последние сборники с подобным жанровым распределением. Развитие русской лирики шло неудержимо к разрушению жанровых границ, и в дальнейшем тот круг произведений, который Батюшков называл элегиями, развился в "лирику вообще".

Заслугой Батюшкова и особенностью его поэзии является его работа над поэтическим языком. Вопрос о языке в сознании писателей начала XIX века был вопросом большого культурного значения. Излагая свои литературные убеждения и разъясняя смысл своей деятельности, Батюшков во вступительной речи в "Московском обществе любителей русской словесности" говорил: "Петр Великий пробудил народ, усыпленный в окопах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу; Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвел в свое время язык русский до возможной степени совершенства – возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданской образованностью и людскостью". Язык современной ему литературы Батюшков считал недостаточно обработанным: "Язык русский громкий, сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающие даже под пером опытного таланта, поддержанного наукою и терпением". Задачи преобразования языка Батюшков возлагал на легкую поэзию, от нее он требовал совершенства, чистоты выражения, стройности в слого, гибкости, плавности. "Красивость в слого здесь нужна, необходима и ничем заменить не может".

В мир мечты и фантазии пытался уйти Батюшков от тревожащих жизни. Понадобились грандиозные события Отечественной войны, чтобы раскрыть ему глаза на мир и его жизнь. Но и эти новые настроения не стали содержанием его поэзии. Только к ранним светлым и радостным тонам прибавилась трагическая нота внутренней неудовлетворенности. Вероятно, это ощущение трагичности и безвыходности его пути рано или поздно привело бы поэта к поискам выхода. Так, он мечтал о создании большого эпического произведения, хотя вряд ли на этом пути он нашел бы подлинное разрешение и подлинное содержание своей поэзии. Болезнь оборвала его жизнь в момент наиболее острого ощущения трагизма.

Художественным инстинктом, поэтическим чутьем Батюшков отразил в своей поэзии те новые стремления и чувства, которые ставят его рядом с Жуковским как поэта, определившего перелом в общем направлении нашей поэзии и подготовившего путь к такому яркому явлению, каким был Пушкин. Мы видели школу Батюшкова. Ей он был обязан своим мастерством, но вместе с тем и своей ограниченностью. Сила Батюшкова чувствуется тогда, когда он преодолевает эту школу и проявляет свой оригинальный и незаурядный талант.

Белинский очень часто сопоставляет имена Жуковского и Батюшкова, признавая, что первый был и крупнее и содержательнее. И вместе с тем Батюшков вовсе не является только спутником Жуковского, он вовсе не повторяет его, и в некоторых отношениях он нам интереснее Жуковского!

"Нельзя сказать, чтоб поэзия его была лишена всякого содержания, не говоря уже о том, что она имеет свой совершенно самобытный характер; но Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным" – так определял роль Батюшкова Белинский.

В чем же этот инстинкт поэта, его "самобытность"? Белинский раскрывал это в сопоставлении именно с Жуковским: "Если неопределенность и туманность составляют отличительный характер романтизма в духе средних веков, – то Батюшков столько же классик, сколько Жуковский романтик: ибо определенность и ясность – первые и главные свойства его поэзии".

И эти именно черты поэзии Батюшкова приобретают свое значение в свете дальнейших судеб русской литературы.

Постепенное разрушение феодального уклада еще в середине XVIII в. вызвало к жизни новое направление в литературе и новые мотивы. Появилась поэзия "чувства", защита прав "души человека" на свободное проявление вне тех рамок, какими было ограничено поведение человека в строго регламентированном абсолютистском феодально-дворянском государстве. То, что робко проявлялось в низовой литературе XVIII в., то на пороге нового века получило законченное выражение в творчестве Карамзина. Носителями этого нового направления у нас в России были преимущественно представители падающего, разорявшегося дворянства. Но не все понимали гражданское, освободительное значение новых идей. Сознательная борьба с отжившим строем была уделом немногих. Голос Радищева был услышан много позднее времени его деятельности. Другие замыкались от враждебной действительности в личную жизнь, в поэзию мечты. В этом, может быть, заключался бессознательный протест против гражданских форм самодержавного государства. Но здесь была опасность уйти от жизни в заоблачные сферы мистических настроений. Этого не избежал Жуковский. И когда перед прогрессивными кругами русского общества все яснее вставали задачи гражданской борьбы, поэзия Жуковского, учителя целого поколения поэтов, вдруг стала ощущаться как чуждая, приглушающая чувство жизни и волю к борьбе. Если рассматривать это в пределах литературных понятий, то и Жуковский и Батюшков были предшественниками нового направления, получившего название романтизма. Вождем русского романтизма явился Пушкин. Но романтизм 20-х гг. был переходным периодом к реализму, сменившему романтизм в 30-х гг. в творчестве самого Пушкина (начиная с "Евгения Онегина") и его ближайших последователей.

Вот почему так важно было, чтобы школа, которую прошли русские романтики (а это были, помимо Пушкина, и все поэты-декабристы), не отвращала их от жизни, не вводила в неопределенную "туманную даль".

И вот в этом-то отношении школа Батюшкова была выше школы Жуковского. Правда, влияние его было гораздо уже влияния Жуковского. Белинский писал: "Батюшков не имел почти никакого влияния на общество, пользуясь великим уважением только со стороны записных словесников своего времени". Это, с одной стороны, освобождает нас от необходимости останавливаться на тех сторонах его творчества, которые выходят за пределы интересов "записных словесников"; но, с другой стороны, мы не должны забывать, что среди этих записных словесников был Пушкин, еще на лицейской скамье зачитывавшийся стихами Батюшкова.

Пластическая форма стихов Батюшкова отражала ощущение реальных наслаждений жизни, и это было чувство земное, приковывавшее к живой жизни, а не уводившее в мистическую даль. Белинский возводил это реальное начало в творчестве Батюшкова к его увлечению мотивами античного мира. Но он же был принужден сознаться, что Батюшков не так уж часто обращался к поэзии древних, а антологические пьесы, в которых чувство античного мира сильнее всего, относятся к последним годам его поэтической жизни, да и переведены они с французского. Конечно, это ощущение жизни было у Батюшкова неподдельным, ему лично присущим. Белинский писал: "Чувство, одушевляющее Батюшкова, всегда органически жизненно, и потому оно не распространяется в словах, не кружится на одной ноге вокруг самого себя, но движется, растет само из себя, подобно растению, которое, проглянув из земли

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
стебельком, является пышным цветком, дающим плод".

Отсюда и та реформа в поэтическом языке, которую произвел Батюшков. Он показал путь к преодолению книжных риторических формул, господствовавших в поэзии XVIII в., формул, от которых не освободил поэзию и такой исключительно одаренный поэт, каким был Державин. Вместо тяжеловесных торжественных оборотов, изображавших возвышенное "парение", Батюшков нашел слова, которые были восприняты современниками как "язык сердца".

Так понималось творчество Батюшкова и его младшими современниками. Бестужев, выражавший в своих критических статьях мнение поэтов-декабристов, писал о Батюшкове: "С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного гармонического языка русского; оба покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы".

Своевременность поэтической деятельности Батюшкова лучше всего доказывается усвоением его поэзии младшими его современниками. Элегия Батюшкова была ими подхвачена, разработана и развита. Непрерывная преемственность связывает Батюшкова с Пушкиным. Именно Пушкин осуществил и довершил то, что начал и не докончил Батюшков. Не случайным является то внимание, с которым следил за молодым Пушкиным Батюшков. Еще в 1815 году они познакомились, и Батюшков пытался отвратить Пушкина от слишком сильного увлечения мотивами эпикурейства, внушенными его же собственными стихами. То, что не могли сделать советы Батюшкова (Пушкин решил "остаться при своем"), то совершилось впоследствии само собой.

В первые годы пребывания Пушкина в лицее Батюшков был его любимым поэтом. Его он считал образцовым поэтом и стремился подражать ему в своих первых стихотворениях.

В дальнейшем Пушкин продолжал стремиться к той "гармонической точности, отличительной черте школы, основанной Жуковским и Батюшковым"...

Наиболее значительным вкладом Батюшкова в русскую литературу было создание русской элегии. Именно элегия была в центре внимания русских поэтов около 1820 г.

Развитие элегии в начале 20-х гг. показало, что Батюшков сделал на этом пути лишь первые шаги. В 1825 г., когда Батюшков уже закончил свой творческий путь, Пушкин писал о нем Рылееву: "что касается Батюшкова, уважим в нем несчастья и несозревшие надежды". В это время Пушкин осознал уже не только неполноту элегий Батюшкова, но и ограниченность всего элегического направления в русской поэзии. В эти годы он и Баратынский уже искали новых путей в поэзии за пределами романтической элегии. Они уже иными глазами смотрели на кумиров вчерашнего дня, уважая в них только прошлое, тот вчерашний день, без которого не наступил бы новый день в поэзии, но который уже не вернется.

В 1830 г., или около этого времени, Пушкин, внимательно перечитывая "Опыты" Батюшкова, нанес на поля книги много замечаний. На этот раз замечания были довольно жестоки.

И однако, судя Батюшкова со всей строгостью, Пушкин нашел в "Опытах" много прекрасных стихов.

Таким образом, какая-то доля обаяния от поэзии Батюшкова осталась у Пушкина на всю жизнь. Это подтверждается хотя бы и тем, что до конца жизни Пушкина в его стихах проскальзывают явные или скрытые цитаты из элегий Батюшкова. И в самом деле, некоторое сродство дарований Батюшкова и Пушкина сохранилось на протяжении всего творческого пути Пушкина. Недаром Белинский утверждал, что "влияние Батюшкова на Пушкина виднее, чем влияние Жуковского. Это влияние особенно заметно в стихе, столь артистическом и художественном: не имея Батюшкова своим предшественником, Пушкин едва ли бы мог выработать себе такой стих". "Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением".

Б. Томашевский

Vade, sed incultus...

К ДРУЗЬЯМ

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья;
Заботы, суеты, печали прежних дней,
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал;
Как вовсе умирал для света;
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного поэта,
Найдет и молвит так:
"Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе, на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!"

1815

ЭЛЕГИИ

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

... E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Sembra languido fiorel

Che piu spera, o che s'attende omai?

Doro trionfo e palma

So! qui restano all'alma

Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.

Che piu giova amicizia o giova amore!

Ahi lagrime! ahi dolore!

"Torrismo", tragedia di T. Tasso

[...Подобно горному, быстрому потоку, подобно зарнице, вспыхнувшей в ясных ночных небесах, подобно ветерку или дыму или подобно стремительной стреле проносится наша слава; всякая почесть похожа на хрупкий цветок! На что надеешься, чего ждешь ты сегодня? После триумфа и пальмовых ветвей одно только осталось в душе – печаль и жалобы и слезные пени. Что мне в дружбе, что мне в любви? О слезы! О горе!

"Торрисмондо", трагедия Т. Тассо (итал.).

(Здесь и далее цифрами обозначены сноски, взятые из издания: К. Н. Батюшков. Полное собрание стихотворений. М. – Л., "Советский писатель", 1964.)]

Какое торжество готовит древний Рим?

Куда текут народа шумны волны?

К чему сих аромат и мирры сладкий дым,

Душистых трав кругом кошницы полны?

До Капитолия от Тибровых валов,

Над стогнами всемирная столица,

К чему раскинуты средь лавров и цветов

Бесценные ковры и багряницы?

К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?

Веселья он или победы вестник?

Почто с хоругвией течет в молитвы дом

Под митрою апостолов наместник?

Кому в руке его сей зыблется венец,

Бесценный дар признательного Рима;

Кому триумф? Тебе, божественный певец!

Тебе сей дар... певец Ерусалима!

И шум веселия достиг до кельи той,

Где борется с кончиною Торквато;

Где над божественной страдальца головой

Дух смерти носится крылатый.

Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды
Ничто не укротит железная судьба,
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнью прощаясь, восклицает:
"Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище.
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиринов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпур безоблачных небес
Вы, тополи, вы, древние оливы,
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костями граждан вселенной:
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченный!
Свершилось! я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаясь как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,

Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний:
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду – молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простова,
Ни под защитою Альфонсова дворца,
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...
Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь
И что за мной еще во мраке блещет?
Феррара... Фурии... и зависти змия!..
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии – Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
И гений мой в страданьях укрепился.

Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,

На берегах цветущих Иордана;

Он вопрошал тебя, мутящийся Кедрон,

Вас, мирные убежища Ливана!

Пред ним воскресли вы, герои древних дней,

В величии и в блеске грозной славы:

Он зрел тебя, Готфред, владыко, вождь царей,

Под свистом стрел спокойный, величавый;

Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,

В любви, в войне счастливый победитель:

Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,

Как огонь, как смерть, как ангел-истребитель.

И Тартар низложен сияющим крестом!

О, доблести неслыханной примеры!

О, наших праотцев, давно почивших сном,

Триумф святой! Победа чистой веры!

Торквато вас исторг из пропасти времен:

Он пел – и вы не будете забвенны

Он пел: ему венец бессмертья обречен,

Рукою муз и славы соплетенный.

Но поздно! я стою над бездной роковой

И не вступлю при плесках в Капитолий,

И лавры славные над дряхлой головой

Не усладят певца свирепой доли!"

Умолк. Унылый огонь в очах его горел,

Последний луч таланта пред кончиной;

И умирающий, казалось, хотел

У парки взять триумфа день единой.

Он взором всё искал Капитолийских стен,

С усилием еще приподнимался;

Но, мукой страшною кончины изнурен,

Недвижимый на ложе оставался.

Светило дневное уж к западу текло

И в зареве багряном утопало;

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Час смерти близился... и мрачное чело,

В последний раз, страдальца просияло.
С улыбкой тихой на запад он глядел...
И, оживлен вечернею прохладой,
Десницу к небесам внимающим воздел,
Как праведник, с надеждой и отрадой.
"Смотрите, – он сказал рыдающим друзьям,
Как царь светил на западе пылает!
Он, он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное Светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай оных мест;
Он осенил меня лазурными крилами...
Приблизьте знак любви, сей таинственный крест...
Молитесь с надеждой и слезами...
Земное гибнет всё... и слава, и венец...
Искусств и муз творенья величавы:
Но там всё вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там все великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастье!.., среди непорочных жен,
Среди ангелов, Элеонора встретит!"
И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали.
День тихо догорал... и колокола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
"Погиб Торквато наш! – воскликнул с плачем Рим,
Погиб певец, достойный лучшей доли!.."
Наутро факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрывся Капитолий.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ "УМИРАЮЩИЙ ТАСС"

Не одна история, но живопись и поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его, конечно, известна любителям словесности: мы напомним только о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой Элегии.

Т. Тасс приписал свой "Иерусалим" Альфонсу, герцогу Феррарскому: ("magnanimo Alfonso!.."); и великодушный покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 году. Странное свидание в таком месте первого мудреца времен новейших с величайшим стихотворцем!.. Но вот что Монтань пишет в "Опытах": "Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели сожалением; он пережил себя; не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его, напечатаны неисправно, безобразно". Тасс, к дополнению несчастья, не был совершенно сумасшедший, и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горечь своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучий, нигде ему не изменило. И в узах он сочинял беспрестанно. Наконец, по сильным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение его продолжалось семь лет, два месяца и несколько дней). Но он недолго наслаждался свободой. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков; одним словом, все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготавливая последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему триумф в Капитолии: "Я вам предлагаю венок лавровый, сказал ему папа, – не он прославит вас, но вы его!" Со времен Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии), Рим не видал подобного торжества.

Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле все было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия; и там – окруженный друзьями и братией мирной обители, на одре мучения ожидал кончины. К несчастью, вернейший его приятель Константин не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа певца "Иерусалима": "Что скажет мой Константина, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуны, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба, в то время как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия, не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе святых отшельников, начать мои беседы с небом. Молись Богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни, и в будущей – которая есть настоящая – не премину все совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости! Рим. – Св. Онуфрий". Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году, исполнив долг христианский с истинным благочестием.

Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату триумфа. По его приказанию говорит Женгене в "Истории литературы итальянской" – тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого гений прославил свое столетие, прославил Италию и который столь дорого купил поздне, печальные почести!..

Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет

поэту великолепную гробницу. Два оротара приготовили надгробные речи, одну латинскую, другую итальянскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горечь кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут. В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
путешественнику простой камень с этой надписью: "Torquati Tassi ossa hie jacent"
[Здесь лежат кости Торквато Тассо (лат.)]. Она красноречива. Да не оскорбится
тень великого стихотворца, что сын угрюмого севера, обязанный "Иерусалиму"
лучшими, сладостными минутами в жизни, осмелился принести скудную горсть цветов
а ее воспоминание!

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к творцу!

Мужайся; будь в терпенье камень.

Не он ли к лучшему концу

Меня провел сквозь бранный пламень?

На поле смерти – чья рука

Меня таинственно спасала,

И жадный крови меч врага,

И град свинцовый отражала?

Кто, кто мне силу дал сносить

Труды и глад и непогоду,

И силу – в бедстве сохранить

Души возвышенной свободу?

Кто вел меня от юных дней

К добру, стезею потаенной,

И в буре пламенных страстей

Мой был вожатай неизменной?

Он! он! Его все дар благой!

Он есть источник чувств высоких,

Любви к изящному прямой,

И мыслей чистых и глубоких!

Всё дар его: и краше всех

Даров – надежда лучшей жизни!

Когда ж узрю спокойный берег,

Страну желанную отчизны?

Когда струей небесных благ

Я утолю любви желанье,

Земную ризу брошу в прах

И обновлю существованье?

1815

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Уже светило дня на западе горит,

И тихо погрузилось в волны!..

Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит

На хляби и брега безмолвны.

И все в глубоком сне поморие кругом.

Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает;

Лишь эхо глас его протяжно повторяет

В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,

В священном сумраке дубравы

Задумчиво брожу и вижу пред собой

Следы протекших лет и славы:

Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,

Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,

Твердыни мшистые с гранитными зубцами

И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой.

Но здесь живет воспоминанье:

И путник, опершись на камень гробовой,

Вкушает сладкое мечтанье.

Там, там, где вьется плещ по лестнице крутой,

И ветер колышет стебель иссохшая полыни,

Где месяц осребрил угрюмые твердыни

Над спящею водой

Там воин некогда, Одена храбрый внук,

В боях приморских поседель,

Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,

Броню заветну, меч тяжелый

Он юноше вручил израненной рукой;

И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:

"Тебе он обречен, о бог, властитель брани,

Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов

И Гелы клятвою кровавой

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
На западных струях быть ужасом врагов

Иль пасть, как предки пали, с славой!"

И пылкий юноша меч прадедов лобзал

И к персям прижимал родительские длани,

И в радости, как конь при звуке новой брани,

Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли!

Суда наутро восшумели,

Запенились моря, и быстры корабли

На крыльях бури полетели!

В долинах Нейстрии раздался браней гром,

Туманный Альбион из края в край пылает,

И Гела день и ночь в Валкалу провождает

Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,

Назад лети с добычей бранной;

Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,

Герой, победою избранный!

Уж скальды пиршество готовят на холмах,

Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,

И вестник радости отцам провозглашает

Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой

Тебя невеста ожидает,

К тебе, о юноша, слезами и мольбой

Богов на милость преклоняет...

Но вот в тумане там, как стая лебедей,

Белеют корабли, несомые волнами;

О, вей, попутный ветер, вей тихими устами

В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой

С добычей жен иноплеменных;

К нему спешит отец с невестою молодой

И лики скальдов вдохновенных.

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,

Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает;

Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;

Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!

Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!

Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бранных челноках
Протекши дальные пучины?

Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Возникшие в снегах, среди ужасов природы,

Среди копий, среди мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах

Не тщетно камни вопрошает

И руны тайные, останки на скалах

Угрюмой древности, читает.

Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,

Гласит ему: "Смотри, о сын иноплеменный,

Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:

Почти их гроб святой!"

Июнь или июль 1814

ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА

Вольный перевод

Месалла! Без меня ты мчишься по волнам

С орлами римскими к восточным берегам;

А я, в Феакии оставленный друзьями,

Их заклинаю всем, и дружбой и богами,

Тибулла не забыть в далекой стороне!

Здесь Парка бледная конец готовит мне,

Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...

Неумолимая! Нет матери со мною!

кто будет принимать мой пепел от костра!

кто будет без тебя, о милая сестра,

За гробом следовать в одежде погребальной

И миро изливать над урною печальной?

Нет друга моего, нет Делии со мной.

Она и в самый час разлуки роковой

Обряды тайные и чары совершала:

В священном ужасе бессмертных вопрошала,

и жребий счастливый нам отрок вынимал.

Что пользы от того? Час гибельный настал,

и снова Делия, печальна и уныла,

Слезами полный взор невольно обратила

На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
"Утешься", – Делии сквозь слезы говорил;

"Утешься!" – и еще с невольным трепетаньем

Печальную лобзал последним лобызаньем.

Казалось, некий бог меня останавливал:

То ворон мне беду внезапно предвещал,

То в день, отцу богов Сатурну посвященной,

Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.

О вы, которые умеете любить,

Страшится любовь разлукой прогневить!

Но, Делия, к чему Изиде приношенья,

Сии в ночи глухой протяжны песнопенья

И волхвованье жриц, и меди звучный стон?

К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон

И очищения священной водою?

Все тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.

Богиня грозная! спаси его от бед,

И снова Делия мастики принесет,

Украсит дивный храм весенними цветами

И с распущенными по ветру волосами,

Как дева чистая, во ткань облечена,

Воссядет на помост: и звезды, и луна,

До восхождения румяная Авроры,

Услышат глас ее и жриц Фарийских хоры.

Отдай, богиня, мне родимые поля,

Отдай знакомый шум домашнего ручья,

Отдай мне Делию: и вам дары богаты

Я в жертву принесу, о Лары и Пенаты!

Зачем мы не живем в златые времена?

Тогда беспечные народов племена

Путей среди лесов и гор не пролагали

И ралом никогда полей не раздирали;

Тогда не мчалась ель на легких парусах,

Несома ветрами в лазоревых морях.

И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
С сидонским багрецом и с золотом бесценным

На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей
И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарного слезою:
В сосуды молоко обильною струею
Лилося из сосцов питающих овец...
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружием среди полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И, если мой конец безвременный настал
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
"Тибулл, месаллы друг, здесь с миром почивает".
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;

Там девы юные, сплетясь в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венок.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий берег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питает жадных птиц утробой своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной
Над холодной рекой сгорает и дрожит...
Все тщетно! Вспять вода коварная бежит
И черпают ее напрасно Данаиды,
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей, любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Забудешься, мой друг, и томные зеницы

Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной нагоде явись моим очам:
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях в блистанье принесет,
И делию Тибулл в восторге обоймет?

<1814>

ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! – повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала.
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи:
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! в то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Едва ли на заре сей жизни не увяну.

И буря дней моих исчезла, как мечта!..

Осталось мрачно вспоминанье...

Между протекшего есть вечная черта:

Нас сблизит с ним одно мечтанье,

Да оживлю теперь я в памяти своей

Сию ужасную минуту,

Когда болезнь вкушая люту

И видя сто смертей,

Боялся умереть не в родине моей!

Но небо, вняв моим молениям усердным,

Взглянуло оком милосердным;

Я, Неман переплыв, узрел желанный край,

И, землю лобызав с слезами,

Сказал: "Блажен стократ, кто с сельскими богами,

Спокойный домосед, земной вкушает рай,

И, шага не ступя за хижину убогу,

К себе богиню быстроногу

В молитвах не зовет!

Не слеп ко славе он любовью,

Не жертвует своим спокойствием и кровью:

Могилу зрит свою и тихо смерти ждет".

Между июлем 1807 и ноябрем 1809

ЭЛЕГИЯ

Я чувствую, мой дар в поэзии погас,

И муза пламенник небесный потушила;

Печальна опытность открыла

Пустыню новую для глаз,

Туда влечет меня осиротелый гений,

В поля бесплодные, в непроходимы сени,

Где счастья нет следов,

Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,

Любимцам фебовым от юности известных,

Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Которые всегда душевну скорбь мою,

Как лотос, силою волшебной врачевали.

Нет, нет! себя не узнаю

Под новым бременем печали!

Как странник брошенный из недра ярых волн,

На берег дикий и кремнистый

Встает и с ужасом разбитый видит челн,

Валы ревущие и молнии змиисты,

Объяввшие кругом свинцовый небосклон;

Рукою трепетной он мраки вопрошает,

Ногой скользит над пропастями он,

И ветер буйный развевает

Молений глас его, рыдания и стон...

На крае гибели так я зову в спасенье

Тебя, последний сердца друг!

Опора сладкая, надежда, утешенье

Средь вечных скорбей и недуг!

Хранитель ангел мой, оставленный мне богом!..

Твой образ я таил в душе моей залогом

Всего прекрасного... и благости творца.

Я с именем твоим летел под знамя брани

Искать иль гибели, иль славного венца.

В минуты страшные чистейши сердца дани

Тебе я приносил на Марсовых полях:

И в мире, и в войне, во всех земных краях

Твой образ следовал с любовью за мною;

С печальным странником он неразлучен стал.

Как часто в тишине, весь занятый тобою,

В лесах, где Жувизи гордится над рекою,

И Сейна по цветам льет серебряный кристалл,

Как часто среди толпы и шумной, и беспечной,

В столице роскоши, среди прелестных жен,

я пенье забывал волшебное сирен

И мыслил о тебе лишь в горести сердечной.

Я имя милое твердил

В прохладных рощах Альбиона

И эхо называть прекрасную учил

В цветущих пажитях Ричмона.

Места прелестные и в дикости своей,

О камни Швеции, пустыни скандинавов,

Обитель древняя и доблестей и нравов!

Ты слышала обет и глас любви моей,

Ты часто странника задумчивость питала,

Когда румяная денница отражала

И дальние скалы гранитных берегов,

И села пахарей, и кущи рыбаков

Сквозь тонки, утренни туманы

На зеркальных водах пустынной Троллетаны.

Исполненный всегда единственно тобой,

С какою радостью ступил на брег отчизны!

"Здесь будет, – я сказал, – душе моей покой,

Конец трудам, конец и страннической жизни".

Ах, как обманут я в мечтании моем!

Как снова счастье мне коварно изменило

В любви и дружестве... во всем,

Что сердцу сладко льстило,

Что было тайною надеждою всегда!

Есть странствиям конец – печалям никогда!

В твоём присутствии страдания и муки

Я сердцем новые познал.

Они ужаснее разлуки,

Всего ужаснее! Я видел, я читал

В твоём молчании, в прерывном разговоре,

В твоём унылом взоре,

В сей тайной горести потупленных очей,

В улыбке и в самой веселости твоей

Следы сердечного терзанья...

Нет, нет! Мне бремя жизнь! Что в ней без упования?

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Украстить жребий твой

Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, все у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упования,
Без дружбы, без любви – без идолов моих?..
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.

Вторая половина 1815 (?)

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось,
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от леты берегов
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она – твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой;
Я от любви теперь увяну.

МЩЕНИЕ

На Парни

Неверный друг и вечно милый!

Зарю моих счастливых дней

И слезы радости и клятвы легкокрылы

Все время унесло с любовью твоей!

И все погибло невозвратно,

Как сладкая мечта, как утром сон приятной!

Но все любовью здесь исполнено моей,

И клятвы страшные твои напоминает.

Их помнят и леса, их помнит и ручей,

И эхо томное их часто повторяет.

Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой,

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,

Взлелеянной в садах Авророй и весной,

Под сенью безмятежной

Цвела невинностью близ матери твоей.

Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость}

Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,

Когда твою грозила младость

Болезнь жестокая во цвете погубить:

Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!

Но с новой прелестью ты к жизни воскресала,

И в первый раз – люблю, краснея, сказала

(Тому сей дикий бор немый свидетель был).

Твоя рука в моей – то млела, то пылала,

И первый поцалуй с душою душу слил.

Там взор потупленный назначил мне свиданье

В зеленом сумраке развесистых древес,

Где льется в воздухе сирен благоуханье

И облако цветов скрывает свод небес;

Там ночь ненастная спустила покрывало,

И страшно загремел над нами ярый гром;

Все небо в пламени зарделось кругом,
И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
И к новым радостям ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовью утраченны навек
Вы будете всегда изменнице упрек:
Воспоминанье ваше,
От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимую, жестокою тоскою.
Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает
И жребий с трепетом читает¹
В твоих потупленных очах.
Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь как бледное в полночь привиденье,
И всюду следовать я буду за тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и взор считает твой.
В глазах соперника, на ложе Гименея
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем бледнея
Неволью трепетать:
Когда ж безвременно с полей кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: "Будь счастлив", в последний жизни час,
И тщетны будут все любовника молитвы!

<1815>

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет;
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет – и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец, тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти, невидимкой
Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Развязался и упал

Улыбнися, друг бесценный,
Это – я! Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крилами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,¹
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею?
Все опять в моих глазах,
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

Февраль 1810

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ

Из III книги

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;
Напрасно: делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! Слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
желал ли обитать во мраморной палате?

К чему мне пажитей обширная земля,
Златыми класами венчаные поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала – при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелых?
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где все один порфир Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?
К чему эритрские жемчужины бесценны
И волны тирские, багрянцем напоенны?
В богатстве ль счастье? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от лар своих за золотом не бежит;
Колеи пред случаем вовек не преклоняет
И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне радостна с тобой!
Тот кров соломенный что крышей золотой,
Под коим, сопряжен любовью с тобою,
Сто крат благословен!.. Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы – не преклонят
Утешит ли тогда Тибулла пышный град?
Ах! нет! и золото блестящего Пактола,
И громкий славы шум, и самый блеск престола
Без Делии – ничто, а с ней и куща – храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любви мать! Когда же парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
и Делией владеть Тибуллу не дано,

Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вокруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

Между сентябрем и декабрем 1809

МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.

Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.

Хранитель гений мой – любовью

В утеху дан разлуке он:

Зйсну ль? приникнет к изголовью

И усладит печальный сон.

Июнь или август 1815

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!

Тезей на берегах Коцита не страдает,
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.

Атридов сын в цепях: но зависти достоин!

С ним друг его, Пилад... под лезвием мечей.

А ты, младый Ахилл, великодушный воин,

Бессмертный образец героев и друзей!

Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
И друга смерть отмстив бестрепетной рукою,

Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

1811 или начало 1812

ТЕНЬ ДРУГА

Stint aliquid manes: letum non omnia finit;

Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propert

[Души усопших – не призрак: смертью не все кончается; бледная тень ускользает, победив костер. Проперций. (лат.)]

я берег покидал туманный Альбиона:

Казалось, он в волнах свинцовых утопал.

За кораблем виляла Гальциона,

И тихий глас ее пловцов увеселял.

Вечерний ветер, валов плесканье,

Однообразный шум и трепет парусов

И кормчего на палубе зыванье

Ко страже, дремлющей под говором валов,

Все сладкую задумчивость питало.

Как очарованный, у мачты я стоял

И сквозь туман и ночи покрывало

Светила Севера любезного искал.

Вся мысль моя была в воспоминанье,

Под небом сладостным отеческой земли,

Но ветров шум и моря колыханье

На вежды томное забвенья навели.

Мечты сменялися мечтами

И вдруг... то был ли сон?., предстал товарищ мне,

Погибший в роковом огне

Завидной смертию, над Плейскими струями.

Но вид не страшен был; чело

Глубоких ран не сохраняло,

Как утро майское, веселием цвело

И все небесное душе напоминало.

"Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!

Ты ль это, – я вскричал, – о воин вечно милой!

Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Белониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее все было сон, мечтанье;
Все, все – и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускайрука моя, о незабвенный друг!
Твою – с любовью сжимает..."
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез, – и сон покинул очи.
Все спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!
Июнь 1814

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ X

Из I книги

Вольный перевод

Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в безвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
Но он виновен ли, что мы на ближних грудь

За золото, за прах – железо устремляем,
А не чудовищей им диких поражаем?
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой
И стол был отягчен избытком сельских брашен,
Тогда не знали мы щитов и твердых башен
И пастырь близ овец спокойно засыпал;
Тогда бы дни мои я радостями считал!
Тогда б не чувствовал неволью трепетанье
При гласе бранных труб! О тщетное мечтанье!
Я с Марсом на войне: быть может лук тугой
Натянут на меня пернатою стрелой...
О боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески, от гибели спасите!
О вы, хранившие меня в тени своей,
В беспечности златой от колыбельных дней,
Не постыдитесь, что лик богов священный,
Иссеченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,
Когда священный лик домашнего пената
Еще скудельный был на пепелище их!
Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы учиним пред ним обильны возлиянья
Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;
Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни майские веселы,
С толпою чад своих, оратай престарелый
Опресноки ему священны принесет,
А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:

Кошницу, полную Церериных даров,
А в жертву – сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,
Явлюсь наутрие пред ваш алтарь священный.
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,
Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне – пусть благи сей буду я достоин
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени,
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи, невидимой стопой,
Но быстро, гонится; и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,
Где лает адский пес, где Фурии свирепы
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
Там теней бледный полк толпится на берегах,
Власы обожжены, и впалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечереет век среди счастливой семьи;
Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои;
Супруга между тем трапезу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О боги! если б я
Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младою,
Я б юность вспомянул за чашей круговую,
И были, и дела давно протекших дней!
Сын неба! светлый Мир! ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лишь багряный сок из Вакховых даров.

В дни мира острый плуг и заступ нам священны;
А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? но победитель твой,
Смотри! – у ног твоих, колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает
И вот уж среди вас, размолвивших, сидит!
Пусть молния богов бесщадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженье!
Но счастлив, если мог в минутном исступленьи
Венок на волосах каштановых измять
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный средь копий и мечей,
Беги, кровавый Марс, от наших олтарей!
Между концом 1809 и мартом 1810

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною,
Под тенью тополей густую,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!
Други! сядьте и внимлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!

Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастье жить!
Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.
Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем;
То воскреснем, то умрем!..
Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?
Я, любовью упоенный,
Все забыл, мои друзья!
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна;
Улыбаясь наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полну чашу;
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!
Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;

Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вакх веселой
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
"Часы крилаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!"
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубит радость и покой.
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад;
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.
Между началом 1806 и февралем 1810
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Н.

О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза некогда цвела
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья;
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Лстецов бездушных рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов;
Судей безжалостных, докучливых нахалов.
Один был нежный друг... и он еще с тобой!

<1810>

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я – не к счастью пробужден
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов,
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива,
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

Вторая половина 1815 (?)

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,

Друзей души, блестящие искусства;
И в шуме грозных битв, под тению шатров,
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно от берегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все – неба на земле – блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

Июль или август 1815

ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовь равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком,
Забудем имена фортуны и честей.

В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеной струи, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод,
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает среди полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, водолей
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки,
О радость! ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг – не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, стоит, дивится и немеет.
Вторая половина 1815
СУДЬБА ОДИССЕЯ
Среди ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;

Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпением рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж? отчизны не познал.

Вторая половина 1814

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
"Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас.
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы

И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьям трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!"
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рожи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего;
И Делия не посетила
Пустынный памятник его,
Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

<1815>

К ГНЕДИЧУ

Только дружба обещает
Мне бессмертия венки;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь к забавам проложен;

К славе – тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться,
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
Как ребенок всем играть;
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал;
Пел, мечтал, подчас стихами
Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была – подруга;
Не был ей поработчен.
А теперь – весна как сон
Легкокрылый исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
Нежны мирты и цветы,
Чем прелестницы венчали
Юного певца, – завяли!
Ах! ужели наградит
Слава счастья утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?
1806

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,

Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали,
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирный цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы

Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

март 1813

ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! приближься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынной
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!
Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,

Сладостно шепчет, несясь по цветам:

Тише, источник! прерви волнованье,

С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;

Вижу улыбку и радость в очах!..

Дева любви! – як тебе прикасался,

С медом пил розы на влажных устах!

Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,

Тихо прижмися устами к устам!..

Будь же ты скромн, источник пустынный,

С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,

Сердца биенье и слезы в очах;

Сладостно девы стыдливой роптанье!

Зафна, о Зафна!.. смотри... там в водах,

Быстро несется цветок розмаринный;

Воды умчались – цветочка уж нет!

Время быстрее, чем ток сей пустынный,

С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..

Ты улыбулась, о дева любви!

Чувствуешь в сердце томленье и сладость,

Сильны восторги и пламень в крови!..

Зафна, о Зафна! – там голубь невинный

С страстной подругой завидуют нам...

Вздохи любви – источник пустынный

С ревом и с шумом умчит по полям!

Первая половина 1810

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ Ф. Ф. К"ОКОШКИ>НА

Nell'eta sua piu bella, e piu fiorita...

...E vivi, e bella al del salita.

Petrarca

[В своем самом прекрасном, самом цветущем возрасте...

и живой, и прекрасной на небо взошла. Петрарка (итал.)]

Нет подруги нежной, нет прелестной лилы!
Все осиротело!
Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
Счастье улетело!
Дружба! ты всечасно радости цветами
Жизнь ее дарила;
Ты свою богиню, с воплем и слезами,
В землю положила.
Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вокруг урны!
Пусть приносит юность в дар чистейший слезы
И цветы лазурны!
Все вокруг уныло! Чуть зефир весенний
Памятник лобзает;
Здесь, в жилище плача, тихий смерти гений
Розу обрывает.
Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,
Гасит у гробницы свой светильник ясный
Трепетной рукою!
Апрель или май 1811
ПЛЕННЫЙ
В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет
И яворы шумят;
В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,

Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один – толпой врагов.
"Шуми, – он пел – волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн – родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь – не жизнь, без славы – бремя,
И пуст прекрасный мир!
Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет;
Все славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне вспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!
Здесь прелесть – сельские девицы!
Их взор огнем горит,
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне
И в дебрях и в снегах.
Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;

Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!
На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном, в часы вечерни,
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн – родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей;
Вы, звезды севера, горите
Изгнаннику светлей!"
Так пел наш пленник одинокой
В виду лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
Он пел – у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на златых верхах Лиона
Луч солнца догарал.

<1814>

ГЕЗИОД И ОМИР, СОПЕРНИКИ
Посвящено Алексею Николаевичу Оленину ,
любителю древности
Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,

Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
. Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям}
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливы венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы;
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!
Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный.
Здесь песней царь, Омир
И юный Гезиод, Каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебя маслину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает):
Гезиод
Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой ипокрены;
Там пастыря нашли прелестные Камены,
И я в обитель их священную вступил.
Омир
Мне снилось в юности: орел–громометатель
От Мелеса меня играючи унес

На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.1

Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,
Так выше всех богов – властитель их, Зевес1"

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы, все смертные, все Паркам обречены,
Увидим области подземного царя,
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льючи дань свою в бездонные моря.

Омир

я приближаю к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел "Труды и дни"...
Для старца ветхого уж кончились они!

Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежной
На синем Стримоне, провидя страшный час,

Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проник в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? в юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

Омир

Твой глас подобится амврозии небесной,
что Геба юная сапфирной чашей льет.
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... муз любимый жрец!., страшись руки
злодейской,
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов;
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской
Как жертву славную готовит для врагов.
Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легких Ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну, роскошную сопутницу Гиад:
Как Феб торжественно вселенну обтекает,

Как дни и месяцы родятся в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях;
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада.
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный средь мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливым Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает,
И Музам светлые сосуды предлагает,
Как дар, усердный дар певца, за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком.
Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит,
Он с ним пристанища в Элладе не находит;
И где найдут его талант и нищета?
Конец 1816 – январь 1817.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ "ГЕЗИОД И ОМИР"

Эта элегия переведена из Мильвуа, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом годе, в цветущей молодости. Французские музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники; некоторые сомневаются, а иные совершенно оспаривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из поэмы "Труды и дни", жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона: там родился Гезиод. Музы, говорит он в начале "Феогонии", нашли его на Геликоне и обрекли себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая завещал, чтобы в день смерти его, ежегодно, совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем "Пир Семи Мудрецов" заставляет рассказывать Периандра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем, и, в знак благодарности музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить об Омيره. Кто не знает – что первый в мире Поэт был слеп и нищий? Нам Музы дорого таланты продают!

К ДРУГУ

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?

Где постоянно жизни счастье?

Мы область призраков обманчивых прошли;

Мы пили чашу сладострастья:

Но где минутный шум веселья и пиров,

В вине потопленные чаши?

Где мудрость светская сияющих умов?

Где твой фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез

И место поросло крапивой,

Но я узнал его: я сердца дань принес

На прах его красноречивой.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской

И яркий Веспер засияет

На темном севере, – твой друг, в тиши ночной,

В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель олтарей

Богини неги и прохлады,

От пресыщения, от пламенных страстей

Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,

Венок веселия слагаю

И часто в горести, в волненье чувств моих

Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам;

Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям,
И что ж? их урны обнимаем.
Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла лила красотой?
Благие небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной под луною:
Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;
.чело открытое одной из важных муз
И прелесть – девственной хариты.
Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.
Цветок (увы!) исчез, как сладкая мечта!
Она, в страданиях, почила
И с миром, в страшный час, прощаясь навсегда...
На друге взор остановила.
Но дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тень чистейшую – дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.
Так все здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвны пребывали.
Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам

И вечно пристани не знает,
Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.
Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.
Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен;
Ногой надежною ступаю;
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

МЕЧТА

Подруга нежных муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветер порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит все любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампы;

явись и дай вкусить сердечныя отрады.
Любимца твоего, любимца Аонид,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести – мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.
Или в полночный час
Он слышит Скальдов глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит,
– "Чья тень, чья тень, – гласит
В священном исступленьи,
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженье!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал, витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! и над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,

На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горних вод и тихоструйных лир,
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн".
Склонясь на злачный дерн
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге Скальд поет
О славе древних лет;
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехю блестят.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас Скальда замолкает.
Замолк – и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,

Всегда полунагие,
На пиршествах гостям
Обильны яствы носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед.
Так древний Скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:
Он счастлив, погрузясь о счастье в сладки думы!
О сладкая мечта! о неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединенье
Над кущей рыбаля, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град, и дождь осенний.
Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или, забывшись на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной,
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!
Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему, и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Все, все украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь,
И счастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость, в день пасмурный,
Страница 65

осенний,
На мирном ложе сна
В уединенной сени
Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердце холодных радость,
Веселий шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!
Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой мечты?
Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой;
Теперь блаженствуешь и счастлив ты – мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призраки,
И нектаром любви кропит ленивы маки.
Мечтание – душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных и веселых

И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах уетарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединенье,
Ты ждал Глицерию, и в сладостном забвенье,
Томимый негой на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерин стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной,
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечной,
Счастливец! воспевал
Цитерския забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!
Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов,
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетая в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...

Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья,
Надежда изменит – и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.
Но ты – пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златый у мраморных палат,
Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве – мечтой!
Их сердцу малость драгоценна,
Как пчелка, медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем – ручеек;
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив – он мечтает!

1817

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

Меж тем, как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны.
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при Рейнских водах!
И, жадные с холмов в окрестность броса взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках;
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов, вечною струей
Ты льешься, Рейн величавой!
Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Рейн, воды.
Века мелькнули: мир крестом преображен;
Любовь и честь в душах суровых пробудились.
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые – и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкий трубадуров лиры.
Так, здесь, под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь все питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.
Все, все, – и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,

Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.
Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал,
И ты – уныло протекал
Между враждебными полками?
Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичася, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улей и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян;

Где ангел мирный, светозарной
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков, и новых коней ржанье,
"Ура" победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот – коней лихих поят,
Кругом заставляя дол зыбучий.
Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легких всадников рои
В текучей влаге отраженны!
Там слышен стук секир, и пал угрюмый лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают!
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.
Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест

И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...
Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник среди гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель олтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Олтарь сияньем осыпает.
Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.
И се подвигнулись – валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется все войско;
И эхо вторит клик геройской,
Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимной,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!..

1816 – февраль 1817

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить олтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.
Спешу принести цветы и ульев сот янтарный
И нежны первенцы полей:

да будет сладок им сей дар любви моей
и гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.
Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.

Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.
Он молит муз – душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
и свежесть – вянущим бесперестанно
чувствам.

Пускай забот свинцовый груз
в реке забвения потонет,
и время жадное в сей тайной сени муз
любимца их не тронет:
Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

Май 1817

ПОСЛАНИЯ

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуксвскому

и Вяемскому

Отчески пенаты,

О пестуны мои!

Вы златом не богаты,

Но любите свои

Норы и темны кельи,

Где вас на новосельи

Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья.
Богинь пермесских дар!
О Лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полужаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель
Все утвари простые,
Все рухлая скудель!
Скудель!., но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..
Отеческие боги!

Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные счастливы,
Придворные друзья
И бледны горделивы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня;
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками
Как вихор на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,

И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись
Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня;
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: "Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!.."
Блажен, в сени беспечной
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..
Уже потухли звезды
В сиянии дневном
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,

Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И все любовью дышет
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища пролады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богиню слепою
Забыт я от пелен:
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен

Лишь прелестью твоей!
Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретаает хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы,
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,

Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин;
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона
И наслажденья храм;
То древню Русь и нравы
Владимира времен,
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасной,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою"
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,

Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!
А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!
Фортуна! прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,

Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы–ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны Г
Придите в час беспечный
Мой домик навестить
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелюю мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай,
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок – наливай!
Питомец муз надежный,
О Ариштиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных;
И все заботы славы.
Сует и шум, и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,

И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой 1
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим; .
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы,
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут,
И нас в обитель ночи
Ко прадедам снесут
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас.
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сверитесь, и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повилик;

И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!
Вторая половина 1811 и первая половина 1812
ПОСЛАНИЕ ГРАФУ ВИЕЛЬГОРСКОМУ
О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас, юношей, увидела Двина!
Когда, отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать,
И новый регламент и новые законы
В глазах прелестницы читать!
Заря весны моей! тебя как не бывало!
Но сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!),
Вливает томный огонь и в очи и в уста,
А в сердце юное любви прямое чувство.
Счастливые места, где нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящих с трубками вокруг угольных огней
За сыром выписным, за гамбургским журналом,
Меж тем как жены их, смеясь под опахалом,
"Люблю, люблю тебя!" – пришельцу говорят
И руку жмут ему коварными перстами!
О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней, и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,

Одушеви мое музыкой песнопенье;
Вдохни огонь любви в холодные слова,
Еще отдай стихам потерянные права
И камни приводить в движенье,
И горы, и леса!
Тогда я с сильфами взлечу на небеса,
И тихо, как призрак, как луч от неба ясной,
Спущусь на берега пологие Двины
С твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебных струны,
Коснусь... и нимфы гор при месячном сиянье
Как тени легкие, в прозрачном одеянье
С сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,
И майский ветерок, проснувшись на цветах
В прохладных рощах и садах,
Повеет тихими крилами:
С очей прелестных дев он светит тонкий сон,
Отгонит легки сновиденья,
И тихим шепотом им скажет: "это он!
Вы слышите его знакомы песнопенья!"

Конец декабря 1809

ПОСЛАНИЕ К ТУРГЕНЕВУ

О ты, который среди обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел – характер честный дедов!
О ты, который при дворе,
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!
О ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь,

Но, бедного услыша стон,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моление,
Доставь крупицу от щедрот
Сироткам двум на прокормление!
Замолви слова два за них
Красноречивыми устами:
"Лишь дайте им!" – промолви – вмиг
Оне очутятся с рублями.
Но кто оне? Скажу точь-в-точь
Всю повесть их перед тобою.
Оне – вдова и дочь,
Чета забытая судьбою.
Жил некто в мире сем...ов,
Царя усердный воин.
Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.
Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не все для бедных бедство!
Им добры люди помогли,
Согрели, накормили,
И словом, как могли,
Сироток приютили.
Прекрасно! славно! – спору нет!
Но... здешний свет
Не рай – мне сказывал мой дед.
Враги нахлынули рекою,
С землей сравнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою...
А между тем все дочь растет,

И нужды с нею подрастают.
День за день все идет, идет,
Недели, месяцы мелькают;
Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь-в-точь!
Прелестный взор, глаза большие,
Румянец Флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.
Что слово молвит – то приятство,
Что ни наденет – все к лицу!
Краса (увы!) ее богатство
И все приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба!
Тургенев, друг наш! ради неба
Прийди на помощь красоте,
Несчастью и нищете!
Оне пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу,
За чье здоровье – умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечной!
14 октября 1816
ОТВЕТ ГНЕДИЧУ
Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;
Он отслужил слепой богине,
Бесплодных матери сует.
Увы, мой друг! я в дни молодые
Цирцеям так же отслужил!
В карманы заглянул пустые,
Покинул мирт и меч сложил.
Пускай, кто честолюбьем болен,
Бросает с Марсом огонь и гром;

Но я – безвестностью доволен
В Сабинском домике моем!
Там глиняны свои пенаты
Под сенью дружней съединим,
Поставим брашны небогаты,
А дни мечтой позолотим.
И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой...
Увы! твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой!
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир!
Между концом июля 1809 и февралем 1810
К ЖУКОВСКОМУ
Прости, балладник мой,
Белева мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет,
Гнезда не покидая,
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных,
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!

О! пой, любимец счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог,
Весь Амальтеи рог,
Вовек неисто щимый,
На жирный твой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гиппократ,
Наперсник парки бледной,
Попов слуга усердный,
Чуме и смерти брат,
Поклявшись латынью
И практикой своей,
Поит меня полынью
И супом из костей;
Без дальнего старанья
До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Все в жизни изменило,
Что сердцу сладко льстило;
Все, все прошло, как сон:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
Я стал подобен тени,

К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
А доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера, с улыбкой злою,
Мне молвила она
(Как древле Громобою
Коварный Сатана):
"Усопший! мир с тобою!
Усопший! мир с тобою!"
Ах! это ли одно
Мне роком суждено
За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья,
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов:
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают
И до смерти меня
Убийцы зачитают!
Июнь 1812

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
Для славы и честей,
Одной любви послушен,
Он дышит только ей.
Везде с своей мечтою,
В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах.
Как призрак бледный бродит;
Одно твердит, поет!
Любовь, любовь зовет...
И рифмы лишь находит!
Так! верно, Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон
Судил поэтам горе.
Все нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья;

Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,
Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры
Там в горести погас;
Скалы и дики горы
Его лишь знали глас
На берегах Воклюзы.
Там Душеньки певец,
Любимец нежный музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
Везде искал мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах...
И я – клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
Судьбы перенесли!
Первая половина 1812 (?)
К ПЕТИНУ
О любимец бога брани,

Мой товарищ на войне!
я платил с тобою дани
Богу славы – не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвил я, – и с музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
я геройскими руками...
Ужин вам приготавливал.
Счастлив ты, шалун любезный,
и в Цитерской стороне;
я же – всюду бесполезный,
и в любви, и на войне;
Время жизни в скуке трачу
(За крилатый счастья миг!)
Ночь зеваю... утром плачу
Об утрате снов моих.
Тщетны слезы! Мне готова
Цепь, сотканна из сует;
От родительского крова
я опять на море бед.
Мой челнок Любовь слепая
Правит детскою рукой;
Между тем как Лень, зевая,
На корме сидит со мной.
Может быть, как быстра младость
убежит от нас бегом,
я возьмусь за ум... да радость

Уживется ли с умом?

Ах! почто же мне заране,

Друг любезный, унывать?

Вся судьба моя в стакане!

Станем пить и воспевать:

"Счастлив! счастлив, кто цветами

Дни любви украшал;

Пел с беспечными друзьями,

А о счастья... мечтал!

Счастлив он, и втрое боле,

Всех вельможей и царей!

Так давай в безвестной доле,

Чужды рабства и цепей,

Кое-как тянуть жизнь нашу,

Часто с горем пополам;

Наливать полнее чашу

И смеяться дуракам!"

Первая половина 1810

ПОСЛАНИЕ И. М. МУРАВЬЕВУ

АПОСТОЛУ

Ты прав, любимец муз! от первых впечатлений,

От первых, свежих чувств заемлет силу гений,

И им в теченье дней своих не изменит!

Кто б ни был: пламенный оратор иль пиит,

Светильник мудрости, науки обладатель,

Иль кистью естества немного подражатель,

Наперсник муз, познал от колыбельных дней,

Что должен быть жрецом парнасских олтарей.

Младенец счастливый, уже любимец феба,

Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,

На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,

На воды быстрые и полный мрака лес.

Он, к лону матери приникнув, улыбался,

Когда веселый май цветами убирался

И жаворонок вился над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем?
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
Что видел в юности пред хижинкой родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель,
Желает в песнях муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами
И Минций в камышах недвижимый стоит,
От милых лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенный,
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал
И Титира свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! нет! и в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внимлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихий враждебных бой,
Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид
Все, все возносит ум, все сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами,
И огонь поэзии питает между нами.
Близ колы пасмурной, средь диких рыбаблей,
В трудах воспитанный, уже от юных дней

Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный,
Сей огонь зиждительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенной
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум,
Прислушивая волн однообразный шум...
Лице горит его, грудь тягостно вздыхает.
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слеза, известная таланту одному!
В красе божественной любимцу своему,
Природа! ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет,
Как часто воспевал восторженный поэт:
"Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры,
И ледяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!"
В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,
Отчизны сладкий дым и древний град отцов.
На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,

Пиит, от юности до серебряных власов,
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует гений
Неиссякаемый источник наслаждений
Взамену счастья и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах
И в мире – дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет;
Пускай незнаемый, без злата и честей,
С главой поникшею он бродит меж людей;
Пускай, фортуною от детства удостоен,
Он будет судия, министр иль в поле воин
Но музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет все пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом
Все сильно чувствует, все ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец.
Готовит фебу дань, – его грядущий жрец.
Между июлем 1814 и 24 мая 1815

СМЕСЬ

ХОР

ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ
СМОЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

Один голос

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной.

Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Подруги! сердце в первый раз
Здесь чувства сладкие познало;
Здесь дружество навек златою цепью нас,

Подруги милые, связало,
Так! сердце наше в первый раз
Здесь чувства сладкие познало.
Виновница счастливых дней!
Прими сердце благодаренья:
К тебе летят сердца усердные детей
И тайные благословенья.
Виновница счастливых дней!
Прими сердце благодаренья!
Наш царь, подруги, посещал
Сие жилище безмятежно:
Он сам в глазах детей признательность читал
К его родительнице нежной.
Монарх великий посещал
Жилище наше безмятежно!
Простой, усердной глас детей v
Прими, о боже, покровитель!
Источник новый благ и радости пролей
На мирную сию обитель.
И ты, о боже, глас детей
Прими, всесильный покровитель!
Мы чтим здесь от юных лет
Закон твой, благости зеркало;
Под сенью олтарей, тобой хранимый цвет,
Здесь юность наша расцветала.
Мы чтим здесь от юных лет
Закон твой, благости зеркало.
Финал
Прости же ты, священный кров,
Обитель юности беспечной,
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной!
Где сердце в жизни в первый раз
От чувств веселья трепетало,

И дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало!
Январь или февраль 1812
ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО
Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.
О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронтгеймавы помните сечу?
Как вихор пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший; владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.
Нас было лишь трое на легком челне,
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом; работал веслом;
С Гаральдом, о други, вы страха не знали,
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.
Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни

Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?

Железом я ноги мои окриляя,
И лань упрядаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.
Я в мирных родился полночи снегах,
Но рано отбросил доспехи ловитвы
Лук грозный и лыжи – ив шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.
Между февралем и 17 июля 1816

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней – она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает

Пурпуровый виноград
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг – она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвэ! и неги глас!

<1815>

СОН ВОИНОВ

Из поэмы "Иснель и Аслега"
Битва кончилась; ратники пируют
Вокруг зажженных дубов...
...Но вскоре пламень потухает
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев среди полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет,
И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома,
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!

Иный чудовище сражает
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука
Подъята вверх... окостенела;
Бежать хотел – его нога
Дрожит, недвижима, замлела;
Встает, и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных, тихих вод,
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой,
Воззвать к дружине верной хочет,
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Триkrát сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звеня, упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья.
Но ветер шумит и в роце свищет;
И волны мутного ручья
Подшвы скал угрюмых роят,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...
Между 1808 и февралем 1811
РАЗЛУКА
Гусар, на саблю опираясь,

В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:
"Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!
Любви непобедима силаГ
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила,
Чего страшиться мне?
Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!
Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!
Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!"
Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним!
А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.
Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка,

А клятвы их – слова!
Все здесь, друзья! изменой дышет,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелю на воде.
Между сентябрем 1812 и январем 1813 (?)

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась – но слегка?
Слышен шум! ты испугалась!
Свет блеснул – и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась; я смеялся.
"Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
и амуры на часах.
Все в безмолвии глубоком,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!"
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,

Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б – и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

<1810>

СОН МОГОЛЬЦА

Баснь

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски.
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий.
Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стон.
Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал;

Тотчас гадателя призвал,
И тот ему в ответ: "я не дивлюсь нимало,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье;
Пустынник на поклон таскался к визирям".
С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.
Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом;
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой близ огонька, в тени древесной летом,
Без страха двери сам для парки отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

<1808>

ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

Месяц плавал над рекою,

Все спокойно! ветерок
Вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.
Мальчик в нем сидел прекрасный,
Тяжким правил он веслом.
"Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!"
– "Добрый путник, дай помогу;
Я не справлю, сидя в нем.
На весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем".
Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок – и за весло!1
Парус ветром надувало,
Нас стрелю понесло.
И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей нимфы в хоровод.
Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;
Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..
Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел;
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!
Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок – а в сердце пламень:
Из беды опять к бедам!
Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных

Тени милых нахожу.

Добрый путник¹ в час погоды

Не садися ты в челнок!

Знать, сии опасны воды;

Знать, малютка... страшный бог!

<1810>

СЧАСТЛИВЕЦ

Подражание Касты

Слышишь! мчится колесница

Там по звонкой мостовой!

Правит сильная десница

Коней серебряной браздой!

Их копыта бьют о камень,

Искры сыплются струей;

Пышет дым, и черный пламень

Излетает из ноздрей!

Резьбой дивною и златом

Колесница вся горит:

На ковре ее богатом

Кто ж, Лизета, кто сидит?

Временщик, вельмож любимец,

Что на откуп город взял...

Ах! давно ли он у крылец

Пыль смиренно обметал?

Вот он с нами поравнялся

И едва кивнул головой;

Вот уж молнией промчался,

Пыль оставя за собой!

Добрый путь! пока лелеет

В колыбели счастье вас!

Поздно ль? рано ль? но приспееет

И невзгоды страшный час.

Ах, Лизета! лъзя ль прельщаться

И теперь его судьбой?

Не ему счастливым зваться
С развращенною душой!
Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где всё пленяет чувства,
Дань морей и дань земли;
Мрамор дивный из Пароса
И кораллы на стенах;
Там, где в роскоши Пафоса
На узорчатых коврах,
Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенью пьет,
Там же слезы сей счастливец
От людей украдкой льет.
Бледен, ночью Крез несчастный
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
"Мне погибель суждено!"
Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!
Душ великих сладострастье,
Совесть зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье,
Гибель - злато и венец!

<1810>

РАДОСТЬ

Подражание Касты
любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,

Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую
Камены и грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее нектара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются со струн ее!
Сегодня – день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
"Люблю!" мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченную
Бесценными каплями,
Румяней становится,
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила:
"Люблю!" тихим шопотом.
Все мне улыбнулося;
Тоска и мучения,
И страхи, и горести
Исчезли – как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами

К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Все мне улыбнулося!
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И хблмы парнасские!
любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Около 1810 (?)

К НИКИТЕ
Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокий,
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот

Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: "Стрелки,
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!"
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?
И вот... о зрелище прекрасно!
Колонны сдвинулись, как лес.
Идут – безмолвие ужасно!
Идут – ружье наперевес;
Идут... ура! – и все сломили,
Рассеяли и разгромили:
ура! ура! – и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах
О, радость храбрых! – киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
"Мы хвалим господа" поем!..
Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавая войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами

К знаменам славы полетишь;
Но там, о горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердце мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылой,
Неоживляемый хвалой.
Июню или начало июля 1817

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ И ПРОЧЕЕ

I

Всегдашний гость, мучитель мой,
О, Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или – дай жить в покое
Когда жестокий рок сведет тебя со мной
Я не один, и нас не двое.

Между 1809 и 1812 (?)

II

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!
Июль или август 1809

III

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и назло рассудку;
Веселостью обязан он желудку,
А памяти – умом.

<1815>

IV

СОВЕТ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только
Петр Великой – Ее не называй.

1810 (?)

V

МАДРИГАЛ НОВОЙ САФЕ

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:

Но, к моему ты горю,

Пути не знаешь к морю.

Июль или август 1809

VI

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Н. Н.

И телом и душой ты на Амура схожа:

Коварна и умна, и столько же пригожа.

<1811>

VII

К ЦВЕТАМ НАШЕГО ГОРАЦИЯ

Ни вьюги, ни морозы

Цветов твоих не истребят.

Бог лиры, бог любви и музыки мне твердят:

В саду Горация не увядают розы.

1816 (?)

VIII

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Под знаменем Москвы, пред падшею столицей,

Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;

В дни мира, новый Грей,

Пленяет нас задумчивой цевницей.

1876 или начало 1817

IX

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

ГРАФА ЭММАНУИЛА СЕН-ПРИ

От родины его отторгнула судьбина;

Но лилиям отцов он всюду верен был:

И в нашем стане воскресил

Баярда древний дух и доблесть Дюгесклина.

1815

X

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!

<1810>

XI

МАДРИГАЛ МЕЛИНЕ,
КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА СЕБЯ НИМФОЮ
Ты нимфа, Ио; нет сомненья!
Но только... после превращенья!
Июль или август 1809

XII

НА КНИГУ ПОД НАЗВАНИЕМ "СМЕСЬ"
По чести, это смесь:
Тут проза, и стихи, и авторская спесь.

<1817>

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД
Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Все видел, все узнал; и что ж? из-за морей
Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего, не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.
Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили,

В предместий Афин под кровлею одной;
В довольстве? Не скажу, но с бодрою душой
Встречали день, и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинский Гарпагон,
И братья-бедняки, о радость! получили
Не помню, сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
- "Как думаешь своей казной расположить?
Клит спрашивал у брата;
А я так дом хочу купить
И в нем тихохонько с женою век прожить
Под сенью отчего пената.
Землицы уголок не будет лишней нам:
От детства я люблю ходить за виноградом,
Водиться знаю с стадом,
И детям я мой плуг в наследство передам;
А ты как думаешь?" - "О! я с тобой несходен;
Я пресмыкаться не способен
В толпе граждан простых,
И с помощью наследства
Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства!"
- "Чего же хочешь ты?" - "Я?., славен быть
хочу".
- "Но чем?" - "Как чем? - умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? кто правит им и как?
Где кончится земля? где гордый Нил родится?

Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
Зачем горящий Феб всё к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!
Я буду в мудрости соперник Пифагора!
В Афинах обо мне тогда заговорят.
В Афинах? – что сказал! – от Нила до Босфора
Прославится твой брат, твой верный Филалет!
Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но красноречья дар, конечно, не забуду.
Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
И площадь нашу посещал
Не даром.
Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичася в пурпуре пргд царскими послами:
Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать,
С народом шумные восторги разделяя,
И, слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
На площади с толпою
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума, и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда афиняне забудут Демосфена
И Кратеса в плаще,
И бочку шута Диогена,
Которую, смотри... он катит мимо нас!"

"Прощай же, братец! – в добрый час!
Счастливого пути к премудрости желаю,
Клит молвил краснобаю;
я вижу, нам тебя ничем не удержать!"
Вздохнул, пожал плечьми и к городу опять
Пошел – домашний быт и домик снаряжать.
А Филалет? К Пирею,
Чтоб судно тирское застать
И в Мемфис полететь с румяною зарею.
Признаться, он вздохнул, начавши одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле,
Надолго расставаясь с нею?
Семь дней на корабле,
Зевая,
Проказник наш сидел
И на море глядел,
От скуки сам с собой вполголос рассуждая.
– "Да где ж тритоны все? где стаи nereид?
Где скрылися они с толпой океанид?
я ни одной не вижу в море".
И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
В Египет странника принес;
Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
Уже в святилище премудрости вступает,
Как мумия сидит среди бород седых
И десять дней зевает
За поученьем их
О жертвах каменной Изиде,
Об Аписе–быке иль грозном Озириде,
О псах Анубиса, о чесноке святом,
Усердно славимом на Ниле,
О кровожадном крокодиле
И... о коте большом!..
– "какие глупости! какое заблужденье!

Клянуся Поллуксом! нет слушать боле сил!"

Грек молвил, потеряв и важность и терпенье,

С скамьи как бешеный вскочил

И псу священному, о ужас! наступил

На божескую лапу...

Скорее в руки посох, шляпу,

Скорей из Мемфиса бежать

От гнева старцев разъяренных,

От крокодилов, псов и луковиц священных

И между греков просвещенных

Любезной мудрости искать.

На первом корабле он полетел в Кротону.

В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,

Мудрейшему из мудрецов,

Жестокому врагу и мяса и бобов

(Их в гневе Пифагор, его учитель славный,

Проклятьем страшным поразил,

Затем, что у него желудок неисправный

Бобов и мяса не варил).

- "Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться?"

У грека старец спросил

С усмешкой хитрою, - итак, прошу садиться

И слушать пенье сфер: ты слышишь?"

"Ничего!"

- "А видишь ли в девятом мире

Духов, летающих в эфире?"

- "И менее того!"

- "Увидишь, попостись ты года три, четыре,

Да лет с десятков помолчи;

Тогда, мой сын, тогда обнимешь бранным взором

Все тайной мудрости лучи;

Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором..."

- "Согласен, так и быть!"

Но греку шутка ли и день не говорить?

А десять лет молчать, молчать да все поститься

Зачем? чтоб мудрецом,

С морщинным от поста и мудрости челом,

В Афины возвратиться?

"О нет!"

Чрез сутки возопил голодный Филалет:

– "Юпитер дал мне ум с рассудком

Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком;

я мудрости такой покорнейший слуга;

Прощайте ж навсегда Кротонски берега!"

Сказал и к Этне путь направил;

За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как

Изношенный башмак

Философ Эмпедокл пред смертью там оставил?

Узнал и с вестью сей

Он в Грецию скорей

С усталой от забот и праздности душою;

Повсюду гость среди людей,

Везде за трапезой чужою,

Наш странник обходил

Поля, селения и грады,

Но счастья не находил

Под небом счастливым Эллады.

Спеша из края в край, он игры посещал;

Забавы, зрелища, ристанья,

И даже прорицанья

Без веры вопрошал;

Но хижину отцов нередко вспоминал,

В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,

Как червем, тайною снедаемый тоскою.

Притом же кошелек

У грека стал легок;

А ночью, как он шел через Лаконски горы

Отбили у него

И остальное воры.

Счастлив еще, что жизнь не отняли его!

"Но жизнь без денег – что? мученье нестерпимо!"

Так думал Филалет,

Тащась полунагой в степи необозримой.

Три раза солнца свет

Сменялся мраком ночи,

Но странника не зрели очи

Ни жила ни стези: повсюду степь и степь

Да гор в дали туманной цепь,

Илотов и воров ужасные жилища.

Что делать в горе! что начать!

Придется умирать

В пустыне, одному, без помощи, без пищи.

"Нет, боги, нет, – Терзая грудь, вопил несчастный Филалет:

я знаю, как покинуть свет!

Не стану голодом томиться!" – И меж кустов реку завидя вдалеке,

Он бросился к реке,

Топиться!

"Что, что ты делаешь, слепец?"

Несчастному вскричал скептический мудрец,

Памфил седобородой,

Который над водой, любуясь природой,

Один с клюкой тихонько брел,

И, к счастью, странника нашел

На крае гибельной напасти.

"Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва

Поведай мне, твоя спокойна ль голова?

Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?

Рассудок: но его что нам вещает глас?

Что жизнь и смерть равны для нас.

Равны – так незачем топиться.

Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться

У старца, чем мудрец здесь может быть счастлив",

Кто жить советует, всегда красноречив:
И наш герой остался жив.
В расселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
Провел в молчании глубоком
И в вечность пронизал своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здоровый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и только. Боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии* тотчас заговорил.
"Все призрак! – под конец хозяин заключил:
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
Все призрак!" – "Сновиденье!"
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: – "я голоден!" – "и это заблуждение,
Все грубых чувств обман; не сомневайся в том".
Неделю попостясь с брадатом мудрецом,
Наш призрак Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.
Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.

Услужливый Памфил

Монет с десяток сам бродяге предложил,
Котомкой с желудьми сушеными ссудил
И в час румяного рассвета
Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь афинский Филалета.
Вот странник наш идет и день и ночь один;
Проходит Арголиду,
Коринф и Мегариду;
Вот Аттика, и вот дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместия начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
Он грек, то мудрено ль, что родину любил,
Что землю цаловал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами
Заговорил!..
Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело все теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
И ждет опять денницы
На милой площади аттической столицы.
Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,
С каким царем, не помню я;
Но знаю только то, что риторы гремели,
Предвестники народных бед;
Так речью их сразить желая, Филалет
Всех раньше на помост погибельный взмогился.
И вот блеснул Авроры свет,

А с ним и шум дневной родился.
Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра – час сует.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчина,
Софист, архонт и Фрина
С толпой невольниц и сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули, вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак,
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал,
И ритор возвестил высокопарным тоном,
Что Аттике война
Погибельна, вредна;
Потом велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
"Что ж делать?" – закричал с досадою народ.
– "Что делать? – сомневаться.
Сомненье – мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться:
И не мириться и не драться!.."
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
А там... Но он стоит уже ни мертв ни жив,
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг – "Ну что же? продолжай!"

оратор все ни слова;
От страха – где язык!
Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
Какая туча там готова!
На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой...
И жалкий Филалет, избитый, полумертвой,
С ступени на ступень в отчаянье летит
И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверсты... к Клиту!
И так тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди,
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит,
И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит,
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал
И брату кинулся на шею со слезами;
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! жена и рой детей
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простый, но щедрый дар наследственных полей
Румяное вино, янтарный мед Гимета;
И чаша поднялась за здоровье Филалета!

"Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!"

Все гости заодно с хозяином вскричали;
И что же? Филалет, забыв народа злость,
Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил
В восторге, – о тебе, великолепный Нил!
А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть все одно и то же поле,
Все те же лица всякий день,
Наш грек, поверите ль? как в клетке стосковался.
Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбирался,
Бродил всю ночь, весь день шатался;
Потом Афины стал тихонько посещать,
На милой площади опять
Зевать,
С софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведав он от старых грамотеев,
Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел – в снега гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
С домашнего порога:
– "Брат, милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве немило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат, останься, Филалет!"
Напрасные слова; чудак не воротился
Рукой махнул... и скрылся.

* Душевное спокойствие. (Здесь и далее звездочкой обозначены сноски К. Батюшкова.)

Между июлем 1814 и 10 января 1815

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
1809 – 1821 гг.

КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

Крот мыши раз шепнул: "Подруга! ну, зачем

На пыльном чердаке своем

Царапаешь, грызешь и книги раздираешь:

Ты крошки в них ума и пользы не собираешь?"

- "Не об уме и хлопочу,

я есть хочу".

Не знаю, впрок ли то, но эта мышь уликой

Тебе, обрызганный чернилами Арист.

Зубами ты живешь, голодный журналист,

Да нужды жить тебе не видим мы великой.

Июль или август 1809

<Н. И. ГНЕДИЧУ>

Где ты поживаешь, друг мой? Радицев пишет, что на дачу переезжаешь. Приезжай
лучше сюда; решишь, и дело в шляпе.

Тебя и нимфы ждут, объятья простирая,

и фавны дикие, кроталами играя.

Придешь, и все к тебе навстречу прибегут

Из древ гамадриады,

из рек обмытые наяды,

и даже сельский поп сатир и пьяный плут.

А если не будешь, то всё переменит вид, всё заплачет, зарыдает:

Цветы завянут все, завоют рощи дики,

Слезами потекут кристальны ручейки,

и, резки испустив в болоте ближнем крики.

Прочь крылья наострят носасты кулики,

Печальны чибисы, умильны перепелки.

Не станут пастухи играть в свои свирелки,

Любовь и дружество – погибнет всё с тоски!

4 августа 1809

ЭПИТАФИЯ

Не нужны надписи для камня моего,

Пишите просто здесь: он был, и нет его!

Конец ноября 1809

ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

Вчера, Бобровым утомленный,
я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прегневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек – и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век,
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке широком,
Наг, голоден и утомлен
Упрямой рифмой к светлу небу.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
и пал без чувств в конце эклоги;
Везде, о милосерды боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет
и губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,
Лавровым лесом осененном,
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, честь и слава россос,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков
и, мельпомены друг, Княжнин.
и ты сидел в толпе избранной,

Стыдливой грацией венчанный,
Певец прелестных мечты,
Между Психеи* легкокрылой
и бога нежной красоты;
и ты там был, наездник хилой
Строптивая девственниц седла,
Трудолюбивый, как пчела,
Отец стихов "Тилемахиды";
И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков!
и ты, о мой певец незлобный,
Хемницер, в баснях бесподобный!
Все, словом, коих бог певцов
венчал бессмертия лучами,
Сидели там олив в тени,
Обнявшись с прежними врагами;
Но спорили еще они
О том, о сем – и не без шума
(И в рае, думаю, у нас
У всякого своя есть дума,
Рассудок свой, и вкус, и глаз).
Садилась все за пир богатый,
Как вдруг Майинин сын крылатый,
Ниссланный вышним божеством,
Сказал сидящим за столом:
"Сюда, на берег тихой Леты,
Бредут покойные поэты;
Они в реке сей погрузят
Себя и вместе юных чад.
Здесь опыт будет правосудный:
Стихи и проза безрассудны
Потонут вмиг: так Феб судил!"
Сказал Эрмий – и силой крыл
От ада к небу воспарил.

"Ага! – фонвизин молвил братьям,
Здесь будет встреча не по платьям,
Но по заслугам и уму".

"Да много ли, – в ответ ему
Кричал, смеясь, Сумароков,
Певцов найдется без пороков?
Поглотит Леты всех струя,
Поглотит всех, иль я не я!"

"Посмотрим, – продолжал вполгласа
Поэт, проклятый от Парнаса,
Егда придут..." Но вот они,
Подобно как в осенни дни
Поблеклы листья древесны,
что буря в долах разнесла**,
Так теням сим не весть числа!
Идут толпой в ущелья тесны,
К реке забвения стихов,
Идут под бременем трудов;
Безгласны, бледны, приступают,
Любезных детищей купают...
и более не зрят в волнах!
Но тут Минос, певцам на страх,
Старик угрюмый и курносый,
Чинит расправу и вопросы:
"Кто ты, вещай?" – "я тот поэт,
По счастью очень плодовитый
(Был тени маленькой ответ),
я тот, венками роз увитый
Поэт-философ-педагог,
который задушил Вергилия,
Окоротил Алкею крылья.
я здесь! Сего бо хочет бог
и долг священныя природы..."***

– "кто ж ты, болтун?" – "я... Верзляков!"

- "Ступай и окунися в воды!"

- "Иду... во мне вся мерзнет кровь..."

Душа... всего... душа природы,

Спаси... спаси меня, любовь!

Авось..." - "Нет, нет, болтун несчастный,

Довольно я с тобою вы!"

Сказал ему Эрот прекрасный,

Который тут с Психеей был.

"Ступай!" - Пошел, - и нет педанта.

"кто ты?" - спросил допросчик тень,

Несущу связку фолианта.

"Увы, я целу ночь и день

Писал, пишу и вечно буду

Писать... все прозой, без еров.

Невинен я. На эту груду

Смотри, здесь тысячи листов,

Священной пылию покрытых,

Печатью мелкою убитых,

И нет ера ни одного.

Да, я!.." - "Скорей купать его!"

Но тут явились лица новы

Из белокаменной Москвы.

Какие странные обновы!

От самых ног до головы

Обшиты платья их листьями.

Где прозой детской и стихами

Иной кладбище, мавзолеей,

Другой журнал души своей,

Другой Меланию, Зюльмису,

луну, Веспера, голубков,

Глафиру, Хлою, Милитрису,

Баранов, кошек и котов****

Воспел в стихах своих унылых

На всякий лад для женщин милых

(О, век железный!..). А оне
Не только въяве, но во сне
Поэтов не видали бедных.
Из этих лиц уныло-бледных
Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралей,
На суд явил творенья новы.
"Кто ты?" – "Увы, я пастушок,
Вздохатель, завсегда готовый;
Вот мой венок и посошок,
Вот мой букет цветов тафтяных,
Вот список всех красот упрямых,
Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая",
Сказал и, тягостно зевая,
Спросонья в Лету поскользнул!
"Уф! я устал, подайте стул,
Позвольте мне, я очень славен.
Бессмертен я, пока забавен".
– "кто ж ты?" – "Я русский и поэт.
Бегом бегу, лечу за славой,
Мне враг чужой рассудок здоровой.
Для русских прав мой толк кривой,
И в том клянусь моей сумой".
– "Да кто же ты?" – "Жан-Жак я Русский,
Расин и Юнг, и Локк я русский,
Три драмы русских сочинил
Для русских; нет уж боле сил
Писать для русских драмы слезны;
Труды мои все бесполезны!
Вина тому – разврат умов".
Сказал – в реку! и был таков!
Тут Сафы русские печальны,

Как бабки наши повивальны,
Несли расплаканых детей.
Одна – прости бог эту даму!
Несла уродливую драму,
Позор для ада и мужей,
У коих сочиняют жены.
"Вот мой Густав, герой влюбленный..."
– "Ага! – судья певиче сей,
Названья этого довольно:
Сударыня! мне очень больно,
Что вы, забыв последний стыд,
Убили драмою Густава.
В реку, в реку!" О, жалкий вид!
О, тщетная поэтов слава!
Исчезла Сафо наших дней
С печальной драмою своей;
Потом и две другие дамы,
На дам живые эпиграммы,
Нырнули в глубь туманных вод.
"Кто ты?" – "Я – виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени,
Где роща ржуща ружий ржот*****,
Писал с заказа Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья,
А там, в разрывах черна крова,
Урания – душа сих сфер
И все титаны ледовиты,
Прозрачной мангией покрыты,
Слезят!" – Иссякнул изувер
От взора пламенной Эгиды.
Один отец "Тилемахиды"
Слова сии умел понять.

На том берегу реки забвенья
Стояли тени в изумленье
От речи сей: "Изволь купать
Себя и всех своих уродов",
Сказал, не слушая доводов,
Угрюмый ада судия.
"Да всех поглотит вас струя!.."
Но вдруг на адский берег дикий
Призрак чудесный и великий
В обширном дедовском возке
Тихонько тянется к реке.
Наместо клячей запряженны,
Там люди в хомуты вложенны
И тянут кое-как, гужом!
За ним, как в осень трутни праздны,
Крылатым в воздухе полком
Летят толпою тени разны
И там и сям. По слову: "Стой!"
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки.
"Кто ты? – спросил ее Минос,
И кто сии?" – на сей вопрос:
"Мы все с Невы поэты росски",
Сказала тень. – "Но кто сии
Несчастливы, в клячей превращенны?"
– "Сочлены юные мои,
Любовью к славе вдохновенны,
Они Пожарского поют
И топят старца Гермогена,
Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут;
Стихи их хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски".
– "Да кто ты сам?" – "Я также член;

Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками,
Терпеньем, потом и трудами;
Аз есмь зело Славенофил",
Сказал и пролог растворил.
При слове сем в блаженной сени
Поэтов приподнялись тени;
Певец любовныя езды
осклабил взор усмешкой блудной
и рек: "О муж, умом не скудный!
Обретший редки красоты
и смысл в моей "деидами",
Се ты! се ты!.." - "Слова пустые", - .
Угрюмый судия сказал
и в Лету путь им показал.
К реке подвинулись толпою,
Нырjali всячески в водах;
Тот книжку потопил в струях,
Тот целу книжищу с собою.
Один, один Славенофил,
и то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду.
Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранном,
В пуху, с косматой головой,
С салфеткой, с книгой под рукой.
"Меня врасплох, - она сказала,
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов:

Теперь же час, друзья, обедать,
Я – вам знакомый, я – Крылов! "*****"
"Крылов, Крылов", – в одно вскричало
Собрание шумное духбв,
И эхо глухо повторяло
Под сводом адским: "Здесь Крылов!"
"Садись сюда, приятель милый!
Здоров ли ты?" – "И так и сяк".
– "Ну, что ж ты делал?" – "Все пустяк
Тянул тихонько век унылый.
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья,
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
да басни – все купай, купай!"
О, чудо! – всплыли все, и вскоре
Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай.
Еще продлилось сновиденье,
Но ваше длится ли терпенье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно
Другого и обидеть можно.
А боже упаси того!

1809

* Психею – душу или мечту – древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

** Смотри VI песнь "Энеиды".

*** Смотри "Тень Кука".

**** Это все, даже и кошки, воспеты в Москве – ссылаюсь на журналы.

***** Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать.

***** Крылов познакомился с духами через "Почту".

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарки

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! – и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!
Все смерть похитила, все алчная пожрала
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!
Все тщетно пред тобой – и власть, и волхвованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!
Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье
И все с Лаурою в минуту потерял!

<1810>

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон, взамену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!
Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою

И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов;
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают,
Он счастлив – я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.
Лишь месяц сквозь туман багряный лик оставит
В недвижные моря – пастух поля оставит,
Проститься с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыбарь, спешись на брег уединенной¹
Там, сети приклонив ко утлой ладие
(Вот всё от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы
Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О песнопений мать, в вертепах отдаленных
В изгнанье горестном утеха дней моих,
О лира, возбуди бряцаньем струн золотых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой ночи,
Объятый трепетом, склонился на гранит...
И надо мною тень Лауры пролетит!

* * *

Рыдайте, амуры и нежные грации,
У нимфы моей на личике нежном
Розы поблекли и вянут все прелести.
Венера всемогущая! Дочь Юпитера!
Услышь моления и жертвы усердные:
Не погуби на тебя столь похожую!

<1810>

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалась стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста сметаи,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делиеи своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы,
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

<1810>

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!
Приблизьтесь, жены, и, руками
Сплетая дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!
Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или как, сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.
Как ваше пенье сердцу внятно,
Как негой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!
Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь.
Да всюду, с чувствами согласны,
Являют негу и любовь!
Но ветер вечерний повеваает,
Уж светлый месяц нал рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.

<1810>

* * *

Известный откупщик Фадей
Построил богу храм... и совесть успокоил.
И впрямь! На всё цены удвоил:
Дал богу медный грош, а сотни взял рублей
С людей.

<1810>

* * *

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
"Теперь, сего же дня,

Прощай, мой экипаж и рыжих четверня!
Лизета! ужины!.. Я с вами распрощался
Навеки для мудрости святой!"

- "что сделалось с тобой?"

- "Бездежка!.. Проигрался!"

<1810>

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

"О хлеб-соль русская! о прадед Филарет!

О милые остатки,

Упрямство дедушки и фережи прабабки!

Без вас спасенья нет!

А вы, а вы забыты нами!"

Вчера горланил Фирс с гостями

И, сидя у меня за лакомым столом,

В восторге пламенном, как истый витязь русской,

Съел соус, съел другой, а там сальмис французской,

А там шампанского хлебнул с бутылку он,

А там... подвинул стул и сел играть в бостон.

ОТЪЕЗД

Ты хочешь, горсткой фимиама

Чтоб жертвенник я твой почтил?

Для граций муза не упряма,

И я им лиру посвятил.

Я вижу, вокруг тебя толпятся

Вздыхатели – шумливый рой!

Как пчелы на цветок стремятся

Иль легки бабочки весной.

И Марс высокий, в битвах смелый,

И Селадон плаксивый тут,

И юноша еще незрелый

Тебе сердечну дань несут.

Один – я видел – все вздыхает,

Другой как мраморный стоит,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Болтун сорокой не болтает,

Нахал краснеет и молчит.
Труды затейливой Арахны,
Сотканные в углу тайком,
Не столь для мух игривых страшны,
Как твой для нас волшебный дом.
Но я один, прелестна Хля,
Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройке в Питер улечу.
Первая половина 1810 (?)

<Н. И. Гнедичу>

Сей старец, что всегда летает,
Всегда приходит, отъезжает,
Везде живет – и здесь и там,
С собою водит дни и веки,
Съедает горы, сушит реки
И нову жизнь дает мирам,
Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем,
Крылатый, легкий, словом – время,
Да будет в дружестве твоём
Всегда порукой неизменной
И, пробегая глупый свет,
На дружбы жертвенник священный
Любовь и счастье занесет!

5 декабря 1811

<ОТРЫВОК ИЗ XXXIV ПЕСНИ

"НЕИСТОВОГО ОРЛАНДА">

Увы, мы носим все дурачества оковы,
И все терять готовы
Рассудок, бранный дар небесного отца!
Тот губит ум в любви, средь неги и забавы,
Тот, рыская в полях за дымом ратной славы,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

Тот, ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот, по морю летя за тирским багрецом,
Тот, золота искав в алхимии чудесной,
Тот, плавая умом во области небесной,
Тот с кистию в руках, тот с млатом иль с резцом.

Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься, смертных род, в луне рассудок твой!

декабрь 1811

НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Не странен ли судеб устав!

Певцы Петра – несчастья жертвы:

Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы!

1812 (?)

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН

1 января 1813 года

(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на берегу покинутые селы
Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Достигли Немана – и копыя водрузили.

Из снега возросли бесчисленны шатры,
и на берегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
Сидел между вождями,
и старец-вождь пред ним, блестящий сединами
и бранной в старости красой.

1813 (?)

<НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ кн. П.А.ВЯЗЕМСКОГО>

Кто это, так насупя брови,
Сидит растрепанный и мрачный, как Федул?
О, чудо! Это он!.. Но кто же? наш Катулл,
Наш Вяземский, певец веселья и любви!

9 марта 1817

<С. С. УВАРОВУ

Среди трудов и важных муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус,
Еще он любит голос лирной;
Еще в душе его огонь,
и сердце наслаждений просит,
и борзый Аполлонов конь
От муз его в Цитеру носит.
От пепла древнего Афин,
От гордых памятников Рима,
С развалин Трои и Солима,
Умом вселенной гражданин,
Он любит отдыхать с Эратой
Разнообразной и живой,
и часто водит нас с собой
в страны фантазии крылатой.
Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом:

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Под сумрачным родился небом,

Но будто в Аттике рожден.

Вторая половина 1817

<П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Я вижу тень Боброва:

Она передо мной,

Нагая, без покрова,

С заразой и с чумой;

Сугубым вздором дышит

И на скрижалях пишет

Бессмертные стихи,

Которые в мехи

Бог ветров собирает

И в воздух выпускает

На гибель для певцов;

Им дышит граф Хвостов,

Шихматов оным дышит,

И друг твой, если пишет

Без мыслей кучи слов.

1817 (?)

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

В обители ничтожества унылой,

О незабвенная! прими потоки слез,

И вопль отчаянья над хладною могилой,

И горсть, как ты, минутных роз!

Ах! тщетно все! Из вечной сени

Ничем не призовем твоей прискорбной тени;

Добычу не отдаст завистливый Аид.

Здесь онемение; все хладно, все молчит,

Надгробный факел мой лишь мраки освещает...

Что, что вы сделали, властители небес?

Скажите, что краса так рано погибает!

Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез

Прими почившую, поблеклый цвет весенний,

Прими и успокой в гостеприимной сени!

2

Свидетели любви и горести моей,

О розы юные, слезами омоченны!

Красуйтесь в венках над хижиной смиренной,

Где милая таится от очей!

Помедлите, венки! еще не увядайте!

Но если явится, – пролейте на нее

Все благовоние свое

И локоны ее слезами напитайте.

Пусть остановится в раздумье и вздохнет.

А вы, цветы, благоухайте

И милой локоны слезами напитайте!

3

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот

За чашей Вакховой Аглаю победили...

О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,

Стыдливости девической оплот.

Вы видите: кругом рассеяны небрежно

Одежды пышные надменной красоты;

Покровы легкие из дымки белоснежной,

И обувь стройная, и свежие цветы.

Здесь все развалины роскошного убора,

Свидетели любви и счастья Никагора!

4

ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!

Как любит мой полуистлевший пень!

Я некогда ему давал отрадну тень;

Завял... но виноград со мной не расстается.

Зевеса умоли,

Прохожий, если ты для дружества способен,

Чтоб друг твой моему был некогда подобен

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
и пепел твой любил, оставшись на земли.

5

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющие в них?
Увы! погиб навек, Коринф столповенчанный!
И самый пепел твой развеян по полям.
Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,
И стонет Алкион один в дали туманной!

6

"Куда, красавица?" - "За делом, не узнаешь!"
- "Могу ль надеяться?" - "Чего?" - "Ты
понимаешь!"
- "Не время!" - "Но взгляни: вот золото,
считай!"
- "Не боле? шутишь! Так прощай".

7

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье,
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслаждение!

8

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцалуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал...
Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела
И - слезы градом из очей!

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Смущенный, я прижал ее к груди моей:

"Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?"

"Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;

я мыслию была встревожена одною:

Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь".

9

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?

Ты в красоте не изменилась

И для любви моей

От времени еще прелестнее явилась.

Твой друг не дорожит неопытной красой,

Незрелой в таинствах любовного искусства.

Без жизни взор ее стыдливый и немой,

и робкий поцалуй без чувства.

Но ты, владычица любви,

Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;

И в осень дней твоих не погасает пламень,

Текущий с жизнью в крови,

10

Увы! глаза, потухшие в слезах,

Ланиты, впалые от долгого страданья,

Родят в тебе не чувство состраданья,

жестокою улыбку на устах...

Вот горькие плоды любви страстной,

Плоды ужасные мучений без отрад,

Плоды любви, достойные наград,

Не участи, для сердца столь ужасной...

Увы! как молния внезапная небес,

В нас страсти жизнь младую пожирают

И в жертву безотрадных слез,

Коварные, навеки покидают.

Но ты, прелестная, которой мне любовь

Всего – и юности, и счастья дороже,

Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Как был, или еще бодрее и моложе.

11

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале, видна,
Сокровища мои... Она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла,
Любовь мне скажет путь к красавице моей,
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

12

Изнемогает жизнь в груди моей остылой;
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылый.
Я вяну и еще мучения терпмо:
Полмертвый, но сгараю.
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

13

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть
ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! плыви!
Между маем 1817 и началом 1818
ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ
Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,

У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежной
Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Которые от Легы

Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Изладим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелю
В Приютино с тобою.
Согласны? – По рукам!
Между октябрем 1817
и ноябрем 1818
КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ
(при получении от него в подарок книги, им переведенной)
Чем заплачу вам, милый князь,
Чем отдарю почтенного поэта?
Стихами? Но давно я с музой рушил связь
И без нее кругом летаю света,
С востока к западу, от севера на юг
Не там, где вы, где граций круг,
Где Аполлон с парнасскими сестрами,
Нет, нет, в стране иной,
Где ввек не повстречаюсь с вами:
В пыли, в грязи на тряской мостовой,
"В картузе с козырьком, с небритыми усами"
Как Пушкина герой,
Воспетый им столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящего – ад.
Страданий вам моих не в силах я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть рад или не рад.

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Где ж время чувствовать и мыслить?

Но время, к счастью, есть любить
Друзей, их славу и успехи
И в дружбе находить
Неизъяснимые для черствых душ утечи.
Вот мой удел, почтенный мой поэт:
Оставя отчий край, увижу новый свет,
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувий в пламени и Этны вечный дым,
Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
И прах, священный прах всемирных столицы.
Но где б я ни был (так я молвлю в добрый час),
Не изменясь, душою тот же буду
И, умирая, не забуду
Москву, отечество, друзей моих и вас!

11 сентября 1818

К ТВОРЦУ

"ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО"

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал,
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищенье,

Когда скрижаль твою читал,

И гений твой благословлял

В глубоком, сладком умиленье...

Пускай талант – не мой удел!

Но я для муз дышал не даром,

Любил прекрасное и с жаром

Твой гений чувствовать умел.

Между маем и сентябрем 1818

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы

При появлении Аврориных лучей,

Но не отдаст тебе багряная денница

Сияния протекших дней,

Не возвратит убежищей прохлады,

Где нежились рои красот,

И никогда твои порфирны колоннады

Со дна не встанут синих вод.

Май или июнь 1819

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,

Есть радость на приморском берегу,

И есть гармония в сем говоре валов,

Дробящихся в пустынном беге.

Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,

Для сердца ты всего дороже!

С тобой, владычица, привык я забывать

И то, чем был, как был моложе,

И то, чем ныне стал под холодом годов.

Тобою в чувствах оживаю:

Их выразить душа не знает стройных слов

И как молчать об них, не знаю.

Июль или август 1819

НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

О! милый гость из отческой земли!
Молю тебя: заметь сей памятник безвестный:
Здесь мать и отец надежду погребли;
Здесь я покоюся, младенец их прелестный.
Им молви от меня: "не сетуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
И знаю вечность".

январь 1820

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

La verginella è simile alia rosa'.
Девушка юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но роши благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

<1821>

1 девушка подобна розе (итал.)

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд,
Где капля меду среди полыни;
Величествен сей понт! лазурной царь пустыни,
О солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но все поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твое добро
В руке у Немезиды строгой!

2

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; румянее крови

Ты видишь – розы покраснели

В долине Йемена от песней соловья...

А ты, красавица... Не постигаю я.

3

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден

Но свеж и зелен он всегда.

Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?

Так буди с кипарисом сходен:

Как он уединен, осанист и свободен.

4

Когда в страдании девица отойдет

И труп синеющий остынет,

Напрасно на него любовь и амвру льет,

И облаком цветов окинет.

Бледна, как лилия в лазури васильков,

Как восковое изваянье;

Нет радости в цветах для вянущих перстов,

И суетно благоуханье.

5

О смертный! хочешь ли безбедно перейти

За море жизни треволненной?

Не буди горд: и в ветр попутный опусти

Свой парус, счастием надменной.

Не покидай руля, как свистнет ярый ветр!

Будь в счастье – Сципион, в тревоге брани – Петр.

6

Ты хочешь меду, сын? – так жала не страшись;

Венца победы? – смело к бою!

Ты перлов жаждешь? – так спустись

На дно, где крокодил зияет под водою.

Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,

Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.

Июнь 1821

Шафгауеен

* * *

Жуковский, время всё проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!..
А чем исполнено твое,
И сам Плетаев не опишет.

Начало ноября 1821

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.
1821 (?)

ПРИМЕЧАНИЯ

При непосредственном участии К. Н. Батюшкова вышло одно собрание его произведений "Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова" (ч. I – II. Спб., 1817), изданное Н. И. Гнедичем. I, прозаической части предпослано краткое предисловие ко всему изданию, написанное Гнедичем: "В двух сих книжках помещены почти все произведения г. Батюшкова в стихах и прозе, рассеянные по разным периодическим изданиям, и присоединены еще новые, нигде не печатанные. Гсворить об них в предисловии я почитаю излишним. Скажу только, что случай, доставивший мне средства предпринять сие издание, я почитаю приятнейшим в жизни, ибо уверен, что удовлетворю желание просвещенных любителей словесности". Во II части помещены 64 стихотворения, написанных в 1806 – 1817 гг. При жизни Батюшкова, но уже без его участия, были изданы "Сочинения в прозе и стихах" (ч. I – II. Спб., 1834. II, стихотворная часть, воспроизводящая "Опыты", дополнена 23 стихотворениями и статьей С. С. Уварова "О греческой антологии", содержащей переводы Батюшкова; издание подготовлено к печати Гнедичем, но вышло после его смерти) и "Сочинения" (т. I – II. Спб., 1850), представляющие неисправную перепечатку Ипд. 1834 г. с добавлением сатиры "Видение на берегах Леты". Лучшим и наиболее полным изданием до нашего времени остаются "Сочинения К. Н. Батюшкова" (т. I – III. Спб., 1885 – 1887), подготовленные Л. Н. Майковым, изданные П. Н. Батюшковым. Издание снабжено большой статьей о жизни и сочинениях Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и обширными комментариями его же и В. И. Саитова. По тщательности подготовки и богатству комментария, содержащего историю текста (с вариантами), источники текста и массу сведений об упоминаемых лицах и событиях, это издание "являлось образцовым для всех научных изданий, выходивших после него" (Б. В. Томашевский). В I томе помещено 133 стихотворения (из них 33 были включены впервые). Из советских изданий лучшим остаются "Сочинения" (М. Л., 1934) под ред., со статьей и комментариями Д. Д. Благого (помещено 144 стихотворения, включая и стихотворные отрывки из писем; впервые включено 11 стихотворений). Из других изданий наиболее значительны 4 выпуска "Библиотеки

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
поэта": "Стихотворения" под ред. Б. В. Томашевского (Малая серия. 1-е изд. Л., 1936; 2-е изд. Л., 1948); под ред. Б. С. Мейлаха (Большая серия. Л., 1941), под ред. Г. П. Макогоненко (Малая серия. Л., 1959) и "Полное собрание стихотворений" (Большая серия. М. - Л., 1964) под ред. Н. В. Фридмана, куда вошло 167 стихотворений, включая и стихотворные отрывки из писем; "Сочинения" (М., 1955) под ред. Н. В. Фридмана и, наконец, "Опыты в стихах и прозе" ("Литературные памятники". М., 1977) под ред. И. М. Семенко - полное воспроизведение двух частей изд. 1817 г. с добавлением стихотворений и прозы, не вошедших в "Опыты".

В настоящем издании перепечатывается II часть "Опытов" 1817 г. со следующими изменениями: внесены в текст исправления, сделанные Батюшковым, и три элегии, попавшие в конец книги лишь потому, что автор закончил и прислал их Гнедичу, когда том уже печатался, перенесены в отдел элегий. Включены также не вошедшие в "Опыты" "Видение на берегах Леты" и стихотворения 1809 - 1821 гг. Эпиграф ко II части "Опытов" - обращение к своей поэзии: "Иди, хоть и неприбранная..." - взят из "Скорбных элегий" Овидия (I, 1, 3).

В настоящем издании текст "Опытов в стихах" дается в основном по изд.: К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.

Текст второго раздела "Стихотворения 1809 - 1821 гг." дается по отделу "Дополнений" того же издания, а недостающие стихи - по изд.: К. Н. Батюшков. Полное собрание стихотворений. М. - Л., 1964.

СОКРАЩЕНИЯ

БТ - Блудовская тетрадь. Авторизованные списки стихотворений Батюшкова, переданные в 1815 г. Д. Н. Блудову (ГПБ). ВЕ - "Вестник Европы".

Изд. 1934 - Сочинения. М. - Л., 1934.

Изд. 1964 - Полное собрание стихотворений. М. - Л., 1964. "Опыты" Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817. ПРП - Пантеон русской поэзии. Ч. 1 - 3. СПб., 1814; ч. 4 - 6. СПб., 1815.

ССП - Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 1 - 3. СПб., 1815; ч. 4 - 5. СПб., 1816; ч. 6. СПб., 1817.

ОПЫТЫ В СТИХАХ

К друзьям (стр 29). Помещено в "Опытах" как посвящение ко II части. Вписано Б. в феврале 1815 г. на первой странице БТ, Дедал - лабиринт на о. Крите, созданный легендарным греч. художником и строителем и названный его именем (греч. миф.). Фортуна - богиня счастья, случая, судьбы и удачи (рим. миф.). Отвечая на замечание Вяземского, Б. в письме Гнедичу от начала июля 1817 г. пояснял, в каком значении он употребляет это имя: "...Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу". Журнал - дневник. Пафос - здесь: любовь, по имени города на о. Кипре, где находился храм богини любви Афродиты (греч. миф.). На Пинде был чудак - Б. нередко называл себя чудачком; в письме Гнедичу от ноября декабря 1811 г. он писал: "Друг твой не сумасшедший, не мечтатель, но чудак..." Пинд - горный хребет в Греции, на котором находятся горы Парнас и Геликон, места обитания бога искусств Аполлону

и богинь поэзии, искусств и наук - муз (греч. миф.); в поэтическом языке эти названия означают приют поэзии, сообщество поэтов, источник вдохновения. Жил так точно, как писал... - "Я желаю, - писал Б., - чтобы поэту предписали особенный образ жизни... чтобы сделали науку из жизни стихотворца... Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь..." ("Нечто о поэте и поэзии", 1815).

ЭЛЕГИИ

Умиравший Тасс. Элегия (стр. 30) Б. предполагал поместить влгпю в начале "Опытов" - "на место" портрета, однако закончил и переслал ее Гнедичу, когда том уже печатался, и она попала в конец раздела "Смесь". Готовя к печати новое издание "Опытов", Гнедич, согласно воле автора, открыл ею раздел "Элегии". Готовясь к работе, Б. перечитал все, что писано о несчастном Тассе, напился "Иерусалимом", т. е. перечитал "Освобожденный Иерусалим", В письме Вяземскому от

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

4 марта 1817 г. Б. изложил сюжет элегии: Тасс "умирает в Риме. Кругом его друзья и монахи. Из окна виден весь Рим и Тибр, и Капитолий, куда папа и кардиналы несут венец стихотворцу. Но он умирает и в последний раз желает еще взглянуть на Рим, "...на древнее квиритов пепелище". Солнце в сиянии потухает за Римом и жизнь поэта... Вот сюжет". Б. высоко ценил эту элегию. Работая над ней, писал: "Кажется мне, лучшее мое произведение". "И сюжет, и все - мое. Собственная простота". Но уже вскоре, со свойственным ему недоверием к себе и к своим оценкам, ждет отзыва Гнедича: "Куда Тасса? Боюсь! Если он не понравится тебе?.. Или он очень хорош - или очень плох. Ахти!!" И шутит над собой и над своей недавней восторженной уверенностью, теперь уже не сомневаясь в недолговечности элегии (письмо Гнедичу, май 1817 г.): "Я послал тебе "Умирающего Тасса", а сестрица послала тебе чулки; не знаю, что более тебе понравится я что прочнее, а до потомства ни стихи, ни чулки не дойдут: я в этом уверен". Элегия родилась из размышлений Б. о "неприкаянности" поэта, о трагическом роке, преследующем одаренного художника. Эта тема стала центральной в послевоенном творчестве Б., создается и замыляется целый ряд образов "гонимых гениев": Гомер, Тассо, Овидий (замысел остался неосуществленным; в начале июля 1817 г. Б. писал Гнедичу: "Овидий в Скифии: вот предмет для элегии счастливее самого Тасса"). Настойчивое, многократное возвращение Б. к мыслям о трагической судьбе поэта выявляет их глубоко личную основу: ощущение своей неустойчивости в обществе, "не чиновен, не знатен и не богат" (изд. 1934, с. 14), "ни к чему непривязанность", неприкаянность и бездомность, удел "печального странствования", одиночество, разочарование, "изношенность души", скука и, наконец, гнетущее предчувствие надвигающегося безумия. Среди современников элегия стала одним из самых популярных произведений Б., а после его заболевания в ней увидели предсказание трагического конца поэта. Пушкин считал, что Б, в элегии не удалось дать трагический характер. На полях "Опытов" он писал: "Эта элегия, конечно, ниже своей славы... сравните "Сетования Тасса" поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолубия и добродушия... ничего не видно. Это - умирающий Василий Львович - в не Торквато" (VII, 599). Василий Львович - В. Л. Пушкин (1766 1830), поэт, дядя А. С. Пушкина.

До Капитолия от Тибровых валов. - Капитолий - цитадель древнего Рима, один из холмов, на которых раскинулся город. Тибр - река, на которой стоит Рим.

Стогны - площади. Багряница - торжественное одеяние знатных особ, сшитое из ткани ярко-красного цвета.

Тимпан - древний ударный музыкальный инструмент.

Хоругвь - священное изображение.

Митра - головной убор особ высшего духовного сана.

Апостолов наместник - римский папа, считающийся преемником ученика Христа, апостола Петра, основателя римско-католической церкви Певец Ерусалима - Торквато Тассо (1544 - 1595), итал. поэт, автор исторической поэмы "Освобожденный Иерусалим".

Квириты - граждане древнего Рима.

Младенцем был уже изгнанник. - Мальчиком Тассо должен был уйти в изгнание за своим отцом.

Под небом сладостным Италии моей. - Отвечая, видимо, на возражения против такого наименования Италии, Б. в письме к Гнедичу от начала июля 1817 г. настаивал: "...именно моей, У Монти, у Петрарка я это живьем взял... Вообще Италиянцы, говоря об Италии, прибавляют моя. Они любят ее, как любовницу. Если это ошибка против языка, то беру на совесть".

Сорренто! колыбель моих несчастных дней - итал. город, родина Тассо.

Асканий - в "Энеиде" Вергилия сын Энея, потерявший мать, Креузу, во время бегства из разрушенной Трои; Тассо лишился матери, когда ему было 10 лет, ушел скитаться с отцом, изгнанным из Неаполитанского королевства; сам Б. также лишился рано матери: сразу после рождения сына она заболела тяжелой душевной болезнью, была увезена в Петербург и умерла в 1795 г., когда Б. было 8 лет.

Весь – селение.

Альфонс – герцог Феррары Альфонс II, при дворе которого находился Тассо. Альфонс преследовал Тассо, продержав его 7 лет в сумасшедшем доме.

Сион – гора и крепость в Иерусалиме. Иордан – река в Палестине. Кедрон – река близ Иерусалима.

Ливан – горы в Сирии. На этих горах и реках происходит действие "Освобожденного Иерусалима".

Готфред, Ринальд – крестоносцы, герои поэмы Тассо.

Парки – богини человеческой судьбы, выпрядавшие нить жизни (рим. миф.).

Элеонора – сестра Альфонса феррарского, в которую был влюблен Тассо, что и считалось причиной его преследований герцогом.

Надежда (стр. 39). В стихотворении отразилось состояние "духовного обновления" (1815), которым завершился нравственный переворот, пережитый Б. по возвращении из заграничного похода. По мысли и настроению близко связано со стихотворным посланием "к другу" ("и вера пролила спасительный елей в лампаду чистую надежды". Любопытно, что Пушкин на полях "Опытов" против названия стихотворения заметил: "Точнее бы "вера") и статьями "Нечто о морали, основанной на философии и религии" и "О лучших свойствах сердца" (все эти произведения написаны в 1815 г, в Каменец-Подольске). Первые четыре стиха представляют собой перифраз следующих строк из "Певца во стане русских воинов" Жуковского:

А мы?.. Доверенность к Творцу!

Что б ни было

Незримой ведет нас к лучшему концу

Стезей непостижимой.

На развалинах замка в Швеции (стр. 41). Написано под впечатлением проезда через Швецию летом 1814 г. Впервые – ПРП, ч. 2. В письме Д. П. Северину 19 июня 1814 г. из Швеции Б. писал:

"Здесь жертвы страшные свершались Одну,

Здесь кровью пленников багрились алтари...

Но в нравах я нашел большую перемену:

Теперь полночные цари

Курят табак и гложут сухари,

Газету Готскую читают

И, сидя под окном с супругами, зевают.

Эта земля не пленительна... В ней ничего нет приятного, кроме живописных гор и воспоминаний". Л. Майков отметил, что элегия Б. представляет собой очень свободное подражание "Элегии, написанной на развалинах древнего замка" нем. поэта фр. Маттисона (1761 – 1831). Б. особенно развил "оссиановские" мотивы сравнительно с элегией Маттисона. Наряду со стихотворениями "Умирающий Тасс", "Переход через Рейн" элегия принадлежит к новому жанру исторической, или эпической элегии, введенному Б. в русскую поэзию. В июне 1817 г. Б. писал Жуковскому о своих исторических элегиях: "Мне хотелось дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить".

Хлябь – простор, глубь, бездна. Оден – верховное божество (сканд. миф.).

Гела (Хель) – богиня смерти (сканд. миф.).

Нейстрия – средневековое кордлевство, западная часть государства франков.

Альбион – древнее название Англии.

Валкала (Валгала) – обиталище Одена, куда уходят погибшие воины (сканд. миф.).
Скальд – древнескандинавский народный певец.

Уж дубы в пламени. – Образ встречается также у Державина, который пояснил его так: "У северных народов было обыкновение торжествовать их победы под звуки арф, при зажженных дубах, где и пили они круговую чашу".

Денница – утренняя заря, рассвет.

Ветрило – парус.

Галлы – народность кельтского племени, древние обитатели Франции, Бельгии и части Италии; в поэтическом языке – французы.

Руны – древнейшие сканд. письмены.

Оратай – пахарь, земледелец.

Элегия из Тибулла. Вольный перевод (стр. 45). Вольный перевод 3-й элегии из I книги Альфия Тибулла (ок. 50 – 19 г. до н. э.), рим. поэта "Ibilis Aegaeas sine me, Messala, per undas..." Перевод сделан предположительно в 1814 г. Впервые – ПРП, ч. 4, с заглавием "Тибуллова элегия" (кн. I, эл. 3). Участвуя в заграничном походе, войдя с русской армией в Париж, Б. сравнивал свою судьбу с судьбой Тибулла: "...я, ваш маленький Тибулл или, проще, капитан русской императорской службы...", писал Б. 23 апреля 1814 г. Д. В. Дашкову.

Мессала – Марк Валерий Мессала Корвин (64 г. до н. э. – 9 г. н. э.), рим. полководец и поэт, покровитель Тибулла.

Без меня ты мчишься по волнам. – Отправившись в Египет вместе с Мессалой в 30 г. до н. э., Тибулл, заболев, остался на о.

Феакия (древнее название о. Корфу).

Мирро – благовонное вещество.

Делия – этим именем Тибулл называл свою возлюбленную Планию.

День, отцу богов, Сатурну посвященный. – Сатурн, бог посевов, отец Юпитера; день, ему посвященный, – суббота; празднества Сатурна (сатурналии) справлялись 17 – 19 декабря; с именем Сатурна связывалось воспоминание о Золотом веке, эпохе всеобщего процветания и благоденствия (рим. миф.). Ивида – богиня жизни, плодородия и материнства (египет. миф.); позднее культ Изиды распространился в Римской империи. Аврора – богиня утренней зари (рим. миф.). Фарийские – египетские.

Лары, Пенаты. – см. прим. к "Моим пенатам".

Рало – соха, плуг.

Сидонский багрец – красная краска, производившаяся в финикийском городе Сидоне.

О век Юпитеров! О времена несчастны! – В отличие от Золотого века Сатурна время господства его сына Юпитера считалось Железным веком – веком трудов и несчастий, раздоров и войн, когда на земле правит не закон, а сила, исчезает стыд, торжествует зло.

Киприда – одно из имен Афродиты, богини любви (греч. миф.).

Амур – бог любви (рим. миф.).

Элизий – поля блаженных душ в загробном мире (греч. и рим. миф.).

Нард – растение, из которого изготовлялось благовонное масло.

Киннамон – ароматическое растение (корица).

Мегера, Тизифона – две из трех богинь мщения – Эринний, живущих в подземном царстве Аиде (греч. миф.).

Адский пес – Цербер, охраняющий вход в Аид (греч. миф.).

Энкелад – гигант, заключенный богами под Этну (греч. миф.).

Тифий – гигант, заточенный богами в подземное царство, где два коршуна клевали его печень (греч. миф.).

Иксион – царь, добивавшийся любви Геры, супруги Зевса, за что был прикован в Аиде к вечно вращающемуся огненному колесу (греч. миф.).

Тантал – царь, оскорбивший богов и низвергнутый за это в Аид, где он стоял по горло в воде, а над головой на ветвях висели плоды; но как только он собирался сделать глоток, вода отступала, когда протягивал руку, чтобы сорвать плод, ветви отклонялись (греч. миф.).

Данаиды – дочери египетского царя Даная, наказанные за убийство своих мужей тем, что обречены были вечно наполнять водой бездонную бочку (греч. миф.).

Зеницы – зрачки. Пряслица – прялка.

Воспоминание (стр. 50). Впервые – ВЕ, 1809, № 21, под заглавием "Воспоминания 1807 года". В "Опытах" даны первые 43 стиха, но опущена остальная часть стихотворения, посвященная любви Б. к Эмилии, дочери купца Мюгеля. Приводим эту часть по изд. 1934, где дан текст БТ:

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный зскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою
Как утешителя, как ангела небес!
На ложе горести и слез
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосуд мне подала: "Пей здравье и любовь!"
Тогда, казалось, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью венчала
Долины, холмы и леса.
Я помню утро то, как слабою рукою,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,

Я в первый раз узрел цветы и дерева...
Какое счастье с весной воскреснуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна).
Я, восхищен природой красной,
Сковал Эмилии: "Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весной оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!"
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.
Увы, исчезло все, как прелесть сладка сна!
Куда девались восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьме ночной свиданья,
Где заключи ее в объятиях моих,
Я не завидовал судьбе богов самих!..
Теперь я, с нею разлученный,
Считаю скукой дни, цепь горестей влачу,
Воспоминания, лишь вами окрыленный,
К ней мыслию лечу
И в час полуночи туманной,
Мечтой очарованной,
Я слышу в ветерке, принесшем на крылах
Цветов благоуханье,
Эмилии дыханье;
Я вижу в облаках Ее, текущую воздушною стезею...
Раскинуты власы красавицы волною
В небесной синеве,
Венок из белых роз блистает на главе,
И перси дышат под покровом...
"Души моей супруг!
Мне шепчет горний дух.

Там в тереме готовом

За светлую Двиной

Увижуся с тобой!..

Теперь прости..."

И я, обманутый мечтой,

В восторге сладостном к ней руки простираю,

Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю!

Эта часть не введена в основной текст, так как, Б. опустил его в "Опытах", видимо, по художественным соображениям.

Гейльсберски поля – место в Восточной Пруссии на реке Аль, где 29 мая 1807 г. произошло сражение русских с французами, в котором Б. был тяжело ранен в ногу.

Семейство мирное... – Раненый Б. был перевезен в Ригу. Живя в семье купца Мюгеля, Б. горячо полюбил его дочь Эмилию. Геба – богиня юности, подносила на Олимпе богам нектар и амбросию (напиток и пища богов, дававшие им бессмертие и вечную юность – греч. миф.).

Элегия (стр. 52). Первая часть "Элегии" (55 стихов) впервые напечатана в "Опытах" под заглавием "Воспоминания" с подзаголовком "Отрывок", что подчеркивалось строкой точек в начале и в конце стихотворения. Опущены 32 стиха. В рукописном сборнике, принадлежавшем Жуковскому, сохранился полный текст "Воспоминания" под названием "Элегия". Нравственному кризису 1815 г. (см. примеч. к стих. "Надежда") предшествовала тяжелая личная драма, только что пережитая Б., которая и подготовила этот кризис. Анну Федоровну Фурман (1791 – 1850), воспитанницу семьи Олениных, Б. знал с детства, а по возвращении из Парижа глубоко полюбил. Но не встретив взаимности, после нескольких месяцев мучительных колебаний, завершившихся в январе 1815 г. сильным нервным расстройством, Б. должен был отказаться от надежды на брак с нею и уехал из Петербурга. Неразделенная любовь вызвала целый комплекс тяжелых переживаний и, прежде всего, при склонности Б. к самоуменьшению, мысль, что он не достоин этой любви. Пытаясь объяснить свое решение одному из самых близких людей, тетке Е. Ф. Муравьевой, которая нежно заботилась о племяннике, очень хотела помочь ему, но не могла понять его поведения, Б. писал 11 августа 1815 г.: "Вы меня критикуете жестоко и везде видите противуречия. Виноват ли я, если мой рассудок воюет с моим сердцем?" Не предполагаемый отказ отца на брак с Фурман, если бы Б. решился сделать ей предложение, останавливал его: "...важнейшее препятствие в том, что я не должен жертвовать тем, что мне всего дороже. Я не стою ее, не могу сделать ее счастливою с моим характером и с маленьким состоянием... Все обстоятельства против меня. Я должен покориться без роптания воле святой Бога, которая меня испытует". "Элегия" раскрывает чувство Б. к Фурман (стих. "Мой Гений", "Разлука", "Пробуждение" также навеяны этим чувством). Опасаясь, что его любовные стихи могут стать известны знакомым, Б. писал 27 сентября 1816 г. Жуковскому: "Вяземский послал тебе мои элегии. Бога ради, не читай их никому и списков не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важные причины, и ты, конечно, уважишь просьбу друга. Я их не напечатаю". Но Б. решился напечатать первую часть "Элегии", опустив, однако, ту, которая показывает, что Фурман не разделяла его чувства. Купюра была сделана по соображениям интимного характера, и нет надобности одну из лучших элегий Б. продолжать печатать в усеченном или разорванном виде. Я чувствую, мой дар в поэзии погас. – Ср.: "...поэзия утратила для меня всю прелесть" (письмо Жуковскому от августа 1815 г.).

Как лотос, силою волшебной врачевали. – В IX песне "Одиссеи" рассказывается о том, что цветы лотоса давали забвение вкусившему их (греч. миф.).

И в мире, и в войне, во всех земных краях... – Имеется в виду пребывание Б. во Франции и Швеции в составе русских войск во время кампании 1813 – 1814 гг.

Жувизи, Ричмон, Троллетана. – "Жувизи – замок близ Парижа. Ричмон прекрасный городок в окрестностях Лондона, напротив жилища Попе. Путешественники никогда не забудут террасы и пленительных видов Ричмона. Троллетан – водопад близ

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Готтенбурга на западном берегу Швеции" (примеч. Б. в рукописи).

Сейна – река Сена.

В столице роскоши... – в Париже.

В прохладных рощах Альбиона... – Посещение Б. Англии при возвращении из Парижа в Россию. Отмечено, что в "Евгении Онегине" отдельные стихи (в письмах Татьяны и Онегина) несут на себе следы влияния "Элегии" Б. Выздоровление (стр. 55). Стихотворение навеяно чувством Б. к Эмилии, дочери рижского купца Мюгеля (см. примеч. к стих. "Воспоминание"). В июне 1807 г. Б. писал Гнедичу: "После трудов, голоду, ужасной боли (и притом ни гроша денег) приезжаю я в Ригу, и что ж? Меня принимают в прекрасных покоях, кормят, поят из прекрасных рук: я на розах! Благодарность не велит писать. Довольно, я счастлив и не желаю Питера... Я пью из чаши радостей и наслаждаюсь". Пушкин на полях "Опытов" отметил: "Одна из лучших элегий Батюшкова".

Эреб – олицетворение одного из начал мира – вечного мрака, сын хаоса и брат (чаще: супруг) Ночи (греч. миф.).

Орковы поля – подземное царство мертвых, подобно греч. Аиду, от имени Орк – божество смерти, доставлявшее тени людей в подземное царство (рим. миф.).

Лета – река забвения, протекающая в Аиде (греч. миф.).

Мщение. Из Парни (стр. 56). Вольный перевод 9-й элегии из IV книги стихов франц. поэта Э. Д. Парни (1753 – 1814). Написа

но не позднее начала 1815 г. Впервые – ВЕ, 1816, No 19 – 20. Коцит (кокит) – одна из рек, окружающих Аид (греч. миф.), "река плача и стенаний" ("Одиссея").

Привидение. Из Парни (стр. 59). Вольный перевод элегии "Le revenant" Парни из I книги стихов. Впервые – ВЕ, 1810, No 6. В середине февраля Б. писал Гнедичу: "Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, то есть завоевал. Идея оригинальная. Кажется, переводом не испортил..." В час полуночных явлений – измененная строка из баллады Жуковского "Людмила" (в балладе: видений). Хлоя – условное имя в "пастушеской поэзии".

Тибуллова элегия III. Из III книги (стр. 61). Вольный перевод элегии "Quid, prodest coelum votis implesse, Neaera..." Впервые – ВЕ, 1809, No 23. Элегия приписывалась Тибуллу, но не принадлежала ему, что во времена Б. еще не было установлено. Б. интуитивно ввел и усилил тибулловские мотивы элегии. Делия – возлюбленная Тибулла. (Б. заменил имя героини; в оригинале – Неэра)

...порфир Тенера и Кариста. – Мыс Тенер и город Карист в Греции, где добывался порфир, драгоценный строительный камень. ...священна тень от кедровых лесов? – Кедр был в Древней Греции священным деревом.

...эритрские жемчужины... – добываемые в Эритрейском море (древнее название Персидского залива в Аравийском море).

...руны тирские, багрянцем напоенны? – Дорогая окрашенная овечья шерсть, выделявшаяся в финикийском городе Тире.

Пактол – золотоносная река в Малой Азии.

Куца – хижина, шалаш.

...дочь Сатурнова... – Юнона, богиня брака и супружеской любви (рим. миф.).

...любви мать... – Венера.

Ахерон – река в подземном царстве (греч. миф.).

Мой Гений (стр. 63). Впервые – ССП, ч. 5. Элегия была приложена к письму Б. к Е. Ф. Муравьевой от 11 августа 1815 г., где он пытался объяснить свои отношения с фурман (см. примеч. к стих. "Элегия"). Пушкин на полях "Опытов" отметил: "Прелесть, кроме первых 4 стихов". Положено на музыку М. И. Глинкой. ...память

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
сердца – слова эти, как указал Б. в статье "О лучших свойствах сердца" (1815),
принадлежат Массье (1772 – 1846), франц. педагогу. Благодаря стихотворению Б.
это выражение стало очень популярным.

Дружество (стр. 64). Вольный перевод буколики греч. поэта Биона (II в. до н. э.). Впервые – "С.-Петербургский вестник", 1812, No 2, с подзаголовком "Из Биона". Б. не знал греч. языка и мог познакомиться со стихотворением Биона по рус. переводу, напечатанному в 1811 г. В стихотворении перечислены классические примеры дружбы: Тезей (Тесей) – аттический герой, со своим другом Пирифоем (Пейритоем), царем лапифов (миф. племя, жившее в Фессалии), пытался похитить из подземного царства Аида Персефону, владычицу преисподней, чтобы взять ее себе в жены, но был схвачен Аидом и прикован к скале на берегу реки Коцит (греч. миф.). Атридов сын – то есть внук Атрея, микенского царя, сын аргосского царя Агамемнона Орест, герой аргосских сказаний, который вместе со своим другом Пиладом убивает свою мать Клитемнестру, мстя ей за преступление – убийство своего мужа, отца Ореста, за что был судим Ареопагом, собранием афинских старейшин (греч. миф.). Ахилл – герой Троянской войны; мстя за смерть своего друга Патрокла, убил предводителя троянцев Гектора, а позже погиб сам (греч. миф.).

Тень друга (стр. 65). Впервые – ВЕ, 1816, No 17 – 18. По свидетельству Вяземского, Б. "написал эти стихи на корабле, на возвратном пути из Англии в Россию после заключения европейского мира в Париже" (П. А. Вяземский. Поли. собр. соч., т. II. Спб., 1879, стр. 417). Возвращаясь из Парижа в 1814 г., Б. посетил Лондон, затем отправился морем в Швецию. Элегия посвящена памяти близкого друга Б. Ивана Александровича Петина (1789-1813), поэта-дилетанта, офицера русской армии, погибшего в "битве народов" под Лейпцигом (Б. посвятил ему также стихотворное послание "К Петину" и прозаические очерки "Воспоминание о Петине" и "Воспоминание мест сражений и путешествий"). Пушкин приписал под стихотворением: "Прелесть и совершенство – какая гармония!" Эпиграф из Проперция, рим. лирика I в. до н. э. (кн. IV, элегия 7 "Тень Цинтии"), Гальциона – чайка (греч. миф.).

Вежды – веки.

Плейссские струи – река Плейссе, на которой стоит Лейпциг.

Беллонины огни. Беллона – богиня войны (рим. миф.).

Тибуллова элегия X. Из I книги (стр. 67). Вольный перевод элегии "Quis fuit, horrendos primus qui prolulit enses?" Впервые – ВЕ, 1810, No 8. В конце элегии Б. снял описание побоев жены пьяным оратаем и усилил эротические мотивы.

Марс – бог ийчы (рим. миф.). Лары, Пенаты – см. примеч. к "Моим пенатам". Скудельный – глиняный. Пепелище – дом или земля предков.

Опресноки – пресный хлеб.

Кошница – корзина.

Церера – богиня плодородия и земледелия (рим. миф.).

Овен – баран. Вертеп – здесь: подземное царство, Аид. Фурии – богини мщения (рим. миф.).

И кормчий в челноке на Стиксовых водах – Харон, перевозчик, переправлявший души умерших в подземное царство; Стикс – одна из рек, окружавших Аид (греч. миф.). Ливия – условное имя.

Веселый час (стр. 71). Впервые – ВЕ, 1810, No 4, с подзаголовком "Посвящено друзьям". Является переработкой стихотворения "Совет друзьям" (1806). При подготовке нового изд. "Опытов" Б. предполагал исключить это стихотворение. Вакх – бог виноградарства и виноделия (греч. миф.). Эрато муза любовной, эротической поэзии (греч. миф.).

В день рождения Н. (стр. 74). Впервые – ВЕ, 1810, No 10. Адресат стихотворения неизвестен. Пушкин отметил на полях "Опытов": "Есть чувство".

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Пробуждение (стр. 75). Впервые – ВЕ, 1816, No 11, с эпиграфом из Петрарки: "Così mi sveglia a salutar l'Aurora". "Так пробуждаюсь, чтоб приветствовать зарю" (сонет CLXIV из цикла "Сонеты и канцоны, написанные при жизни Лауры").

Разлука ("Напрасно покидал страну моих отцов...") (стр. 76). Элегия послана Е. Ф. Муравьевой с письмом к ней от 11 августа 1815 г., где Б. объясняет свое состояние и причины вынужденного разрыва с А. Ф. Фурман (см. примеч. к стих. "Элегия"). Пушкин отметил на полях "Опытов": "Прелесть".

Тирас – греч. название р. Днестр; в 1815 г. Б. прожил несколько месяцев в г. Каменец-Подольске, вблизи которого протекает эта река.

Таврида (стр. 77). Одна из наиболее популярных среди современников элегий Б., который получил за нее имя "певца Тавриды". Написана в Каменец-Подольске и связана с мечтой о поездке на берег Черного моря. Пушкин отметил на полях "Опытов": "По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения – лучшая элегия Батюшкова", а стихи 21 – 24 выделил как "любимые стихи Батюшкова самого".

Фортуна – см. примеч. к "Моим пенатам".

Пальмира – "город пальм", древний город в Сирии, воздвигнутый царем Соломоном, отличался сказочным богатством и роскошью; Пальмирой Севера в XVIII в. называли Петербург.

...урну хладную вращая. Водолеи... – Водолей, одно из 12 созвездий Зодиака, изображавшееся в виде человека, льющего воду из чаши в пасть рыбы; знаком Водолея отмечался январь – период дождей в Греции.

Судьба Одиссея (стр. 79). Вольный перевод гекзаметров Шиллера "Odysseus". Усиливая мотив преодоления героем трудностей и опасностей в скитаниях, Б. сближал с судьбой Одиссея свою собственную судьбу. Вернувшись из заграничного похода, Б., рассказав Жуковскому о своих странствиях, заключал: "Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному. Каждого из нас гонит какой-нибудь мститель-бог: кого Марс, кого Аполлон, кого Венера, кого Фурии, а меня Скука" (письмо от 3 ноября 1814 г.).

Итака – остров, родина Одиссея, куда вернулся он после многолетних скитаний. Проснулся он: и что ж?

Отчизны не познал – сонным попал на берег Итаки, Одиссей не узнал родного острова, покрытого туманом.

Последняя весна (стр. 80). Впервые – ВЕ, 1816, No 11. Подражание элегии франц. поэта Мильвуа "La chute des feuilles" ("листопад"). Пушкин на полях "Опытов" отметил: "Неудачное подражание Millevoye".

Филомела – соловей.

Эпидавр – город в Древней Греции, один из центров культа бога врачевания Аскле-пия – Эскулапа.

К Гнедичу (стр. 82). Впервые – сб. "Талия", СПб., 1807. Обращено к Николаю Ивановичу Гнедичу (1784 – 1833), поэту, переводчику "Илиады", ближайшему другу Б. Пушкин на полях "Опытов" отметил стихи 1 – 4: "что за детские стихи!", "последние 4 стиха очень милы". В "Талии" завершалось строфой, отвечавшей на предсказание Гнедича:

Нет, болтаючи с друзьями,

Славы я не собираю;

Чуть не весь ли и с стихами

Вопреки тебе умру.

К Дашкову (стр. 84). Впервые – "С.-Петербургский вестник", 1812, No 10 (номер вышел в 1813 г.). Обращено к Дмитрию Васильевичу Дашкову (1788–1839), одному из

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
основателей и активнейших членов литературного общества "Арзамас", автору ряда критико-полюемических статей, приятелю Б. Пушкин, отчеркнув стихи 23 - 26, отметил: "прелесть". Начало послания рисует страдания русских беженцев, которых Б. наблюдал по пути из Москвы в Нижний Новгород в сентябре 1812 г. Путь этот он проделал вместе с Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом (1765 - 1851), гос. деятелем и писателем, отцом будущих декабристов, автором "Писем из Москвы в Нижний Новгород", которые Б. использовал, рисуя бедствия войны. Трикраты с ужасом потом || Бродил в Москве опустошенной. - В конце 1812 - начале 1813 г. Б. трижды был в сожженной Москве и писал 4 марта 1813 г. Е. Г. Пушкиной: "всякий день сожалею о Нижнем, а более всего о Москве, о прелестной Москве: да прилипнет язык мой к гортани моей, и да отсохнет десная моя, если я тебя, о Иерусалиме, забуду! Но в Москве ничего не осталось, кроме развалин...".

Цевница - свирель, пастушеская дудочка.

Армида - в поэме Торквато Тассо "Освобожденный Иерусалим": прекрасная волшебница, заманившая крестоносца; как нарицательное имя - коварная обольстительница.

Цирцея - волшебница, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его самого удерживавшая год у себя на острове (греч. миф.); здесь - вообще красавица.

Израненный герой - Алексей Николаевич Бахметев (1774 - 1841), генерал, участник Отечественной войны, потерявший ногу в Бородинском сражении; Б. был назначен его адъютантом, но так как Бахметев не мог больше участвовать в военных действиях, Б. стал адъютантом генерала Н. Н. Раевского.

Хариты - богини красоты, изящества, радости (греч. миф.).

Источник (стр. 87). Впервые - ВЕ, 1810, No 17, с подзаголовком "Персидская идиллия". Вольная стихотворная обработка прозаической идиллии "Le torrent" Парни. Б., послав элегию Жуковскому с письмом от 26 июля 1810 г., назвал ее "подражанием Парни". Пушкин приписал под стихотворением: "Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа",

На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкана (стр. 89). Впервые - ССП, ч. I. Спб., 1815. Эпиграф из CCLXXVIII сонета Петрарки на смерть Лауры: "В возрасте самом прекрасном, самом цветущем... Живая и прекрасная ушла на небо". Варвара Ивановна Кокошкина, урожд. Архарова (1786 - 1811), жена знакомого Б., поэта-дилетанта, переводчика, театрального деятеля Федора Федоровича Кокошкина (1773 - 1838). Гимен - Гименей, Тисы - вечнозеленые хвойные деревья и кустарники.

Пленный (стр. 91). Впервые - ПРП, ч. 2. Спб., 1814. Центральная тема стихотворения - тоска по родине на чужбине. По свидетельству Пушкина, элегия навеяна рассказами Л. В. Давыдова (1792 - 1848), брата поэта-партизана Д. В. Давыдова, адъютанта генерала Н. Н. Раевского, товарища Б. по армии: "Лев Васильевич Давыдов в плену у французов говорил одной женщине: "rendez-moi me frimas" ("верните мне мои морозы"), Батюшкову это подало мысль написать своего "Пленного". Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. - Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами французского романа". (Заметки на полях "Опытов".)

Гезиод и Омир, соперники (стр. 94). Вольный перевод элегии франц. поэта Ш.-Ю. Мильвуа (1782 - 1816) "Combat d'Homere et d'Hesiod". Б. развил в элегии близкую ему тему судьбы гонимого поэта. Пушкин отметил на полях "Опытов": "вся элегия превосходна - жаль, что перевод". Примечание Б. снял, готовя новое издание "Опытов". Гезиод (Гесиод) (VIII - VII вв. до н. э.), древне-греч. поэт, автор дидактической поэмы "Труды и дни"; по преданию, состязался с Гомером в поэтическом искусстве.

Омир - Гомер. А. Н. О.,

любитель древности - Алексей Николаевич Оленин (1763 - 1843), писатель, археолог, художник, с 1811г. - директор Публичной библиотеки, с 1817 г. - президент Академии художеств; Б. часто бывал в его доме, сблизился с его друзьями, влияние которых в большой мере определило интерес Б. к классической древности,

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Халкида – город на о. Эвбея.

Ристалище – арена для бега на колесницах, воинских игр, турниров.

Фетида – старшая из nereид, нимф моря (греч. миф.).

Камены – богини пения, поэзии, искусств и наук (рим. миф.). Аскрея греч. город, родина Гесиода. Иппокрена – ключ на вершине горного хребта Геликон в Греции, место обитания камен (муз), обладал свойством вдохновлять поэтов (греч. миф.).

Орел-громометатель II От Мелеса меня играючи унес... – Согласно легенде Гомер был унесен орлом (Зевсом-громовержцем) с берегов реки Мелес на Олимп.

Мелес – речка близ Смирны, в одном из гротов близ нее Гомер сложил свои поэмы.

Темпейская долина – ущелье между горами Олимпом и Оссой, славившееся своим плодородием.

Мнемозина – богиня памяти, мать девяти муз (греч. миф.).

Диана – богиня охоты, родов и луны (рим. миф.); иносказательно – луна. Тенар – мыс в Лаконии, вблизи которого находилась пещера с пропастью – один из входов в подземное царство Аид.

Стримон – река в Македонии. Юдоль – земля. Ольмий – мыс в Коринфии, славившийся в древности медом.

Страшись Эвбеи берегов... – Гесиод был убит на о. Эвбея, где, в долине Неменя, находился храм Немеяского Зевса.

Омир... воспел народов брани... – имеется в виду "Илиада"; далее упомянуто несколько эпизодов "Илиады". Оры – богини, ведавшие сменой времен года (греч. миф.).

Эгида – щит Зевса, наводивший страх на врагов (греч. миф.).

Гиady – нимфы дождя (греч. миф.).

Сыны ахейские – греки.

К другу (стр. 100). Написано во второй половине 1815 г. в Каменец-Подольске, Мысль о непрочности и скоротечности всего земного овладела Б. после пережитого им нравственного кризиса (см. примеч. к стих. "Надежда"): "Грустно и помыслить, – писал Б. сестре 19 ноября 1815 г., что все наши надежды в этом мире разрушаются; видно, есть лучше этого жилище... Время все уносит..." Элегия последовательно разворачивает эту тему, дает поэтическую формулу смятенного состояния духа ("Минутны странники, мы ходим по гробам, II Все дни утратами считаем"), подводит к кульминации сомнений – к порогу духовной смерти ("...ум мой посреди сомнений погибал... II Мой гений в горести светильник погасал") и завершается торжественным, лучезарным аккордом победы духа на путях открывшейся веры ("И мрак исчез, прозрели вежды: II И вера пролила спасительный елей II В лампаду чистую надежды"), озарившей новым надежным светом земной путь. Элегия обращена к П. А. Вяземскому (1792 – 1878), поэту и критику, одному из ближайших друзей Б. Пушкин отметил восторженными оценками на полях "Опытов" отдельные места: стих 25 – 28 – "прелесть! да и все прелесть!"; стих 34 – "звуки италианские! что за чудотворец этот Батюшков"; стих 42 – "прекрасно!" и в целом заключил: "Сильное, полное и блистательное стихотворение". Фалерн – крепкое выдержанное вино из фалернской области в Кампании (Италия), воспетое римскими поэтами; здесь вообще вино.

Где дом твой, счастья дом? – московский дом Вяземского, где часто собирались поэты и бывал Б.; дом сильно пострадал в 1812 г.

Веспер – божество вечерней звезды, одно из названий планеты Венера (рим. миф.).

Богиня неги и прохлады – Венера, рожденная из морской пены (рим. миф.).

Клио – муза истории (греч. миф.).

Скрижали – каменные доски, плиты с письменами (от библ. – скрижали Моисеева завета); здесь – скрижали Клио: заветы истории.

Как в воздухе перо кружится здесь и там, II Как в вихре тонкий прах летает... – по замечанию Пушкина на полях "Опытов", здесь использованы стихи Ломоносова из "Вечернего размышления о Божием величестве..." ("Как в сильном вихре тонкий прах, в свирепом как перо огне"). Мой гений в горести светильник погасал... – гений – добрый дух, хранитель человека; гении

с перевернутым светильником – символ смерти (рим. миф.). Рива странника – слова из песни Жуковского "Путешественник".

Мечта (стр. 103). Окончательная редакция. 1-я редакция – 1802 или 1803 г, Б. многократно переделывал и дополнял влeгию. Последние исправления Б. внес в 1817 г. при подготовке "Опытов". В результате переработок элегия сильно разрослась (с 89 до 211 стихов) за счет развития эротических мотивов. Пушкин на полях "Опытов" отметил: "Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Батюшкова", а ряд мест сопроводил пометками: "детские стихи", "дурно, вяло", "какая дрянь", "пошло", выделив лишь немногие: стихи 8 – 14 – "Гармония"; стихи 26 – 27, 187 – 188 "прекрасно"; стихи 174 – 177 – "Хорошие 4 стиха".

...в Муромских лесах... – воспоминания о приключениях героев русских былин (Илья Муромец).

Явор – белый клен.

Воклюа – франц. деревня, где 16 лет прожил Ф. Петрарка, и источник Сорга в ее окрестностях.

Аониды – одно из прозвищ муз, по имени области – Аонии, где находилась гора Геликон; там обитали Аполлон и музы (греч. миф.).

Сельмские леса – леса, где находился дворец Фингала, героя поэм шотланд. писателя Джемса Макферсона (1736 – 1796), изданных под именем легендарного кельтского барда и воина Оссиана, жившего, по преданиям, в III в. н. а. в Ирландии и воспевавшего подвиги своего отца Фингала и его дружинников.

Оскар – сын Оссиана, погибший в сражении, К ром-ла – священная гора друидов, кельтских жрецов.

Скальд – певец древней Скандинавии; Пушкин отметил на полях "Опытов": "Скальд и бард одно и то же, по крайней мере – для нашего воображения". Иснель – герой оссианической поэмы Парни "Иснель и Аслега".

Днесь – сегодня, в эти дни.

Валкирии – женские божества, девы-воительницы, направлявшие по указанию верховного бога Одена ход битвы; после сражения валкирии отбирают на поле битвы души храбрейших из павших воинов и уносят их в чертог Одена (Оденов дом) – Валгаллу, где прислуживают им на поединках и пиршествах (сканд. миф.).

Биармия – древняя северная область на берегу Белого моря, место действия многих скандинавских саг. Елень – олень.

Дочери Веристы – валкирии.

Ботнические воды – Ботнический залив Балтийского моря, между Финляндией и Швецией.

Анакреон – древнегреч. поэт (ок. 570 – 478 до н. э.), воспевавший любовь, пиры, земные радости.

Любовница Фаина – Сафо (1-я пол. VI в. до н. э.), древнегреч. поэтесса, воспевавшая любовь: по преданию, влюбилась в прекрасного юношу Фаона и, не встретив взаимности, бросилась в море с Левкадской скалы.

Нимфы – многочисленные божества, олицетворявшие творческие силы земли и стихии

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
природы (нимфы морей, рек, гор, долин, деревьев и т. д. – греч. миф.).

Квинт Гораций Флакк (65 – 8 гг. до н. 9.), рим. поэт; наиболее близок Б. как "певец веселия", создатель так называемой гораціанской оды, воспевающей наслаждение вином, любовью, природой.

Тибур – город близ Рима, где жил Гораций в имении, подаренном ему Меценатом.

Глицерин – возлюбленная Горация, воспетая в его лирике.

Цитерские забавы – любовь; по имени острова Цитера близ берегов Греции, где было одно из средоточий культа богини любви Афродиты (отсюда одно из имен Афродиты – Цицера). – (греч. миф.).

Угрюмых стойков и скучных мудрецов... – Стоицизм, школа позднеантичной философии, создавшая учение о выработке несокрушимой и бесстрастной человеческой личности; задача мудреца, согласно стоикам, – освобождение от страстей и влечений, спокойствие духа.

Переход через Рейн. 1814 (стр. 110). Впервые – "Русский вестник", 1817, No 5, 6. Б. участвовал в переходе русских войск через Рейн в районе Базеля 2 января 1814 г., когда они вступили во Францию и начали поход на Париж. В то время Б. писал Гнедичу: "...несколько раз повторял с товарищами: наконец, мы во Франции! Эти слова: мы во Франции – возбуждают в моей голове тысячу мыслей, которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной в земле ее безрассудных врагов... сердце не лежит у меня к этой стороне: революция, всемирная война, пожар Москвы и опустошение России меня навсегда поссорили с отчиной Генриха IV, великого Расина и Монтаня... я сижу в теплой избе и курю табак. На дворе мятьель и снегу по колени: это напоминает Россию и несколько приятных минут в моей жизни. Передо мною русский чай..." (январь 1814 г.). Эти настроения позже воплотились в элегии. Пушкин на полях "Опытов" отметил: "Лучшее стихотворение поэта сильнейшее, и более всех обдуманное". И. И. Дмитриев писал А. И. Тургеневу о "Переходе через Рейн": "Прекрасные стихи и прямо иноземной отделки; нет ни лишка, ни недостатка: все в пору, стройно и мило". В "Опытах" эта элегия вместе с двумя другими ("Умиравший Тасс" и "Беседка муз") была напечатана в самом конце тома в отделе "Смесь", вероятно, потому, что Б. не успел вовремя прислать их издателю. Б. В. Томашевский пришел к выводу, что "стихотворение было среди тех элегий, которые Батюшков посылал Гнедичу после того, как состав "Опытов" был определен... Одно лишь стихотворение из этой группы ("Гезиод и Омир") было прислано своевременно и попало в отдел "Элегий", три остальных напечатаны в самом конце книги. Только этим можно объяснить, почему два стихотворения совершенно одинакового жанра ("Переход через Рейн" и "На развалинах замка в Швеции") попали одно в отдел "Элегий", другое в отдел "Смеси" (К. Батюшков. Стихотворения. Л., 1948, с. 295. "Библиотека поэта. Малая серия"). Из этих соображений Томашевский, воспроизводя в указ. изд. "Опыты" 1817 г., перенес три стихотворения в отдел элегий (см. также примеч. к "Умирающему Тассу").

Герман – Арминий (17 г. до н. э. – 21 г. н. э.), вождь древнегерман. племени херусков, разбивший римлян в битве в Тевтобургском лесу (9 г. н. в.); этим окончилось владычество римлян на правом берегу Рейна.

Здесь Кесарь бился... Б. имеет в виду победу Юлия Цезаря (102 – 44 гг. до н. а.) над германскими племенами под Безансоном недалеко от Рейна в 57 г. до н. э.

...волшебны лики – хоры.

Аттила новый – Наполеон.

Зарейнские сыны – французы.

Улея – река Улео в Финляндии.

...ангел мирный, светозарный... – императрица Елизавета Алексеевна (1779 – 1826), жена императора Александра I, урожденная баденская принцесса Луиза.

Маккавеи – предводители еврейского восстания против сирийских правителей Селевкидов (II в. до н. э.); здесь: русские войска, защитники отечества и веры.

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Беседка муз (стр. 115). Впервые – "Сын отечества", 1817, No 28, со сноской "Это прекрасное стихотворение взято из 2-й части "Опытов в стихах и прозе К. Н. Батюшкова". Стихотворение послано Гнедичу с письмом в мае 1817 г., когда "Опыты" уже печатались. Б. писал: "Посылаю еще безделку. Andante! Помести в элегиях, да выкинь что-нибудь для нее. Дряни, ой, как много!" – и рассказывал о своих занятиях в деревне: "Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю, руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо, когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой. Таким образом, созерцание природы доставляет истинные, прочные и паче всего полезные удовольствия и вящее вожделение...". Так как отдел элегий был уже к тому времени отпечатан, Гнедич поместил стихотворение, вместе с "Переходом через Рейн" и "Умиравшим Тассом", в самом конце тома. Пушкин отметил на полях "Опытов": "прелесть". Ему отважный путь за стаею орлов, \ \ Как пчелке, невозможен. – Б. "использует здесь сравнения из стихотворения Капниста "Ломоносов", где герой его назван "орлом", а автор – "пчелкой", которой страшен "высокий... полет" (по наблюдению Н. В. Фридмана).

ПОСЛАНИЯ

Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому (стр. 117). Впервые – ПРП, ч. 1. Послание адресовано В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому, с которыми Б. сблизился в Москве в 1810 г. "Зерно" послания, по выражению Д. Благого, содержится уже в письме к Гнедичу от 3 мая 1809 г.: "Женимся, мой друг, и скажем вместе: "Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствие, живите вместе в бедном доме, где нет ни бронзы, ни драгоценных сосудов, где скатерть постлана гостеприимством, где сердце на языке, где фортуны не чествуют в почетном углу, но где мирный пенат улыбается друзьям и супругам, мы вас издали приветствуем!" Первоначальное название послания "к пенатам" Б. объяснял в письме к Вяземскому от 10 мая 1812 г.: "Я назвал послание свое посланием к Пенатам, потому что их при-зываю в начале, под их покровительством зову к себе в гости и друзей, и девок, и нищих и, наконец, умирая, желаю, чтоб они лежали и на моей гробнице. Я назвал сие послание к Пенатам так точно, как Грессет свое назвал Chartreuse (Обитель)". Литературными источниками Б. послужили стихотворения "La Chartreuse" ("Обитель") франц. поэта Жана Батиста Грессе (1709 – 1777) и "A mes penates" ("моим пенатам") франц. поэта Жана Франсуа Дюси (1753 – 1816). В автографе был эпиграф из "La Chartreuse": "Счастливы покой! Уединенное отдохновение! Когда наслаждаешься твоей сладостью, какое логовище не будет мило? Какая пещера покажется чужой, если в ней находишь счастье?" (подстрочный перевод). Послание Б. приобрело огромную популярность. Жуковский и Вяземский ответные послания Б. написали размером "моих пенатов". Оно отразилось на лицейских посланиях Пушкина "к сестре" и "городок". "Самый размер "моих пенатов", по словам Д. Благого, – короткий и стремительный трехстопный ямб, сменивший собой традиционный тяжелый, медлительный размер посланий XVIII века, является одним из характернейших стилевых проявлений Карамзинской школы и укоренился в дружеских посланиях начала века". Пушкин отметил как "главный порок в сем прелестном послании... слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни", но общую оценку дал высокую: "Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения – слог так и трепещет, так и льется – гармония очаровательна". Пенаты – боги-хранители и покровители домашнего очага. Их изображения находились возле домашнего очага, в котором поддерживался неугасимый огонь. В переносном смысле пенаты – родной дом, домашний очаг (рим. миф.). Норы и темны кельи – в этом и следующих стихах Пушкин отметил смешение обычаев: "Музы – существа идеальные.

Христианское воображение наше к ним привыкло, но коры и келий, где Лары расставлены, слишком переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой. – Это все друг другу слишком уже противоречит".

Богини пермесские – одно из названий муз, по имени ручейка Пермесс в Беотии, текущего с горы Геликон, места, где обитали музы; то же пиериды (см. ниже), по имени области близ Олимпа – Пиерии (греч. миф.).

Лары – души умерших предков, покровители домашнего очага. Изображения домашних лар помещались в особом шкафу (ларарии) близ домашнего очага, по соседству с изображениями пенатов (рим. миф.).

Скудель – глина, глиняный сосуд, посуда; отсюда вообще все земное, смертное, непрочное, преходящее; скудельный – глиняный, слабый, хрупкий, бренный.

Жупел и огонь – мучение, ад (библейск.), жупел – горящая сера, смола, жар, куда погружаются грешники в аду.

Дымчатый покров, дымка – прозрачная редкая шелковая ткань.

Богиня слепая – Фортуна, изображавшаяся с повязкой на глазах.

Аония – область Древней Греции, часть Беотии у Геликона.

Парнасские царицы – музы. Стигийские берега – берега Стикса (греч. миф.).

Парнасский исполин – Гаврила Романович Державин (1743 – 1816).

Наш Пиндар, наш Гораций – Б. вслед за В. А. Озеровым отмечает в поэзии Державина сочетание гражданской лирики, сравнивая его с Пиндаром (VI – V вв. до н. в.), греч. поэтом, автором торжественных од, с интимно-психологической лирикой, сравнивая его с Горацием (см. примеч. к "Мечте").

Суна – река в Карелии, где находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде "Водопад". Н. М.

Карамзин (1766 – 1826) писал о Платоне (427 – 347 гг. до н. в.) в очерке "Афинская жизнь". Там же в описании ужина афинянина Гиппия говорится, что на доме его была надпись: "Храм удовольствия и счастья, отверстый для всех мудрых любителей наслаждения" (наслажденья храм). Агатон (V в. до н. э.), древнегреч. трагик. Карамзин писал о нем в очерке "Цветок на гроб моего Агатона".

...древню Русь и нравы || Владимира времен... – имеются в виду исторические труды Карамзина, в частности, его статья "О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств". Сильф – дух воздуха (кельт, и герман. миф.). Здесь имеется в виду Богданович Ипполит Федорович (1743 – 1803) – рус. поэт. Цитра – струнный инструмент. Душенька – шутивно-сказочная стихотворная повесть Богдановича, названная по имени главного персонажа (переложение "Любви Психеи и Купидона" Лафонтена). Мелецкий – Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752 – 1828) – поэт, автор любовно-эпикурейских песен и стихотворений. Федр (I в. до н. э.) – древнерим. баснописец. Пильпай – легендарный индусский баснописец. Дмитриев Иван Иванович (1760 – 1837) – рус. поэт-сентименталист, баснописец и автор сатирических сказок. Хемницер Иван Иванович (1745 – 1784) и Крылов Иван Андреевич (1768 – 1844) – рус. баснописцы. Аристиппов внук – последователь Аристиппа (IV в. до н. э.), древнегреч. философа, учившего, что высшее счастье жизни – в наслаждениях; так Б. называет П. А. Вяземского, поэзия которого воспевала вино и веселье. Наемны лики – хор; отпевающий умершего.

Послание графу Виельюрскому (стр. 127). Впервые – ПРП, ч. 4. Пушкин отметил на полях "Опытов" ряд неудачных мест ("mauvais gout <дурной вкус> – это редкость у Батюшкова", "как дурно", "плоско", "вот сунуло куда!", "Сильваны, нимфы и Наяды – меж сыром выписным и гамбургским журналом!!!") и заключил: "Преглупая пиеса". Граф Виельюрский (Б. называл его в письмах Велеурским, согласно польскому произношению) Михаил Юрьевич (1788 – 1856) – композитор и музыкант-любитель, приятель Б., Жуковского, Вяземского. Б. познакомился с Виельгор-ским в 1807 г. в Риге. В послании Б. вспоминает об этой встрече. В письме Вяземскому в конце ноября 1811 г. Б. просит его прислать "музыку на мой романс", написанную Виельгерским. О каком романсе идет речь – неизвестно. Сильфы – см. примеч. к "Моим пенатам". Сильваны – божества лесов и полей, покровители стад (рим. миф.). Наяды – нимфы вод (греч. миф.).

Послание к Тургеневу (стр. 129). Впервые – ПРП, ч. 6.

Пушкин сопроводил послание отрицательными пометами: "как плоско!", "какая холодная штука!", "Стихи, достойные Василия Львовича" и подытожил: "Охота печатать всякий вздор!", но, видимо, зная, что состав сборника во многом определен был издателем, добавил: "Батюшков – не виноват". Тургенев Александр Иванович (1784 – 1845) – брат декабриста Н. И. Тургенева, член лит. общества

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

"Арзамас", друг Б., Жуковского, Вяземского; известен был добротой и готовностью помогать всем нуждающимся. Послание включено в письмо Б. к А. И. Тургеневу от 14 октября 1816 г. с характерной оговоркой: "Ей, ей impromptu" <вкспромт>, письмо, содержащее, в качестве комментария к стихам, просьбу: "Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошение в сословие призрения разоренных неприятелем... Сделайте что-нибудь для нее..." За Попову, вдову убитого на войне офицера, просила Б. Анна Львовна Пушкина (1769 – 1824) – тетка А. С. Пушкина. Просьбу Тургенев выполнил, и в июне 1817 г. Б. писал Жуковскому: "Благодари Тургенева за Попову: он сделал доброе дело за вяленькие стихи". О ты, который при дворе – Тургенев был в 1810 – 1824 гг. директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Флора – богиня цветов, весны и юности (рим. миф.).

Ответ Гнедичу (стр. 132). Впервые – ВЕ, 1810, No 3, вслед за стихотворением Гнедича "К Батюшкову" ("Когда придешь в мою ты хату..."), написанным в 1807 г. "Ответ" Б. написал в деревне Хантоново Череповецкого у. Новгородской губ., где он провел вторую половину 1809 г., вернувшись из военного похода в Финляндию. Первые два стиха ("с рукою сердце отдаст") вызвали ироническую помету Пушкина: "Батюшков женится на Гне-диче!" Заключительные стихи 17 – 24 отмечены Пушкиным: "прекрасно". Слепая богиня – см. примеч. к "Моим пенатам". Сабинский домик – поместье Горация в Сабинах, воспетое им. Брашны – кушанья.

К Жуковскому (стр. 133). Впервые – ПРП, ч. 2. Послание включено в письмо Б. к Жуковскому от июня 1812 г. Пушкин отметил на полях "Опытов": "Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей французского остроумия, – и везде язык поэзии". Белева мирный житель – В. А. Жуковский жил в это время в имении своего отца, А. И. Бунина, в селе Мишенском в трех верстах от Белева, уездного города Тульской губернии. Стих этот – цитата из послания Вяземского "К Батюшкову" ("Мой милый, мой поэт..."), явившегося ответом на "Мои пенаты" Б- Киприды – одно из имен Афродиты, вышедшей из морской пены на остров Кипр, который стал одним из главных мест ее почитания (греч. миф.). А малы ей рог – рог изобилия. Амальтея – коза, молоком которой был вскормлен Зевс. Рог Амальтеи, подаренный Зевсом воспитавшим его нимфам, обладал свойством давать все, чего пожелает его обладатель (греч. миф.). Гиппократ (V в. до н. э.) – древнегреч. врач, в данном случае – врач вообще. Коцит – одна из рек, окружающих подземное царство мертвых, Аид (греч. миф.). Громовой – герой одноименной баллады Жуковского, составляющей первую часть поэмы "Двенадцать спящих дев". "Усопший! мир с гобю!" – слова сатаны, которому продал душу Громобой. Свистов – граф Хвостов Дмитрий Иванович (1757 – 1835), поэт-шишковист, эпигон классицизма, весьма плодовитый и бездарный, автор огромного количества од и басен, которыми он имел слабость зачитывать своих слушателей. Его покорный бес – единственный слушатель Хвостова в басне А. Е. Измайлова "Стихотворец и черт".

Ответ Тургеневу (стр. 136). Адресовано А. И. Тургеневу (см. примеч. к "Посланию к Тургеневу"), Пушкин приписал под стихотворением: "Как неудачно почти всегда шутит Батюшков! Но его видение умно и смешно". Армида – см. примеч. "К Дашкову". Дон-Кшиот – Дон-Кихот, Химеры чудовища с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона; вообще праздные фантазии, несбыточные мечты. Дафна – нимфа; преследуемая влюбленным Аполлоном взмолилась о помощи к богам и была превращена своей матерью Геей, богиней земли, в лавровое дерево (греч. миф.; Дафна по-греч. – лавр). Кипарис – прекрасный юноша, любимец Аполлона; когда он нечаянно убил своего любимого оленя и не мог исцелиться от тоски, Аполлон превратил его в дерево (греч. миф.);

кипарис считался деревом траура. Любовник строгой Лоры – Петрарка; Лаура (Лора) – возлюбленная Петрарки. Воклюа – см. примеч. к "Мечте". Лвшеньки певец – Богданович (см. примеч. к "Моим пенатам"). Лесбосская певица – Сафо (см. примеч. к "Мечте").

К Петину (стр. 139). Из нового изд. "Опытов" Б. предполагал исключить вто послание. Петин – см. примеч. к "Тени друга". В 1808 – 1809 гг. Б. вместе с Петиным участвовал в финляндском походе. Индесальми селение в центральной Финляндии, где в ночь на 29 октября 1808 г. произошло сражение русских со шведами, в котором отличился Петин; Б. был тогда в резерве. Цитерская сторона – любовь (см. примеч. к "Мечте").

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу (стр. 141). Впервые – ПРП, ч. 6. Адресовано Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу (1768 – 1851), дипломату, писателю, члену "Беседы любителей русского слова", дальнему родственнику Б. Пушкин отметил ряд

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
частных недостатков послания (стихи 33 - 36 - "Это дело десятое: не о том дело; см. стих 1"; стихи 79 - 81 - "вяло"; стихи 99 100 - "темно!"), а под стихотворением сделал приписку: "Цель послания не довольно ясна: недостаточно то, что выполнено прекрасно". Послание, по словам Д. Благого, "в полную противоположность с прежними карамзинистскими его посланиями написано в выдержанно-классическом стиле". ...От первых впечатлений II От первых свежих чувств заемлет силу гений... - эту мысль Б. повторил в статье "Нечто о поэте и поэзии": "Ничто не может изгладить из памяти сердца нашего первых, сладостных впечатлений юности!" Мантуа (Мантуя) - родина рим. поэта Публия Вергилия Марона (70 - 19 гг. до н. а.). Минций (Минчио) - река, на которой стоит Мантуя. От милых дар своих отторженный пиит - Вергилий жил при дворе императора Августа. Титир пастух в эклоге Вергилия, под именем которого поэт вывел себя. Кола Кольский полуостров и река Кола. Наш Пин дар - Ломоносов (о Пиндаре см. примеч. к "Моим пенатам"). Мрежи - сети. Ланита - щека. "Дрожащий, хладный блеск..." - мотивы неоконченной поэмы Ломоносова "Петр Великий". Державин камские воспоинал дубравы - Державин родился в Казанской губ. в деревне на р. Каме. Отчизны сладкий дым - перефразированная строка из стих. Державина "Арфа": "Отечества и дым нам сладок и приятен". Приволжские берега - село на берегу Волги в Казанской (позже Симбирской) губ., где родился И. И. Дмитриев (см. примеч. к "Моим пенатам"). Певец сибирского Пизарра - И. И. Дмитриев как автор "Ермака", драматической поэмы о покорении Сибири; Пизарро Хуансиско (1475 - 1541) - испанец, возглавивший завоевание Перу.

СМЕСЬ

Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря (стр. 145). Готовя новое изд. "Опытов", Б. хотел "Хор" исключить и перечеркнул его в своем экземпляре "Опытов", но затем решил оставить и приписал сбоку: "NB. Вычеркнуто ошибкою - печатать". Виновница счастливых дней! - вдовствующая императрица Мария Федоровна (1759 - 1828), жена Павла I, покровительница женского пансиона Смольного монастыря в Петербурге.

Песнь Гаральда Смелого (стр. 147). Впервые - ВЕ, 1816, No 16. Вольный перевод древней северной песни XIII в. Предание приписывало авторство "Песни" самому Гаральду Смелому (XI в.) - норвежскому конунгу (вождь племени) и скальду (древнесканд. народный певец), впоследствии королю Норвегии. Гаральд Смелый любил Елизавету (дева русская), дочь Киевского великого князя Ярослава Мудрого. В России интерес к "Песне" возник в XVIII в. Ее переводили И. Ф. Богданович (см. примеч. к "Моим пенатам") и Николай Александрович Львов (1751 - 1803) - рус. писатель, архитектор, художник. Державин в "Рассуждении о лирической поэзии или об оде" усматривал сходство некоторых мотивов "Песни Гаральда" и "Слова о полку Игореве". Карамзин в "Истории государства Российского" дал прозаический перевод "Песни" и комментировал ее: "Елизавета не презирала его <Гаральда>: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц.., Гаральд женился на Елизавете в 1045 году". Толчком к переводу "Песни" Б. послужило чтение книги франц. писателя Луи Маршанжи "La Gaule Poétique" ("Поэтическая Галлия"), о чем он писал П. А. Вяземскому в феврале 1816 г. Синайская земля - Сицилия. Дронггейм (Тронхейм) - область на севере Норвегии. Гела (Хель) - см. примеч. к элегии "На развалинах замка в Швеции". Полночь - здесь: север.

Вакханка (стр. 149). Свободное переложение 9-й части поэмы Парни "Переодевания Венеры". Готовя новое изд. "Опытов", Б. сначала зачеркнул стихотворение, но затем приписал: "NB. Вычеркнуто ошибкою - печатать". Пушкин отметил стихи 11 - 12 - "смело и счастливо", а в целом - "Подражание Парни, но лучше подлинника, живее", Эригона - в некоторых списках подстрочное примечание автора: "Эригона, дочь Икария, которую обольстил вакх, обратясь в виноградную кисть" (греч. миф.). Икарий - афинянин, обученный Вакхом виноделию и обучивший ему жителей Аттики (греч. миф.). Вакханка, жрица Вакхова - спутница Вакха и участница его оргий, вакханалий - ночных празднеств в честь Вакха. Эвр - теплый восточный ветер, Эвоэ! - восклицание в честь Вакха на оргиях.

Сов воинов. Из поэмы "Иснель и Аслега" (стр. 151). Впервые - ВЕ, 1811, No 3, под названием "Сон ратников". Вольный перевод отрывка из 3-й песни поэмы Парни "Иснель и Аслега". Готовя новое изд. "Опытов", Б. хотел исключить это стихотворение. Перевод вызвал полемику в письмах между Гнедичем и Б. Гнедич требовал от него "стихотворений эпических, важных"; Б, защищал "легкую поэзию", считая, что "этот род сочинений весьма труден", защищал Парни: "его поэма...

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
прекрасна", защищал свой перевод: "Кажется, перевод мой не хуже подлинника",
"Эти стихи написаны очень хорошо, сильно, наконец... они меня достойны". В ВЕ
стихотворение имело продолжение:

Все спят у тлеющих костров,
Все спят; один Эрик несчастный
Поет, и в мраке гул ужасный
От скал горам передает:
"Сижу на берегу шумных вод,
Все спит кругом; лишь воют рощи,
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на берегу ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелою!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею...
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на берегу ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает.
Супруга, бойся!
День придет,
И меч отмщенья заблестит!..
Но он скользит по влаге вод.
Сижу на берегу шумных вод.
Все спит кругом; лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!
Вой – воины. Рамена – плечи.

Разлука (стр. 153). Впервые – ПРП, ч. 2. Пушкин на полях "Опытов" отметил:
"Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить". Первые две строфы стали
распространенным романсом.

Браная – вышитая.

Ложный страх. Подражание Парни (стр. 155). Впервые – ВЕ, 1810, No 11. Перевод
элегии Парни "La frayeur" ("Страх"). И амуры на часах – Пушкин указал в
замечаниях на полях "Опытов", что этот стих взят у М. Н. Муравьева (из
стихотворения "Богине Невы").

Аргус – многоглазый великан, приставленный Герой, супругой Зевса, стеречь Ио,
Страница 174

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
одну из ее соперниц (греч. миф.); отсюда вообще – бдительный страж.

Морфей – бог сновидений (греч. миф.), изображался крылатым стариком.

Сои могольца. Баснь (стр. 157). Впервые – "Драматический вестник", 1808, ч. V. Вольный перевод басни франц. поэта Жана Лафонтена (1621 – 1695) "Le songe d'un habitant du Mogol" ("Сон жителя Моголии"). Лафонтен заимствовал сюжет из "Гюлистана" Саади, перс. писателя XIII в., а лирическая концовка басни Лафонтена навеяна "Георгиками" Вергилия. Б. просил Гнедича "выкинуть" басню из "Опытов", но Гнедич оставил ее. Готовя новое изд. "Опытов", Б. предполагал исключить стихотворение. До Б. Жуковский сделал переложение этой басни под тем же названием (1806). Моголец – житель мусульманской империи Великого Могола, основанной в Индии в XVI в. Жилища Елисейски – Элизий. Визирь – высший чиновник в мусульманских странах. Гурии – прекрасные девы мусульманского рая. Намет шатер.

Любовь в челноке (стр. 159). Впервые – ПП, ч. 4. Мальчик в нем сидел прекрасный – Амур, бог любви (рим. миф.).

Счастливец. Подражание Касти (стр. 161). Впервые – ВЕ, 1810, No 17, с подзаголовком "Подражание Касти" и эпиграфом: "Odi le rapide ruote sonanti" ("Слушай грохот быстрых колес") и дополнительной строфой, следовавшей за X строфой:

Сердцем спит и нем душою, Тратит жизнь на суеты, Днем не ведает покою, Ночью – страшные мечты!

Вольный перевод анакреонтического стихотворения итал. поэта Джованни Баттиста Касти (1724 – 1803) "A Fille. L'avverte accio поп giudici secondo le apparenze..." ("Предупреждение не судить по видимости"). Готовя новое изд. "Опытов", Б. снял подзаголовок. Десница – правая рука. Лъзя – можно. Парос – остров греч. архипелага, месторождение белого мрамора. Пафос – см. примеч. "К друзьям". Крез – богач, по имени последнего лидийского царя VI в. до н. в., обладателя несметных сокровищ. Сердце наше – кладезь мрачный... II Крокодил на нем лежит! – образ этот целиком заимствован из повести франц. писателя Шатобриана (1768 – 1848) "Атала". Вяземский писал об этой "прекрасной строфе прекрасного перевода из Касти", но взамен неточной рифмы ("мрачный" – "ужасно") предлагал: "Вставить бы темный и огромный" и заметил: "Неисправная рифма, как разноцветная заплатка, рябит в глазах. Рифма и так уже вставка; так, по крайней мере, подберите оттенку к оттенку" (П. А. Вяземский. Записные книжки. 1813 – 1848. М., 1963, с. 131). А. Ф. Воейков (1777 – 1839), поэт и журналист, пародировал этот образ Б. в сатире "Дом сумасшедших". Б., по его собственным словам, "хохотал", читая пародию.

Радость. Подражание Касти (стр. 164). Вольный перевод стихотворения Касти "II contento" ("Удовлетворение"). Пушкин на полях "Опытов" отметил под стихотворением: "Вот Батюшковская гармония". Готовя новое изд. "Опытов", Б., как в предыдущем стихотворении, снял подзаголовок "Подражание Касти". И миртом, и роаю- растения, посвященные древними греками Афродите. Мирт – вечнозеленое дерево. Лира тиисская – лира Анакреона (VI в. до н. в.), древнегреч. лирика, уроженца малоазийского города Теоса (отсюда его прозвище – теосский или тиисский). Филли-да – имя возлюбленной поэта в античной идиллической поэзии.

К Никите (стр. 166). Обращено к Никите Михайловичу Муравьеву (1796–1843), троюродному брату Б., гвардейскому офицеру, участнику Отечественной войны, будущему декабристу, одному из руководителей Северного общества, автору "Конституции". Умер в ссылке в Сибири. Н. Муравьев высказывал сожаление, что в отличие от Б. "не имел этого счастья" (вступить в Париж с русской армией) и "не входил во Францию". Б. относился с неизменной любовью к Н. Муравьеву и подарил ему экземпляр "Опытов" с надписью: "Любезному брату и другу Никите Михайловичу на память". Пометы Н. Муравьева на полях ч. I "Опытов" показывают, что не только социально-политические взгляды и симпатии Б., его отношение к монархии и революции, прежде всего, были встречены с резкой неприязнью и враждебностью, но и эстетику Б. и самый стиль его прозы Н. Муравьев не принимал. Эпиграммы, надписи и прочее.

I. "Всегдашний гость, мучитель мой..." (стр. 169). Перевод эпиграммы франц. поэта Экушара Лебрена (1729 – 1807) "O, la maudite compagnie..." ("O, проклятая

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru компания"). Пушкин ошибочно приписал эпиграмму Д. Н. Блудову (1785 - 1864) - литератору-любителю, приятелю Жуковского и Б., одному из основателей "Арзамаса". На полях "Опытов" он пометил: "Это не Батюшкова, а Блудова, и то перевод". Балдус - прозвище тупого писателя-педанта, использованное карамзинистами в борьбе с литературными архаистами.

II. "Как трудно Бибрису со славою ужиться!.." (стр. 169). Впервые "Цветник", 1809, No 9. Из нового изд. "Опытов" Б. предполагал эпиграмму исключить. Баб рис - принятое среди карамзинистов прозвище поэта-мистика, архаиста Семена Сергеевича Боброва (1767 - 1810), намекающее на его страсть к выпивке (от лат. bibere - пить). Непонятность его стихов, тяжеловесный слог, склонность к славянизмам и сложным эпитетам не раз служили предметом насмешек Б., Вяземского, Пушкина.

III. "Памфил забавен за столом..." (стр. 169). Впервые - "Российский Музеум", 1815, No 9. Из нового изд. "Опытов" Б. намеревался эпиграмму исключить.

IV. Совет эпическому стихотворцу (стр. 170). Эпиграмма направлена против Сергея Александровича Ширина-Шихматова (1783 - 1837) - поэта, последователя и любимца Шишкова, члена "Беседы", напечатанного в 1810 г. поэму "Петр Великий, лирическое песнопение в 8 песнях". Б. писал Гнедичу 1 апреля 1810 г.: "...напечатали... лирическую поэму (III) в 300 листов, лирическую поэму, о которой никто еще с сотворения мира понятия не имел..."

V. Мадригал новой Сафе (стр. 170). Впервые - "Цветник", 1809, No 9, под заглавием "Хлое-сочинительнице". Пушкин отметил на полях "Опытов": "Переведенное острословие - плоскость". Сафо - см. примеч. к "Мечте". Эпиграмма, иронически названная мадригалом, направлена против Анны Петровны Буниной (1774 - 1828), поэтессы-шишковистки, и имеет в виду ее безнадежную любовь к поэту И. И. Дмитриеву.

VI. Надпись к портрету Н. Н. (стр. 170). Впервые - "Собрание русских стихотворений", ч. 5. М., 1811, под заглавием "К портрету вой". Адресат неизвестен. Из нового изд. "Опытов" Б. собирался надпись исключить.

VII. К цветам нашего Горация (стр. 171). -Обращено к поэту И. И. Дмитриеву, который, подобно Горацию, любил заниматься садоводством. По свидетельству племянника поэта, М. А. Дмитриева, послано адресату вместе с семенами цветов.

VIII. Надпись к портрету Жуковского (стр. 171). Впервые - ВЕ, 1817, No 3. Написано по заказу Михаила Трофимовича Каченовского (1775 - 1842), редактора-издателя ВЕ, о чем сообщил Б. в письме к Жуковскому в июне 1817 г. ...пред падшею столицей II Он храбрым гимны пел... - имеется в виду стихотворение Жуковского "Певец во стане русских воинов", которое, по словам автора, "писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине", происшедшем 6 октября. Тиртей (2-я пол. VII в. до н. э.) - древнегреч. поэт, элегии которого воодушевляли воинов на битву и обеспечили Спарте победу. Новый Грей - перевод элегии англ. поэта Томаса Грея (1716 - 1771) "Сельское кладбище" принес Жуковскому известность.

IX. Надпись к портрету графа Эммануила Сен-При (стр. 171). Впервые "Сын отечества", 1816, No 12. Сен-При Эммануил, граф (1776 - 1814) - франц. эмигрант, генерал рус. службы, участник войн против Наполеона, отличился в сражении под Аустерлицем, был смертельно ранен под стенами Реймса во время похода рус. армии на Париж; Б. познакомился с ним, вероятно, в Риге в 1807 г., где оба лечились после ранения. "Этот герой достоин лучшей эпитафии, писал Б. в середине декабря 1815 г. Жуковскому. - Истинный герой, христианин, которого я знал и любил издавна!" В бытность свою в Каменец-Подольске во второй

половине 1815 г. Б. познакомился с братом генерала, подольским губернатором, графом К. Сен-При, по просьбе которого и написал это четверостишие, посланное в цит. письме Жуковскому.

...лилиям отцов...-эмблема франц. королевского рода Бурбонов, к которому принадлежал Сен-При. Баярд - Баяр Пьер дю Терайль (1476 - 1524), франц. полководец, имя которого стало нарицательным именем рыцаря без страха и упрека. Дюгесклен (Дюгесклен) Бертран (1314 - 1380) - франц. полководец, прославившийся храбростью я воспетый как "цвет рыцарства".

X. Надпись на гробе пастушки (стр. 172). Впервые – ВЕ, 1810, No 14, под заглавием "Надпись над гробом молодой пастушки" с подзаголовком: "Этот гроб находился на лугу, на котором собирались плясать пастухи и пастушки". Надпись использована П. И. Чайковским в "Пиковой даме" (романс Поливы). Готовя новое изд. "Опытов", Б. исправил, а затем исключил надпись. Аркадия – область в центральной части Пелопонесского полуострова, название которой в идиллической поэзии стало обозначением страны идеальной простоты, мирного счастья и невинности. Б. В. Томашевский указал, что надпись связана с картиной франц. художника Никола Пуссена (1594 – 1665) "Аркадские пастухи", изображающей каменное надгробие, окруженное пастухами; на могиле надпись: "И я (жил) в Аркадии" (К. Батюшков. Стихотворения. Л., 1948, с. 309).

XI. Мадригал Медине, которая называла себя нимфой (стр. 172). Ио... после превращения! – возлюбленная Зевса прекрасная Ио была превращена его ревнивой супругой Герой в корову (греч миф.). Эту эпиграмму, иронически названную Б. мадригалом, Пушкин отметил на полях "Опытов" словами: "Какая плоскость!"

XII. На книгу под названием "Смесь" (стр. 172). О какой книге идет речь – неизвестно.

Странствователь в домосед (стр. 173). Впервые – "Амфион", 1815, No 6. В неопубликованных письмах Б. к Вяземскому, отрывки из которых приведены в комментариях Д. Благого (Изд. 1934) и Н. Фридмана (Изд. 1964), говорится о возникновении замысла сказки, об автобиографичности ее, объясняется обращение Б. к новому для него жанру стихотворной сказки. Замысел сказки возник в 1814 г.: "Стих и прекрасный – "Ум любит странствовать, а сердце жить на месте" – стих Дмитриева подал мне мысль эту. И где? В Лондоне, когда, сидя с Севериным на берегах Темзы, мы рассуждали об этой молодости, которая исчезает так быстро и невозвратно" (Изд. 1934, с. 520). 10 января 1815 г. Б. писал: "Теперь кончил сказку "Домосед и странствователь", которая тебе, может быть, понравится, потому что напомнит обо мне. Я описал (в лице "странствователя", а также в образе самого повествователя в лирических отступлениях. – Д. М.) себя, свои собственные заблуждения – и сердца, и ума моего". В письме от марта – июня 1815 г. Б. просил Вяземского: "...пришли мне замечания (на сказку. – Д. М.). Я постараюсь ими воспользоваться", и так объяснял свое обращение к жанру сказки, советуя и Вяземскому поправить силы в этом жанре: "Зачем Дмитриеву оставлять одному это поле, поле веселое и странное, созданное как нарочно для твоего остроумного ума и сердца... У нас множество баснописцев. Пусть будут и сказочники" (Изд. 1964, с. 300). Но сказка Вяземскому не понравилась. В середине декабря 1815 г. Б. писал Жуковскому: "Вяземский – Асмодей уверил меня, что сказка моя никуда не годится". Готовя к печати "Опыты" в 1817 г., Б. внес исправления в текст сказки и послал ее Гнедичу с просьбой сделать самому замечания и показать Крылову. Оба сделали свои замечания, Б. получил их и воспользовался ими. Пушкину сказка также не понравилась: ряд мест сопровождается пометами – "лишнее", "дурно", "холодно"; отдельные куски перечеркнуты и сбоку отмечено – "все это лишнее", но одно место выделено стихи 210 – 219 – "прекрасно", а под стихотворением приписка – "Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – все вообще – холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр". Объехав свет кругом... Он осужден искать... чего – не знает сам! – вступительная часть сказки, где "повествователь" как бы представляет читателю самого себя, носит автобиографический характер. Конечно, в странствованиях "повествователя" отразились скитания самого Б., в частности его участие в военных походах 1807 – 1809 и 1813 – 1814 гг. Но это лишь внешнее выявление его душевных метаний. Автобиографичен этот отрывок, прежде всего, потому, что в духовном портрете "повествователя", обрисованном здесь крупными чертами – в его мечтательности, "скуке", неприкаянности, в его сомнениях, – угадывается сам Б. Это – его взгляд на самого себя и на свою жизнь после глубокого кризиса и нравственного переворота, только что пережитого им, его скепсис и разочарование в "суетных мечтах". Гарпагон – скупец-богач по имени героя комедии Мольера "Скупой". Мина – обозначение определенного веса металла и денежной единицы у древних греков, не чеканившейся отдельной монетой и содержавшей 100 драхм. Амфора – большой глиняный сосуд для масла, меда и вина у древних греков. Пенат – см. примеч. к "Моим пенатам". Землица уголок – выражение, взятое из эпитафии к повести М. Н. Муравьева "Обитатель предместья". Мемфис – столица Древнего Египта. Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак – изображение Изиды, главного женского божества (егип. миф.), было скрыто от глаз непосвященных покрывалом. Зачем горящий Феб все к западу стремится? – речь идет о движении солнца. Пифагор (VI в. до н. э.)

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
древнегреч. философ и математик. Алкивиад (V в. до н. э.) – древнегреч. полководец и гос. деятель, любимец афинских женщин. Демосфен (IV в до н. э.) – древнегреч. оратор. Гликерия – афинская красавица, имя которой стало нарицательным. Кратес из Фив (IV – III вв. до н. в.) – древнегреч. философ-киник, последователь Диогена, отказался от всего своего имущества, кроме старого плаща, которым прикрывал наготу. Диоген из Синопа (412 – 323 гг. до н. э.) – древнегреч. философ-киник, развил идею внутреннего аскетизма, согласно которой счастье – в сведении потребностей к минимуму; жил, по преданию, в бочке, считая дом излишней роскошью. Пирей – афинский порт. Судно тирское. Тир – город и порт на Средиземном море, центр древней Финикии. Одиссея – здесь: странствие. Тритоны – низшие морские божества с человеческим телом и рыбьим хвостом (греч. миф.). Океаниды – морские нимфы (греч. миф.). Апис – священный бык, одно из воплощений Овирида (Озириса) верховного божества (етяп, миф.). Анубис – бог-покровитель умерших, изображался в виде человека с головой собаки или шакала (египт. миф.), о чесноке святом... – у древних египтян чеснок – священное растение. ...о коте большом] – Кошка у древних египтян – священное животное, воплощение богини Изиды. Поллукс – один из двух близнецов, сыновей Зевса, покровителей мореплавания (рим. миф-). Кротона (Кротон) – греч. город в Южной Италии, где Пифагор учредил нравственно-религиозный союз своих последователей. ...врагу и мясу и бобов... – аскетизм пифагорейцев требовал отказа от мясной пищи. ...слушать пенье сфер... – согласно учению пифагорейцев о космической "гармонии сфер", движущиеся небесные тела звучат через определенные интервалы. Эмпедокл (V в. до н. а.) – древнегреч. философ, согласно легенде, бросился в кратер Этны, оставив на его краю свою сандалию. Лаконски горы – горный хребт в Лаконии, одной из областей Древней Греции. Илоты – исконное население древнегреч. области Мессении, обращенное покорившими его спартанцами в рабство. Скептический мудрец – представитель древнегреч. философской школы скептиков, проповедовавшей воздержание от суждений ради достижения атараксии (безмятежности) как предварительного условия эвдемонии (блаженства). Тайгет – горный хребт в Греции. Арголида область Древней Греции. Коринф – крупный торговый центр Древней Греции. Мегарида – область на Коринфском перешейке в Древней Греции. Аттика область Древней Греции, центром которой были Афины. Керамик – предместье древних Афин. Иллис – река в Афинах. Я сам, друзья мои... Я сам... лирическое отступление о радости возвращения в Петербург (стихи 268 – 274) оказало влияние на лирическое отступление в "Евгении Онегине" Пушкина (гл. 7, строфа 36). Фонтанку, этот дом... – имеется в виду или дом Е. Ф Муравьевой почти на углу Фонтанки и Невского, где Б. остановился, вернувшись из заграничного похода в 1814 г. и где написал свою сказку, или дом А. Н.Оленина также на Фонтанке, где жила А. Ф. Фурман, – см. примеч. к "Элегии". Риторы – ораторы. Софист – здесь: мудрец, философ. Архонт верховный правитель Афин. Фрина – знаменитая древне-греч. гетера, служившая моделью скульпторам Праксителю и Апеллесу. Вы помните, бульвар кипел... летал с нагайкою ковак... северный Амур с колчаном и стрелами отступление-воспоминание о пребывании в Париже в 1814 г.; в составе русских войск находились казаки, а также калмыки и башкиры, вооруженные луками и потому прозванные парижанами "Les amours du Nord" ("северные амурь"). Амвон – возвышение, кафедра для проповеди, речи. Мертвее... чем мертвецы баллады – вероятно, шутка по поводу баллад Жуковского. Эней – герой Троянской войны, вынесший на плечах старика отца из разгромленной греками Трои (греч., рим. миф), главный герой "Энеиды" Вергилия. Гиппократ – см. примеч. "К Жуковскому". Гимет – горы в Аттике, которые славились диким медом. Гипербореи – легендарный народ, обитавший, по представлениям древних греков, на севере.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1809-1821 гг.

Книги в журналист (стр, 187) Впервые – "Цветник", 1809, No 9, под заглавием "Крот и мышь". Мотив заимствован из эпиграммы франц. поэта Алексиса Пирона (1689 – 1773) "Eh! supprime tes sots ecrits..." ("Эй! прекрати свои глупые писанья..."), направленной против писателя аббата Пьера Дефонтена (1685 – 1745). Гнедич хотел ввести эпиграмму в "Опыты", но Б. исключил ее. Арист – нарицательное прозвище литературного критика, образованное от имени Аристарха Самофракийского (II в. до н. э.) александрийского филолога, составившего комментарии к Гомеру, Эсхилу, Софоклу, Эврипиду, Аристофану, Гесиоду и др.

<Н. И. Гнедичу> ("Тебя и нимфы ждут, объятья простирая...") (стр. 188). Из письма к Н. И. Гнедичу от 4 августа 1809 г. Впервые – "Русская старина", 1871, No 2. Этими стихами Б. приглашал Гнедича к себе в имение в Хантоново. Фавны – низшие лесные божества, козлоногие и рогатые (рим. миф.), подобные сатирам (греч. миф.). Кротал – род кастаньет, ударный деревянный или металлический

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
музыкальный инструмент у древних греков и римлян. Гамадриа-ды – нимфы деревьев (греч. миф.). Наяды – нимфы рек и источников (греч. миф.).

Эпитафия (стр. 189). Впервые – ВЕ, 1810, № 10. Из письма к Н. И. Гнедичу от конца ноября 1809 г. Б. заканчивал письмо словами: "умру и стихи со мной". Далее Б. в письме шло стихотворение, за ним дябавлено: "Вот моя эпитафия".

Видение на берегах Леты (стр. 190). Впервые – сб. "Русская беседа", т. 1. Спб., 1841. Вскоре после написания Б. послал "Видение" Гнедичу в Петербург, и оно стало распространяться там в большом количестве списков, а затем попало и в Москву. Эту первоначальную редакцию Б. продолжал исправлять и дополнять. "Я прибавил: 1-е из Москвы – шаликовщину, 2-е, русских повивальных Саф, которые пути не знают к морю" (письмо Гнедичу от конца ноября 1809 г.). В некоторых списках был эпиграф: "Ma muse sage et discrete sait de l'homme d'honneur distinguer le poete" ("Моя муза, осмотрительная и осторожная, умеет, высмеивая поэта, не затронуть чести человека") (из IX сатиры Буало). Отношение самого Б. к "Видению" менялось. Вначале оно было весьма пренебрежительным. "Как тебе понравилось "Видение"?" – спрашивал Б. Гнедича в письме от 1 ноября 1809 г., и тут же добавлял: "Можешь сжечь, если не годится. Этакие стихи слишком легко писать, и чести большой не приносят". Но уже в конце ноября 1809 г., посылая Гнедичу новую "оконченную" редакцию "Видения", Б. писал: "Произведение довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже". Почти неизвестное имя Б. становится теперь широко популярным: "Теперь, ибо имя мое известно, хоть в печать отдавай" (то же письмо). Но когда в 1816 г. Гнедич предложил включить "Видение" в "Опыты", Б. наотрез отказался: "Лету ни за миллион не напечатаю; в этом стою непоколебимо, пока у меня будет совесть, рассудок и сердце. Глинка умирает с голоду; Мерзляков мне приятель или то, что мы зовем приятелем; Шаликов в нужде; Языков питается пылью, а ты хочешь, чтобы я их дурачил перед светом. Нет, лучше умереть!" (письмо Гнедичу от начала августа 1816 г.) – Хотя раньше Б. думал о том, чтобы "напечатать в лицах это все маранье: для рисовщика карикатур пространное поле" (письмо А. Н. Оленину от 23 ноября 1809 г.). Когда же Б. узнал, что Гнедич рассказал Оленину, кто автор "Видения", он стал опасаться скандала и упрекал друга: "Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинил Видение. Какие имел ты на это права? Ниже отцу родному не должно было об этом говорить... Стыдно, очень стыдно. Поделом тебя совесть мучит. Я ветрен, но этого никак бы не сказал никому" (письмо Гнедичу от конца ноября 1809 г.). Опасения Б. были не напрасны: Шишков и его сторонники ("хилые наездники славенского Пегаса", как называл их Б.) очень рассердились на него; "даже до того дошло, что несколько ночей не спал, размышлял, что-де я наделал" (письмо Гнедичу от 1 апреля 1810 г.). Тревожило Б. и недовольство Державина, который, по слухам, "более еще вооружится" на него. Доходило до того, что Б. "решился оставить все: дотяну век в безвестности и, убитый духом и обстоятельствами... скроюсь, если можно, навеки от всех этих вздоров. Заложу часть имени и поеду в чужие края" (письмо Гнедичу от 23 марта 1810 г.). Но вместе с тем поддерживало сознание своей правоты: "Меня вот что утешает: буря утихнет, и тогда почувствуют истину моих слов" (то же письмо). В то время как Гнедич, который вначале "относился с восхищением" к "Видению", позже стал называть его "только приятным вздором", Б. укреплялся в сознании, что он создал вещь необычную: "она останется (в литературе. Д. М.)... не так, как какая-нибудь вещь совершенная, но как творение оригинальное и забавное, как творение, в котором человек... отдал справедливость таланту и вздору" (письмо Гнедичу от 1 апреля 1810 г.). Пушкин еще в юности любил "Видение" и вписал его в свою лицейскую тетрадь с потаенными стихами. И позже, когда его отношение к Б. менялось и он особенно пренебрежительно отзывался об эпиграммах и шуточных мелочах Б. ("Какая плоскость!"), "Видение"

Пушкин выделял: "Как неудачно почти всегда шутит Батюшков! Но его Видение умно и смешно". "Видение" оказало влияние и на творчество Пушкина. Сатира направлена прежде всего против А. С. Шишкова и его сторонников, членов возглавляемой им Российской Академии, архаистов, враждебно относившихся к реформам Карамзина. Вместе с тем Б. высмеял здесь и "шаликовщину", то есть крайности сентиментализма, эпигонов Карамзина. Бобров С. С. – см. примеч. к эпиграмме "Как трудно Бибрису со славою ужиться!.." Шлафрок – халат. Фебовы дети. – поэты. Касталийские воды источник поэтического вдохновения на Парнасе (греч. миф.). Херасков Михаил Матвеевич (1733 – 1807) – писатель, масон, директор и куратор Московского университета, крупный представитель классицизма, автор героической поэмы "Россияда" (1779) о покорении Иваном Грозным Казанского царства. Сумароков Александр Петрович (1717 – 1777) – поэт и драматург, один из зачинателей классицизма, которого Б. ценил не только как сатирика, автора басен и

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru

обличительных комедий, но и как одного из родоначальников рус. "легкой поэзии": "Т. н. эротический и вообще легкий род поэзии воспринял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова" ("Речь о влиянии легкой поэзии на язык"), Мельпомена - муза трагедии (греч. миф.). княгиня Яков Борисович (1742 - 1791) - драматург и поэт, представитель классицизма; Б. особенно ценил его героическую трагедию "Вадим Новгородский", изданную посмертно (1793) и сожженную по решению Сената. Певец преле-сгныя мечты - Богданович И. Ф. (см. примеч. к "Моим пенатам"). Девственницы - здесь: музы. Отец стихов "Тилемахиды" - Тредиаковский Василий Кириллович (1703 - 1768) поэт, переводчик и теоретик литературы; в 1766 г. опубликовал перевод философско-утопического романа "Похождения Телемака" франц. писателя Франсуа Фенелона (1651 - 1715), под названием "Тилемахида"; перевод был сделан разработанным им рус. гекзаметром. Далее Б. снова упоминает (Поэт, проклятый от Парнаса) и осмеивает Тредиаковского-го (Певец любовных еады) как переводчика аллегорического романа "Езда в остров Любви" (1730) франц. писателя Поля Тальмана (1642 - 1712) и как автора трагедии "Деидамия" (1750). Незаслуженные насмешки Б. над Тредиаковским - дань традиции того времени, против которой выступил уже юный Пушкин: в послании 1814 г. "К Батюшкову", приветствуя его сатиру, Пушкин, однако, заметил: "Но Тредьяковского оставь II В столь часто рушимом покое". Барков Иван Семенович (или Степанович) (1732 - 1768) - поэт, автор скаброзных сатирических, пародийных стихов. Хемницер Иван Иванович (1745 - 1784) баснописец. Майнин сын... - Гермес, или Эрмий, сын Зевса и Майи (Земли), вестник богов, сопровождал в Аид души умерших (греч. миф.). Минос легендарный критский царь, после смерти стал судьей над мертвыми в Аиде (греч. миф.). Алкей (VII - VI вв. до н. э.) - древнегреч. поэт. Вервляков Мерзляков Алексей Федорович (1778 - 1830) - поэт, переводчик Вергилия и Алкея, воспринятый Б. как педант-классик; Б. подшучивает также над его маленьким ростом, называя его "Тенью маленькою" и давая ему ироническое прозвище - Верзля-ков. ...Сего бо хочет бог... - слова из стихотворения Мерзлякова "Тень Кукова на острове ОВГИ-ГИ". В строках об Эроте и Психее Б. осмеял поэму Мерзлякова "Амур в первые минуты разлуки с Душенькою". В некоторых списках "Видения" к этим строкам сделано примечание об этой поэме: "Амур в стихах его на сорока страницах плачет". Фолиант - толстая книга большого формата. Писать... все провой, бея еров - речь идет о Дмитрие Ивановиче Языкове (1773 - 1845), писателе, отказавшемся от употребления буквы "ер" (твердый знак). ...явились лица новы \\ Из белокаменной Москвы - имеются в виду писатели-сентименталисты, эпигоны Карамзина, в большинстве своем жители Москвы, печатавшие в московских журналах такие произведения, как "Мавзолей моего сердца", "Журнал моих идей" и т. д. Тупей - взбитый хохол на голове. Поэт присяжный, князь вралей - князь Петр Иванович Шаликов (1767 - 1852) - поэт и журналист, эпигон Карамзина; далее высмеиваются сентиментальные и пасторальные мотивы его поэзии. Я русский и поэт - Сергей Николаевич Глинка (1775 - 1847), писатель и журналист, издатель "Русского вестника", глава патриотического антифранцузского направления. Б. иронически сравнивает его с франц. писателем и философом Жан-Жаком Руссо (1712 - 1778), имея в виду проповедь нравственного совершенствования в духе Руссо, с которой выступал Глинка; с франц. драматургом Расином (1639 - 1699), имея в виду трагедии Глинки; с англ. поэтом Юнгом (1681 - 1765), имея в виду перевод религиозно-дидактической поэмы "Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии", сделанный Глинкой; с англ. философом Локком (1632 - 1704), имея в виду статью Глинки о воспитании Петра I в духе идей Локка. ...Сафы русские печальны... - Б. объяснил в письме к Оленину от 23 ноября 1809 г., что имеет в виду здесь Елизавету Ивановну Титову (1770 - 1846), написавшую драму "Густав Ваза, или Торжествующая невинность"; поэтессу Анну Петровну Бунину - см. примеч. к эпиграмме "Мадригал новой Сафе" - и Марию Евграфовну Извекову (1794 - 1830), написавшую несколько романов и стихотворений. Б. иронически сближает гибель трех женщин в водах Леты с гибелью древнегреч. поэтессы Сафо, бросившейся в море (см. примеч. к эпиграмме "Мадригал новой Сафе"). ...виноносный гений - намек на страдавшего запоями поэта С. С. Боброва (см. примеч. к эпиграмме "Как трудно Бибрису со славою ужиться!..") и пародия на его высокий стиль, изобиловавший подобными выражениями ("венценосный гений", "браноносный гений" и т. п.). Далее Б. пародирует мистические, космические, мифологические мотивы поэзии Боброва и, наконец, ее "сугубый вздор". Глазунов Иван Петрович (1762 - 1831) - петербургский и московский книгопродавец и издатель, рекламировавший стихотворения Боброва. Урания муза астрономии (греч. миф.). Эгида - щит, атрибут Афины; здесь: сама Афина. Призрак чудесный и великий... Аз есмь зело славенофил - Александр Семенович Шишков (1754 - 1841) - писатель и государственный деятель, адмирал, с 1813 г. президент Российской Академии. В 1811 г. основал "Беседу любителей русского слова". В 1803 г. выпустил главный свой труд "Рассуждение о старом и новом слоге русского языка", направленный против Карамзина и

Стихотворения (1809–1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
его-школы и послуживший началом длительной полемики шишковистов и карамзинистов. Зело – очень. Славенофил (славянофил) – слово, введенное в оборот Б. как ироническое прозвище Шишкова. Мы все с Невы поэты росски последователи Шишкова, поэты Российской Академии, членом которой Шишков состоял с 1796 г. Они Пожарского поют – имеется в виду поэма "Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия", написанная в 1807 г. сторонником Шишкова поэтом князем Сергеем Александровичем Ширинским-Шихматовым (1783–1837). Курганов Николай Гаврилович (1725? – 1796) – просветитель, педагог, издатель, автор "Российской универсальной грамматики" (1769), в следующих изданиях названной "Письмовником", содержащим, кроме "Граматики" Ломоносова, множество переводов анекдотов, фабль, фацевий, частично приспособленных к рус. быту, первую антологию рус. поэзии и словарь толкований варваризмов и славянизмов, дававший замены иностранных слов русскими. Шишков в своем "Рассуждении" также дал словарь с подобными заменами. Крылов познакомился с духами через "Почту" – в 1789 г, И. А. Крылов издавал ежемесячный сатирический журнал "Почта духов", содержащий переписку духов с волшебником Мали-кульмульком.

На смерть Лауры. Из Петрарки (стр. 200). Впервые – ВЕ, 1810, No 17. Вольный перевод SCLXIX сонета Ф. Петрарки из цикла "Сонеты и канцоны на смерть Лауры". Б. отступил от формы сонета, заменив ее четверьями четверостишиями. Колонна и лавр – игра слов: колонна и кардинал колонна, друг и покровитель Петрарки, убитый в 1347 г.; лавр и лаура, возлюбленная Петрарки, умершая в 1348 г. Инд – житель Индии.

Вечер. Подражание Петрарке (стр. 201). Впервые – ВЕ, 1810, No 21. Подражание IV канцоне Петрарки из цикла "Сонеты и канцоны, писанные при жизни Лауры". Пажити – пастбища.

"Рыдайте, амуры а нежные грации..." (стр. 203). Впервые – "Известия Академии наук СССР", Отд. литературы и языка, 1955, т. 14, вып. 4. Перевод итал. стихотворения "Piangete o grazie, piangete amori..." неизвестного автора. По предположению Н. Фридмана, стихотворение принадлежит итал. поэту и драматургу Пьетро Ме-тастазио (1698 – 1782).

Элизия (стр. 204). Впервые – "Сочинения в прозе и стихах". Спб., 1834, ч. II, под заглавием "Отрывок из элегии", с примечанием: "Начало сей пиесы не отыскано". Н. Фридман отметил, что "стихотворение представляет собой законченное художественное целое" и что именно к нему относится название "Элизий", включенное в список поэтических произведений Б., составленный им не позднее ноября 1810 г. (Изд. 1964, с. 282). Элизий – поля блаженных, загробный мир, где блаженствуют праведники (греч. и рим. миф.). Долу вниз. Делия – см. примеч. к "Элегии из Тибулла".

Мадагаскарская песня (стр. 206). Впервые – ВЕ, 1811, No 3. Вольный перевод одной из "Мадегасских песен" Парни, написанных в прозе и являвшихся подражанием фольклору мадегассов – жителей острова Мадагаскар.

"Известный откупщик Фадей..." (стр. 208). Впервые – ВЕ, 1810, No 10.

"Теперь, сего же дня..." (стр. 209). Впервые – ВЕ, 1810, No 10.

Истинный патриот (стр. 210). Впервые – "Цветник", 1810, No 6, под заглавием "Рыцарь нашего времени". Эпиграмма включена в "Опыты", напечатана, но, как и две предыдущие, была по желанию Б. вырезана из большей части тиража. Направлена одновременно против шишковистов и против галломании. К этой теме внешнего патриотизма Б. не раз возвращался. В статье "Прогулка по Москве" (1811 – 1812) Б. обращает к самому себе шутливое двустишие:

Налейте мне еще шампанского стакан,

Я сердцем славянин – желудком галломан!

Б. писал П. А. Вяземскому 3 октября 1812 г. из Нижнего Новгорода, куда он сопровождал Е. Ф. Муравьеву с детьми и где собралось много московских беженцев: "Везде слышу вздохи, вижу слезы – и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: "point de paix!" (ни в коем случае не заключать мира!). Филарет (1550–е гг. 1633) – патриарх российский, отец царя Михаила Федоровича, первого из дома Романовых,

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
возведенного на русский престол. Ферезь (ферязь) – старинное женское платье, род сарафана. Сальмис – рагу из дичи с вином и пряностями, франц. блюдо.

Отъезд (стр. 211). Впервые – "Опыты". Стихотворение вместе с тремя эпиграммами ("Известный откупщик Фадей...", "Теперь, сего же дня..." и "Истинный патриот") было вырезано из отпечатанной книги и осталось в отдельных экземплярах. К кому обращено стихотворение, не установлено. В некоторых списках имеет заглавие: "М. Л...ВОЙ". Горстка фимиама – выражение из оды В. В. Капниста "Ломоносов". ...Марс высокий – здесь: военный. ...Селадон плаксивый – нарицательное имя слезливого, грустящего любовника; пошло от имени героя пастушеского романа "Астрея" франц. писателя Оноре д'Юрфе (1568 – 1625). Труды затейливой Арахны – паутина; по имени лидийской девушки Арахны, славившейся своим ткацким искусством, дерзнувшей вызвать богиню Афину на состязание в ткачестве и превращенной ею в паука (греч. миф.).

<Н. И. Гнедичу>. "Сей старец, что всегда летает..." (стр. 213). Из письма к Н. И. Гнедичу от 27 ноября – 5 декабря 1811 г. Впервые – "Русская старина", 1883, No 5. Стихотворение написано по случаю именин Гнедича: "Завтра ты именинник, и надобно тебя поздравить... поздравляю тебя, мой милый друг, будь счастлив, весел, умен, люби меня, стихи и вино..." Далее в письме шло стихотворение, а за ним добавлено: "Вот мое желание: оно одинаково и в прозе, и в стихах".

Отрывок из XXXIV песни "Неистового Орланд да" (стр. 214). Из письма к Н. И. Гнедичу от 29 декабря 1811 г. Впервые – "Русская старина", 1883, No 5. Перевод из поэмы итал. поэта Лодовико Ариосто (1474 – 1533) "L'Orlando Furioso". Б. писал: "Я... перевел вчерась листа три из Ариоста, посягнув на него в первый раз в моей жизни... я теперь в луне с моим поэтом, в луне и пишу прекрасные стихи" (о выражении "в луне" см. примеч. ниже). Далее Б. дает характеристику Ариосто, позже частично использованную в статье "Ариост и Тасс" (1815): Ариосто "умеет соединять эпический тон с шутливым, забавное с важным, легкое с глубокомысленным, тени со светом... умеет вас растрогать даже до слез, сам с вами плачет и сетует и в одну минуту и над вами, и над собою смеется. Возьмите душу Вергилия, воображение Тасса, ум Гомера, остроумие Вольтера, добродушие Лафонтена, гибкость Овидия: вот Ариост!" Приведя стихи, Б. добавил: "Вот тебе образчик и моего дурачества: стихи из Ариоста". Тирский багрец – овечья шерсть, пропитанная ярко-красной краской; выделкой этой шерсти славился Тир, столица древней Финикии. Дурачься, смертных род, в луне рассудок твой! – В XXXIV песне "Неистового Орланда" рассказывается о том, как один из героев находит на луне рассудок, потерянный его отцом.

На поэмы Петру Великому (стр. 215). Впервые – ПРП, ч. 4. В письме к Гнедичу от конца февраля – начала марта 1817 г. Б. просил эпиграмму в "Опыты" не включать. Она направлена против нескольких лиро-эпических поэм о Петре Великом: "Петр Великий в 6-ти песнях" Р. Сладковского. Спб., 1803; "Петр Великий, лирическое песнопение в 8-ми песнях" кн. С. А. Ширинского-Шихматова. Спб., 1810. Возможно, ближайшим поводом к написанию эпиграммы явилась поэма А. Грузинцева "Петриада в 10-ти песнях". Спб., 1812. Наш Пин дар – Ломоносов, не закончивший своей поэмы "Петр Великий".

Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года (стр. 216). Впервые – "Славянин", 1830, No 3. Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения. В переходе через Неман, которым начался заграничный поход русской армии, Б. не участвовал, так как вступил в армию позднее. Царь молодой – император Александр I. Старец-вождь – главнокомандующий русской армией Михаил Илларионович Кутузов (1754 – 1813).

Надпись к портрету П. А. Вяземского (стр. 217). Из письма к П. А. Вяземскому от 9 марта 1817 г. Б. просил Вяземского: "Милый мой пузырь, пришли мне Жуковского портрет, что стоит тебе велеть срисовать его какому-нибудь маляру! Не я прошу его, твой портрет кличет на стене. Вот ему надпись..." Далее следует надпись и заключение: "Ей-ей изрядно для стихотворца хромого и с мушкой на затылке". Наш Катулл – сравнивая Вяземского с рим. поэтом Катуллом, одним из любимых своих поэтов, Б., возможно, имеет в виду не только любовную лирику, но и его памфлеты и эпиграммы.

<С. С. Уварову> (стр. 218). Впервые – "Северные цветы на 1826 г.". Спб., 1826, под заглавием "к NN". Адресовано графу Сергею Семеновичу Уварову (1786 – 1855), литератору, в то время деятельному члену "Арзамаса", попечителю

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
С.-Петербургского учебного округа, с 1818-го президенту Академии наук, впоследствии министру народного просвещения, знатоку древнего искусства и литературы. Стихотворение написано Б. на экземпляре "Опытов", подаренном Уварову, и относится ко времени совместной работы с Уваровым над переводами "Из греческой антологии" (см. примеч. к этому циклу). Аполлонов конь - Пегас (греч. миф.). Троя - древний город в Малой Азии, осада и взятие которого греками изображены в "Илиаде" Гомера. Салим - Иерусалим.

<П. А. Вяземскому> ("Я вижу тень Боброва...") (стр. 219). Впервые "Русский архив", 1866, стлб. 474 - 475, в статье "Литературные арзамасские шалости". Входит в неопубликованное письмо Б. к П. А. Вяземскому (ЦГАЛИ). За стихами приписка: "Т. е. я теперь, сидя с сильной головной болью, от которой ниже сном, ниже перечитыванием Шихматова не избавлюсь".

Из греческой антологии. 1 - 13 (стр. 220). Впервые - в брошюре "О греческой антологии". Спб., 1820. Переводы подготовлены Б. совместно с С. С. Уваровым в 1817 - 1818 гг. для журнала, который предполагал издавать "Арзамас". Но журнал не вышел, и стихотворения изданы были отдельной брошюрой со статьей об антологии, написанной Уваровым. Авторы подписались инициалами "СЛ" и "А", то есть "Старушка" и "Ахилл" - арзамасские имена Уварова и Б. Не знавший греч. языка Б. сделал переводы из антологии с француз. переложений Уварова, которые также были помещены.

"Антология" - сборник стихотворений греч. поэтов, впервые напечатанный в XV в.

1. "В обители ничтожества унылой..." - перевод эпиграммы греч. поэта Мелеагра Гадарского (I в. до н. э.), произведения которого были положены в основу "Антологии".
2. "Свидетели любви и горести моей..." - перевод эпиграммы греч. поэта Асклепиада Самосского (ок. III в. до и. э.).
3. "Свершилось: Никагор и пламенный Эрот..." - перевод эпиграммы греч. поэта Гедила (III в. до н. э.).
4. Явор к прохожему - перевод надписи греч. поэта Антипатра Сидонского (II - I вв. до н. э.).
5. "Где слава, где краса, источник зол твои х?.." - перевод эпиграммы того же поэта. Уваров писал, поясняя смысл стихотворения: "Поэт предполагает, что nereиды, дочери океана, сетуя на развалинах величественного коринфа, поют: "Где слава, где краса, источник зол твоих?" Коринф, разрушенный римлянами в 146 г. до н. в., около ста лет пролежал в развалинах. Стогны - площади. Мусия - мозаика, картина, составленная из цветных камней. Алкион (Альциона) - дочь Эола, бога ветров, превращенная Зевсом в чайку (греч. миф.).
6. "К уда, красавиц а?" - "За делом, не узнаешь!.." - перевод эпиграммы неизвестного поэта "Антологии".
7. "Сокроем навсегда от зависти людей..."; 8. "В лай се нравится улыбка на устах..."; 9. "Т е б е ль оплакивать утрату юных дней?.."; 10. "Увы! глаза, потухшие в слезах..."; 11. "Улыбка страстная и взор красноречивый..."; 12. "Изнемогает жизнь в груди моей остыло й..." переводы из греч. поэта Павла Силенциария (VII в. н. в.). Уваров писал: "Павел, рожденный и воспитанный в христианстве, должен был сохранить в душе своей неизгладимую печать религии, но поэзия его более принадлежит к роду поэзии древних: все их формы строго соблюдены". О 9-м стихотворении Уваров писал: "Поэт обращается к постарелой красавице".
13. "С отвагой на челе и с пламенем в крови..." - источник перевода неизвестен. Уваров писал 6 стихотворений: "Сверх того, найдена еще на обверточном листе издаваемой нами рукописи следующая надгробная надпись, с греческого переведенная".

Послание к А. И. Тургеневу ("Есть дача за Невой...") (стр. 226). Впервые - "Памятник отечественных муз на 1827 г.". Спб., 1827. Как отметил Н. Фридман, стихотворение "написано под несомненным влиянием послания М. Н. Муравьева "К Феоне". Есть дача за Невой - имение Олениных Приютино находилось в Парголово, в

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
17 верстах от Петербурга; там собирались поэты и художники. ...добрая Элиза \ \ и с ней почтенный муж. - Елизавета Марковна Оленина, урожденная Полторацкая (1768 - 1838), жена А. Н. Оленина (о нем см. примеч. к стихотворению "Гезиод и Омир, соперники"). Поэт лентяй, счастливец II и тонкий философ II Мечтает там Крылов... - сходную характеристику Крылова Б. дал в очерке "Похвальное слово сну" (1815 1816): "пишет прелестные басни и комедии и необоримую леность свою умеет украшать прочнейшими цветами поэзии и философии". Кипренский Орест Адамович (1783 - 1836) - рус. художник-портретист, создавший ряд портретов рус. писателей, в том числе три портрета Б. Вандиков ученик - Ван-Дейк Антонис (1599 - 1641) - фламанд. живописец-портретист. Современники называли Кипренского "русским Ван-Дейком" и его учеником. Тянислов - бездарный поэт, персонаж комедии Крылова "Проказники". По мнению Н. И. Греча, Б. имел в виду здесь Петра Матвеевича Карабанова (1765 - 1829) - члена "Беседы любителей русского слова", переводчика "Альзиры" Вольтера и автора торжественных и напыщенных од. Балдус - писатель-педагг, принятое в кругу карамзинистов прозвище А. С. Шишкова и его последователей (ср. эпиграмму Б. в "Опытах" "Всегдашний гость, мучитель мой...").

К творцу "Истории государства Российского" (стр. 228). Впервые "Полярная звезда на 1824 г.". Спб., 1824. Послание посвящено Н. М. Карамзину и написано в связи с выходом в свет восьми томов его "Истории" в феврале 1818 г. Включено в письма Б. А. И. Тургеневу и Е. А. Карамзиной (1780 - 1851), жене историка (август 1818 г.) - в последнем письме без подписи, посланном от имени "навсегда неизвестного", Б. писал: "Тронутый глубоко, восхищенный чтением "Истории Государства Российского", я написал несколько стихов к бессмертному оной творцу". В июле 1818 г. Б. писал: "Карамзина не выпускал из рук". Отец истории - первый древнегреч. историк Геродот (ок. 484 - 425 гг. до н. э.). Фукидид (ок. 460 - ок. 400 гг. до н. э.), древнегреч. историк. Эпизод чтения Геродотом "Истории греко-персидских войн" на Олимпийских играх в присутствии Фукидида, будущего автора "Истории Пелопонесской войны", взят Б. из "Эмилиевых писем" М. Н. Муравьева. Ристанье - турнир. Скрижалъ - здесь: история.

Князю П. И. Шаликову (при получении от него в подарок книги, им переведенной) (стр. 229). Впервые - "Новости русской литературы", 1822, кн. II, No 17, со следующим примечанием Шаликова: "Предчувствую, с каким удовольствием читатели сих листков увидят стихи столь давно умолкшего любезного поэта, полученные мною пред отъездом его в Италию". Послание написано в связи с тем, что Шаликов подарил Б. свой перевод "Новых повестей" франц. писательницы графини Мадлен Фелисите Дюкре де Сент-Обен жанлис (1746 - 1830), очень популярного в то время в России автора сентиментальных романов и повестей. Альбомную запись Шаликов напечатал без разрешения Б., находившегося тогда в тяжелом душевном состоянии. Это вызвало негодование друзей. "Опять напечатаны стихи Батюшкова и какие же, писал Вяземский А. И. Тургеневу 9 января 1823 г., - где он сравнивает себя с Буяновым. Ну, как они попадутся ему? Что за неуважение такое и варварское насилие? Известно, что Батюшков ничего ни писать, ни печатать не хочет, а его насильно ташут. Шаликову, конечно, приятно довести до сведения публики, что Батюшков обещается и умирая не забывать отечества и его; но зачем же Воейкову (редактору "Новостей". - Д. М.), Шаликова теща, оскорблять Батюшкова?" ("Остафьевский архив", т. II. Спб., 1899, с. 296 - 297). Почтенный поэт - Б. разделял общее ироническое отношение к Шаликову, бездарному эпигону Карамзина, ставшему предметом бесчисленных сатирических нападок. Насмешки над ним нередки в письмах Б. В "Видении на берегах Леты" Шаликов выведен как "поэт присяжный, князь вралей" (А. Ф. Воейков почти повторил эту характеристику кн. Шаликова в своем "Парнасском Адрес-календаре" в 1818 - 1820 гг.: "присяжный обер-волокита, князь вралей"). Любезный тон послания не указывает на изменение отношения к Шаликову, как свидетельствуют о том письма Б. этого времени. Это прежде всего долг вежливости, но, как отметила И. М. Семенко, "в нем есть и искренняя сердечность". Послание написано незадолго до отъезда Б. на дипломатическую службу в Неаполь и передает то тяжелое чувство, с которым он покидал Россию. "Я знаю Италию, не побывав в ней, - писал Б. 10 сентября 1818 г. А. И. Тургеневу. - Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях, мне драгоценных. Ни зрелища чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественные воспоминания не заменят для меня вас и тех, кого привык любить". Хотя Шаликов и не относился к числу тех, кого Б. "привык любить", но даже в прощании с ним "есть нота сожаления". "В картузе с козырьком, с небритыми усами" - цитаты из двух стихов поэмы В. Л. Пушкина "Опасный сосед". Пушкина герой - Буянов, из характеристики которого Б. взял вышеприведенные слова. Кастраты - певчие в церковном хоре (капелле).

"Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы..." (стр. 231). Впервые "Современник", 1857, No 3, в качестве "отрывка из неизвестного стихотворения" Б. Однако, по мнению Д. Благого, стихотворение "носит совершенно законченный характер" (Изд. 1934, с. 543). Байя – старинный город близ Неаполя; во времена Римской империи был аристократическим курортом, застроенным роскошными виллами. Байя во время посещения Б. в 1819 г. представляла собой развалины дворцов и храмов, частью затопленные морем. "Байя, теперь печальная, некогда роскошная", – писал Б. Жуковскому 1 августа 1819 г.

"Есть наслаждение а в дикости лесов..." (стр. 232). Впервые "Северные цветы на 1828 г.". Спб., 1828. Вольный перевод 178-й строфы IV песни "Странствований Чайльд-Гарольда" Байрона. М. Н. Лонгинов опубликовал в "Современнике" (1857, No 3 – 4) продолжение, являющееся переводом начала следующей, 179-й строфы:

Шуми же ты, шуми, огромный океан!

Развалины на прахе строит

Минутный человек, сей суетный тиран,

Но море чем себе присвоит?

Трудися; созидай громады кораблей...

Последняя строфа добавлена в списке Вяземского в "Записной книжке", Б. не владел английским языком. Перевод он сделал, видимо, с одного из итальянских переложений: "Итальянцы... переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью", – писал А. И. Тургенев 7 января 1820 г., излагая письмо Б. к нему. В Италии как раз в те годы, когда Б. находился там на дипломатической службе (1818 – 1821), очень вырос интерес к поэзии Байрона. Сколь глубокое впечатление оставило творчество Байрона в душе Б., можно видеть по письму, написанному им в 1826 г., в разгар душевной болезни, когда Байрона уже два года как не было в живых:

Лорду Байрону, в Англию

Прошу вас, милорд, прислать мне учителя английского языка, когда я буду обитать снова в Москве, в сем доме. Желая читать ваши сочинения в подлиннике. Молитесь невесте моей.

Константин Батюшков.

Перевод очень понравился Пушкину: он собственноручно списал его под заглавием "Элегия" и, кроме того, вписал его в свой экземпляр "Опытов". Возможно, стих. Ф. И. Тютчева "Певучесть есть в морских волнах..." реминисценция этого перевода Б.

Надпись для гробницы дочери Малышевой (стр. 233). Впервые, с искажениями, – "Сын отечества", 1820, No 33, под заглавием

"Надгробие русскому младенцу, умершему в Неаполе". Публикация вызвала резкую полемику между Д. Н. Блудовым, другом Б., привезшим эпитафию из Италии, и напечатавшим ее А. Ф. Воейковым. Блудов в письме к издателю "Сына отечества" писал, что стихотворение "является в первый раз русским читателям... в обезображенном виде". Вяземский возмущенно спрашивал А. И. Тургенева: "Кто так изуродовал Батюшкова в 35-м Сыне?" Сам Б. также был возмущен тем, что стихотворение появилось в печати без его ведома. Готовя новое издание "Опытов", Б. вписал стихотворение в свой экземпляр. Малышева Елена Павловна (1796 – 1820) – дочь сенатора П. Н. Каверина, неаполитанская знакомая Б" умершая через несколько месяцев после смерти дочери. По ее просьбе поэт написал эпитафию.

Подражание Ариосту (стр. 234). Впервые – "Северные цветы на 1826 г.". Спб" 1826. Вольный перевод 42-й строфы I песни "Неистового Орланда" Ариосто. Октаву подлинника Б. сократил до шести строк, превратив ее в самостоятельную антологическую пьесу. В качестве подзаголовка дан первый стих подлинника: "Девушка подобна розе".

Подражания древним. 1 – 6 (стр. 235). Впервые – газ. "Русь", 1883, No 23, от 1 декабря, напечатано с ошибками. Вписано Б. в тот экземпляр II части "Опытов", в

Стихотворения (1809-1821). К. Н. Батюшков batyushkov.ru
который он вносил свои поправки в бытность за границей, готовя второе издание книги.

1. Понт – море (греч.). Лавурной царь пустыни – по замечанию И. М. Семенко, "во всех советских изданиях этот стих до сих пор печатался ошибочно: "лазурный царь...", что бессмысленно по отношению к солнцу. Эта текстологическая ошибка возникла в связи с переводом на новую орфографию прилагательных со старинной формой окончания именительного падежа" (К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 576). Немезида – богиня судьбы и возмездия (греч. миф.).

2. Йемен – страна на юге Аравийского полуострова.

3. Амбра (амбра) – смолистое благовонное вещество.

4. Будь в счасгьи – Сципион – то есть щадя победенных,

как рим. консул и полководец Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (ок. 235 – 183 гг. до н. э.), проявивший милосердие к побежденным при взятии Карфагена. Петр – император Петр Великий (1672 – 1725).

"Жуковский, время все проглотит..." (стр. 237). Впервые – "Русская старина", 1887, No 4. Вписано Б. в альбом Жуковского при встрече с ним в Дрездене. Плетаев – ироническое прозвище, данное Б. Петру Александровичу Плетневу (1792 – 1865), поэту и критику.

"Ты знаешь, что изрек..." (стр. 238). Впервые – "Библиотека для чтения", 1834, No 2, под заглавием "Изречение Мельхиседека", с вариантом ст. 6: "Зачем он шел долиной скорбной слез". Повторено как неопубликованное в "Русской старине", 1884, No 4, с примечанием публикатора, поэта А. И. Подолинского: "Кто мне сообщил это стихотворение, не помню. Сообщавший утверждал, что оно, уже по смерти поэта К. Н. Батюшкова, было замечено на стене, будто бы написанное углем". Мельхиседек (Мелхиседек) – царь Салима (Иерусалима), "не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда", "по знаменованию имени царь правды". Таинственное лицо, упоминаемое в Ветхом (Бытие, XIV, 18 – 20 и Псалтирь, CIX, 4) и Новом (К евреям. V, 6, 10; VII. 1-4) Заветах. Ничего подобного "изречению Мельхиседека" неизвестно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!